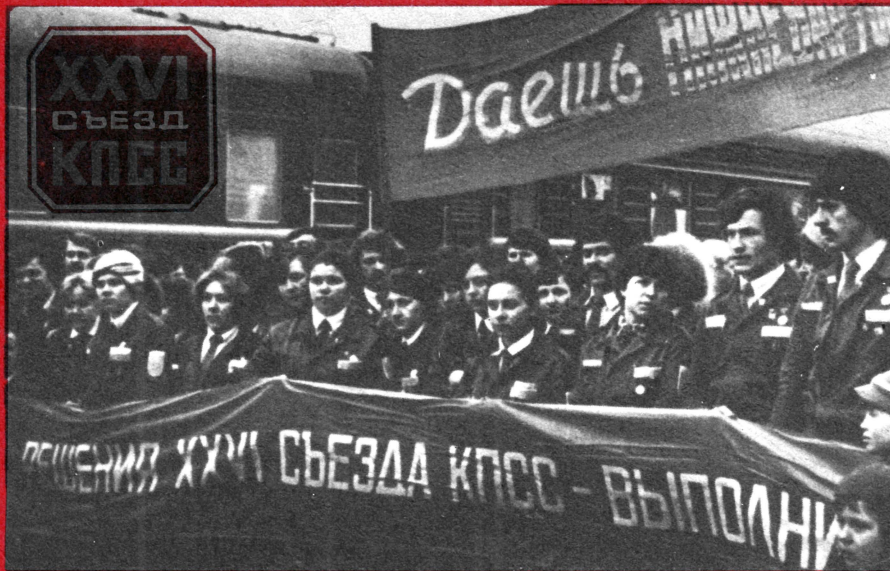

уральский

следопыт

№11 *** 1981

НА РАБОТУ ЖАРКУЮ...

«Ваш отряд носит имя XXVI съезда КПСС. Это почетно и ответственно. Вас ждут большие и сложные дела по реализации крупномасштабной программы форсированного освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири, создания территориально-производственных комплексов в Сибири и на Дальнем Востоке, сооружения Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, строительства новых городов и заводов», — с такими словами обратился Л. И. Брежнев к лучшим представителям Ленинского комсомола, отправившимся осваивать богатства Сибири.

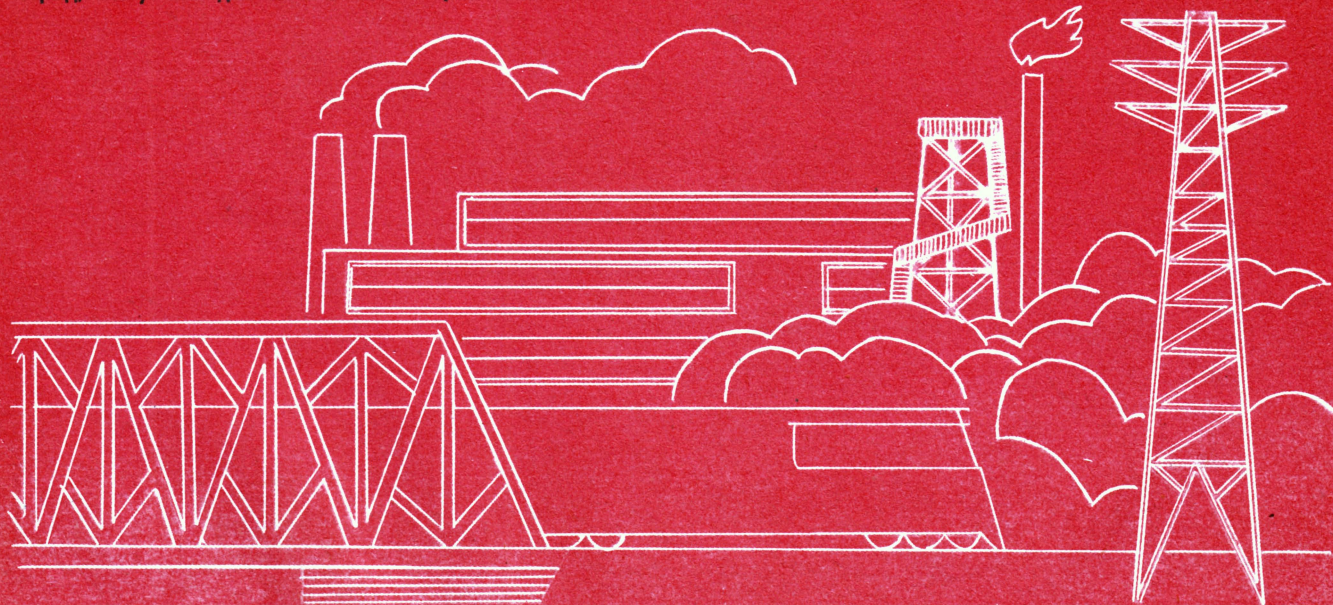
В составе Всесоюзного отряда имени XXVI съезда КПСС немало молодых уральцев. Но и те, кто не вошел в отряд, живут сегодня заботами Сибири. Такой является

бригада из цеха сборки буровых машин и экскаваторов Уралмашзавода, возглавляемая Леонидом Солдатовым.

Уралмашевцы завязали тесную дружбу с рабочими коллективами сибиряков, для которых они выпускают свою продукцию. Совместная работа позволяет готовить сверхмощные буровые установки с меньшей, чем прежде, металлоемкостью, повышенной износоустойчивостью.

На снимках: Всесоюзный отряд имени XXVI съезда КПСС; Леонид Солдатов и комсорг бригады вышколонтажников объединения «Сургутнефтегаз» Александр Подкорытов.

*Фото А. Нагибина
Оформление С. Мальшева*

В номере:

И. Беляев, Э. Молчанов, Л. Матвеева, В. Лаптев, М. Шанбатуев, Г. Яшин, В. Кудрин «...И НЕ НАЙДЕТСЯ В МИРЕ СИЛЫ ЕЕ ОТ СЕРДЦА ОТОРВАТЬ». Стихи	2
А. Новоселов ВОССТАНИЕ	5
С. Мешавкин ТАМ, У ПОЛЯРНОГО КРУГА	8
Е. Подчивалов ПЕРВАЯ СТАЛЬ	17
ДЕЛО ЧЕСТИ	22
Е. Суворов НАД ОБРЫВОМ. Рассказ	28
С. Мельников ОТРАЖЕННОЕ СОЛНЦЕ. Фотоэкспедиция «Ураль- ского следопыта» «Дальний Восток — Тихий океан». Окончание	31
Э. Феоктистова, Ю. Рязанов ЛУЧ И КАМЕНЬ	33
Кир Булычев ЦАРИЦЫН КЛЮЧ. Повесть. Окончание	34
Б. Рябинин ПОБЕЖДАЯ, ЖИТЬ...	60
А. Никитин ЛЮБОПЫТНЫЕ МОГУТ СПРАВИТЬСЯ...	64
К. Новосельский СТАХАНОВЕЦ НАУКИ	66
Б. Зеличенко РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ	68
Ю. Липатников ДОРОГА ДЛЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА	69
М. Азерный ТЮМЕНСКИЙ СЕКУНДОМЕР	70
МИР НА ЛАДОНИ	73
Г. Дробиз ЗАДАЧА. Рассказ	76

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-26-01, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28.07.81.
НС 11173
Подписано к печати 18.09.81.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учечно-издательских листов 10,8
Тираж 254 000.
Заказ 508.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунк С. СУХОВА

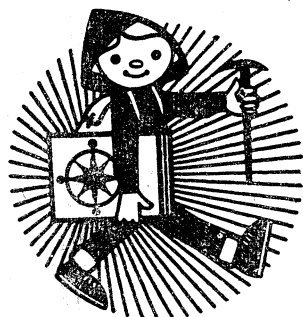
© «Уральский следопыт», 1981 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№11 *1981

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

«...И не найдется»

Рисунки
В. Мериново

Иван
БЕЛЯЕВ

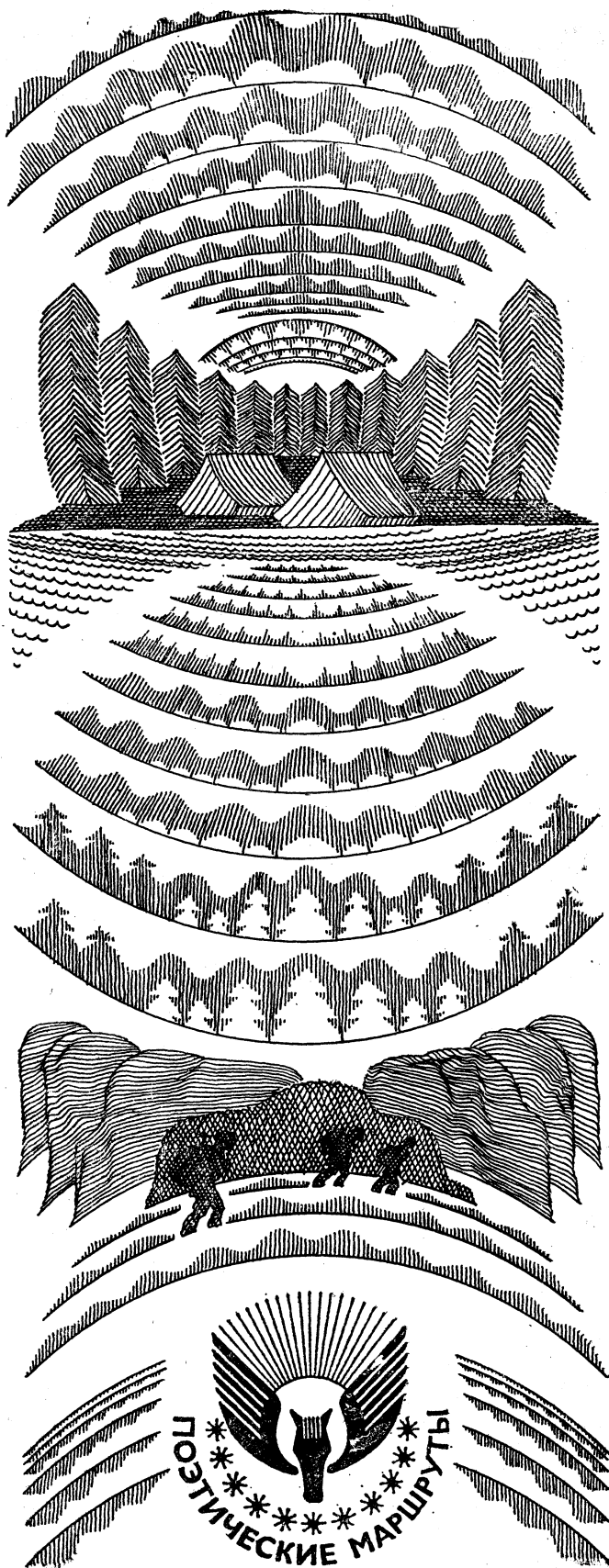
Верстак

Сосед на все дела мастак,
Все делает с охотой:
Такой он сделал мне верстак —
Работай да работай!
И я с работою знаком
Ничуть не хуже тоже
И за хорошим верстаком
Стол сделаю хороший.
Поэт напишет добрый стих
За тем столом дубовым
И в нем помянет он двоих
За труд хорошим словом.
А слово это вдохновит
На славный труд кого-то,
И наша долго будет жить
В делах людских работа.

Эдуард
МОЛЧАНОВ

Звали на смену гудки.
Отправлялись на фронт эшелоны.
И госпитальные койки
Стояли в классах.
А по ночам
У домов затемненных
Вахту несли до рассвета
Дежурные в касках.
В детстве моем
«Жди меня» и «Землянку»
Читали со сцены.
Жадно ловили по радио
Сводки известий.
А на базарах
Росли баснословные цены.
А похоронки
В руках у солдаток
Взывали о мести.
Эхо войны,
Неизбывное эхо тех лет...
«Гнев, о богиня, воспой...» —
Я листал «Илиаду».
Мать прибавляла огня
В лампе из гильзы снаряда
И уходила в шинели
В ночной лазарет.

в мире силы ее от сердца оторвать»

**Людмила
МАТВЕЕВА**

Не исчезает прошлой жизни суть,
Лишь перейдя в другое постоянство,
Презрев события, время и пространство,
Опять другой прокладывает путь.
Так тихо травы в том краю звенят,
Пушатся вербы, в крашеной оградке
Царят свои особые порядки,
И, как живой, дед смотрит на меня.
Я помню: он к мартену поспешал,
Я тоже вместе с ним шагала —
В цеху мужала у металла
Моя открытая душа.
Я до сих пор в большом долгу
Пред дедом, и уходят корни
В родную землю, в край мой горный —
Ему на верность присягну.

Мопед

Ах, какой я быстроходный
гонец!
Словно всадник, восседаю
на коне.
Только скачет мой конь
и не ржет,
только конь, словно огнивом,
жжет.
Еду быстро, и дымится
мой след.
Вот какой чудо-конь
мой мопед.
«Эй, девчонка!» — мне ребята
кричат.
А я — газу, а я — газу
сгоряча.
Сразу конь мой почуял
простор,
Сивкой-буркой вскочил
на бугор.
И года мои с мопедом
быстро вниз,
словно детству
навстречу неслись.

Черника

Чудо какое — черника!
Из ягодной речки в ведро
Плещем с восторгом диким

Даром лесное добро.
Синие, будто заплатки,
Локти, коленки, и вот
Синий, арбузно-сладкий
Смех нас, детей, берет, —
Сеется он сквозь сосны,
Может, в последний раз:
Ливнем заботы взрослые
Вот-вот упадут на нас.

**Владимир
ЛАПТЕВ**

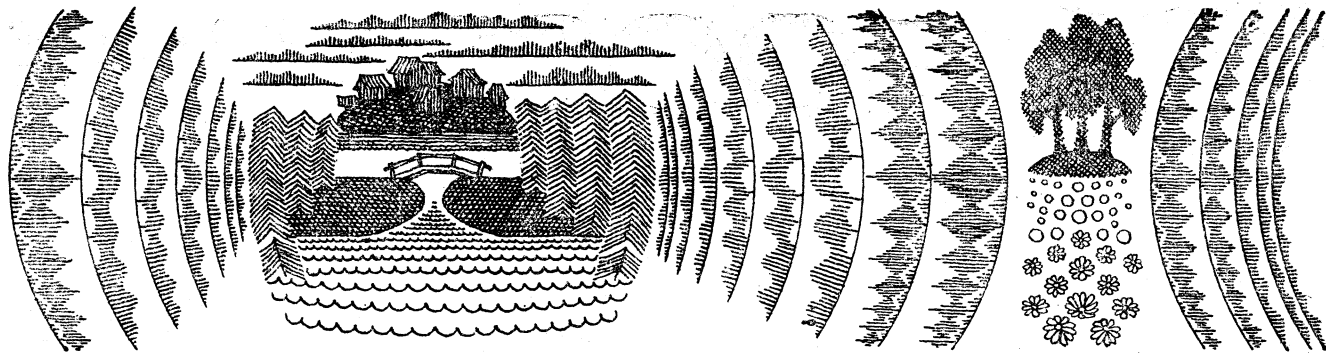
Сосна

Среди своих подруг стройна,
Раскинув ветви, словно руки,
Упала с грохотом сосна
На землю у речной излуки.
С сосны очистили кору,
Она на солнце засверкала
И на исхлестанном юру
Опорой телеграфной встала.
Тяжелый кабель на плечах.
Ее снега, дожди полощут,
И ветер плачет в проводах,
Примчавшись из родимой рощи.

**Михаил
ШАНБАТУЕВ**

Мостиком была улица

Встретились, как на мостике,
Шатком, в две тонких жердочки.
Русых косичек — хвостики,
Глаз васильковых — звездочки.
Встретились, как заблудшие,
Словно в бреду, в беспамятстве.
К лучшему или к худшему?
Что теперь с ними станется?
Встретились, как две молнии.
И удивились — поровну.
Встретились, словно вспомнили,
Молча пошли в одну сторону.
Мостиком была улица
Шумная, многолюдная,
Глупая, моя умница!
Умница, моя глупая!

Степной поселочек,
 Речушка
 Да три березы на бугре.
 Соседка —
 Девушка в веснушках —
 Да вздох гармонии на заре.
 Всего и было,
 А хватило
 Моею родиною стать.
 И не найдется в мире силы
 Ее от сердца оторвать.

Георгий ЯШИН

Геологи

Снегопады будут и морозы,
 С ними ветры, вьюги, а пока
 Паруса палаток и березы
 Отражает сонная река.
 Отдыхать приходится здесь мало —
 Все маршруты: сопки да тайга.
 Но всегда мы видим с перевалов
 Базу и далекие луга.
 А когда, лютуя, непогода
 Соберет отряд в обратный путь —
 На своем последнем переходе
 У хребта присядем отдохнуть.
 Мы увидим снег у речки темной
 И палатки белые опять...
 Но они на этот раз напомнят
 Лебедей, готовых отлетать.

Золото

В походах проходит лето,
 Живу у холодных гор:
 Шалаш из еловых веток,
 Высокий ночной костер.

Шлихую лесную речку,
 Трясу над водой лоток.
 В тепле у огня под вечер
 Сушу золотой песок.
 Трава шелестит от ветра,
 Плывет голубой дымок...
 Стоит мой шалаш под кедром,
 Горняцких домов росток.

Спят товарищи усталые,
 Глухо шепчет бор.
 Угольками тлеет алыми
 Стихнувший костер.
 Небо звездами расцвечено,
 Хмуры пики скал...
 Все здесь строгое и вечное,
 Краток лишь привал.

Владимир КУДРИН

Песня старого бурята

Спокоен мой конь усталый,
 и мысли мои спокойны.
 Спокойна река в долине —
 лучистая Селенга.
 И вся моя жизнь спокойно
 прошла по тайге оленем,
 непуганым, непугливым,
 презревшим собачий брех.
 Я вырастил сына с дочкой,
 в горах каждый камень знаю,
 но не был в далеких странах,
 не пил из богатых чаш.
 Одним я могу гордиться:
 я кланялся лишь деревьям,
 что низко склонили ветки
 над моею тропой.

ВОССТАНИЕ

**Александр
НОВОСЕЛОВ**

*Площадь Восстания.
Старый центр
древнего уральского
города Туринска.*

*Здесь —
монументальный комплекс
в память об участниках
революции, гражданской
и Великой Отечественной войн.*

*Кто они,
поднявшие знамена борьбы
за Советскую власть?*

*Более 20 лет
занимался А. Новоселов
краеведческими поисками,
побывал в архивах
Свердловска и Ирбита,
Тюмени и Тобольска,
встречался с участниками
и очевидцами
событий 1917—1923 годов.*

Стояли мартовские дни 1919 года. Туринский уезд находился в глубоком тылу колчаковской армии: все декреты Советской власти аннулированы, в селах и деревнях бесчинствуют офицерские и казачьи отряды, отбирая у крестьян хлеб и скот.

А тут новая беда: объявлена мобилизация в колчаковское войско. По приказу командующего особой колчаковской сибирской дивизией генерал-лейтенанта Гайды от 26 февраля 1919 года призываемые должны явиться к сборным пунктам «в полном собственном обмундировании с достаточным запасом продовольствия». Не хватает у Колчака ни солдат, ни обмундирования, ни продовольствия. Туту ему приходится на фронте под ударами Красной Армии, тают его полки от дезертирства.

... Второй день гудела, как встревоженный улей, старая базарная площадь. В синем небе поблескивали позолоченными куполами собор и Покровская церковь. Рядом, у изгороди — люди, лошади, сани. Из толпы доносится то звонкое пиликанье гармошки, то бабий плач.

Вот появились новые подводы с мобилизованными: это прибыли крестьяне Липовской волости.

Десятка два отчаянных мужиков наступали на воинского начальника. Тот, бледный и усталый, стоял в окружении конной милиции и тщетно пытался навести порядок. А рядом, прямо перед самыми мордами милицейских лошадей, размахивая руками и надрываясь в крике, метался черный, как цыган, Иван Пятков.

— Пущай расписку дают, что силом забирают, а добровольно не желаем! — кричал он.

— Не желаем! Не! — вразнобой поддерживала его толпа.

— Граждане свободной России! — пытался перекричать всех воинский начальник. — Мужики! Неужели вы хотите, чтобы большевики снова над вами верховодили? Я призываю к порядку! Все как один встанем за матушку-Россию! Ваши земляки из Пушкаревской волости вчера уже в вагоны погрузились!

— Врет он, мужики! — раздался сильный голос из толпы. Это не выдержал Андриан Малков. — Мы под Коркино подводы встречали: возвращаются домой пушкаревские.

— Давай, Андрейша, шпашь их! — поддержал однофамильца и своего закадычного дружка Мишуха Малков. Удалой и веселый у Андриана прав, верен он в дружбе — за то и любил его Мишуха, гордился им. Особенно после того, как, вернувшись с германской с унтер-офицерскими нашивками — за храбрость произвели, не прилип он к богатым, а в первый же день мирюду деревенскому Саватию заявил:

— Хватит кровушку нашу пить! Нынче в России власть советская. Ленин велел всю землю беднякам отдать. А не отдашь — силою возьмем.

Но не успел он землю забрать. Через неделю Липовскую волость белые захватили.

И снова стоял Андриан на площади, с которой уходил за царя воевать.

— Неча нам делать у Колчака! — горячо говорил Андриан. — Красные придут, как им в глаза глядеть будем? Они нам землю дали, а мы против них винтовки должны поднимать? Советская власть нам зла не делала, и мы против нее не пойдём!

— Молчать! — заорал воинский начальник. — Взять его!

Милиционеры послушно тронули лошадей, но пробиться сквозь

подавшуюся толпу им не удалось. Люди напирали, хватая лошадей под уздцы.

Рядом с Андрианом появился немолодой солдат в барашковой шапке. Из-под распахнутой шинели тускло блеснули георгиевские кресты. Люди снова притихли.

— Мужики! Я две войны прошел! Не за что нам, мужики, воевать-то выходит. Была у меня при красных лошаденка — сейчас в колчаковский обоз забрали. Вот и меня сиюком в войско это загоняют. Не добровольцы мы, нет!

— Пр-а-вильно! — загудели одобрительные голоса.

— Кто это? — спросил Мишуха у стоящего рядом.

— Ляксея Юферов — полный георгиевский кавалер.

Шумело море голосов, все громче звучали горячие речи агитаторов.

К вечеру собрались бывшие фронтовики в избенке дальней родственницы Андриана вдовы Мавры Белоноговой. В избе коптила семплинейная лампа со сломанным и подклеенным бумагой стеклом, в воздухе — дым от солдатских самокруток.

— Нужно немедленно забирать оружие у местной команды и уходить в тайгу, — настаивал Андриан.

Ему возражали: «С чем пойдём на эту команду-то, с голыми руками али с вилами?..»

— И все же иного выхода, кроме борьбы, у нас нет.

На столе, присвистывая, клубясь горячим паром, появился самовар. Мужики зашевелились, кряхтя полезли в свои котомки.

А в это время в большом доме купца Чиркова, что белокаменной крепостью возвышался над ветхими избенками города, совещались воинский начальник Зубов и начальник милиции Букин. Каменные стены в полтора аршина да воинская команда в полуподвале надёжно охраняли их от взбунтовавшихся новобранцев.

Сам Чирков, купец первой гильдии, уже пять лет покоился в именной усыпальнице, сооружённой в ограде женского монастыря. Лю-

бил погулять, покурить после длительных поездов и удачных сделок разудалый купец. И погубили его однажды поровистые кони, хмельная голова да туринская улица крутая. А в доме остались две старухи — сестры купца. Медленными темпами бродили они по высоким гулким комнатам, неслышно прикрывая за собой тяжелые двери. В заднем, северном углу дома была оборудована богатая молельня, где они и проводили в поклонах целые дни и ночи.

— Доберется наш нарочный? — лениво потягивая вино, спросил Зубов. — Шесть часов минуло. Должен быть в Ирбите.

— Как бы они в тюрьму не кинулись. Переполнена она до отказа. Надо бы усиленные караулы выставить.

— Распорядился уж.

— И когда эта война кончится... Наших, говорят, у Перми остановили.

— Англичане нам должны помочь.

— А пока они помогут, полки от дезертирства развалятся. И пополнять нечем. Вот и сегодня... — Зубов ожесточенно скрипнул зубами.

— Ничего, завтра на коленках ползать будут, только бы подошла подмога...

— А ты заметил их главарей?

— Все на примете, да люди верные есть. Укажут.

— Только бы дожидаться подмоги, а тогда уж мы с ними поговорим.

В комнате надолго установилась тишина, лишь изредка звенели стаканы. И только за полночь по мостовой у подъезда цирковского дома зацокали подковы лошадей, затарахтели повозки, груженные пулеметами.

Рано утром над городом в весеннем морозном воздухе тоненькими струйками поплыли дымки. Просыпались мужики, собирались на площади. Несмотря на то, что с утра по городу пронесся слух о прибытии карателей, бывшие фронтовики снова собрались вместе. Кое-кто прихватил с собой оружие.

С людьми снова заговорил Андриан Малков, призывая к вооружен-

ному захвату города. Вдруг со стороны собора на площади появился начальник милиции Букин.

— Бей белопогонников! — звонко крикнул Иван Купа и, размахнувшись, бросил бомбу, но та не взорвалась. Кони букинской охраны испуганно шарахнулись в сторону.

Неожиданно с колокольни собора и с горы ударили пулеметы. Со всех сторон к площади приближались щеренги карателей. Обливаясь кровью, упал Иван Белобородов, повис на заборе с простреленной головой Григорий Калинин, завывала раненная в живот женщина. Кони рвались с привязи и металась по улицам.

— Товарищи, спокойно! Занимайте оборону: все за торговые ряды! — командовал Андриан Малков.

Многие и без того уже поняли, что их спасение — за торговыми прилавками. Вскоре оттуда раздалась дружные выстрелы.

Каратели приостановились, залегли. Постепенно перестрелка на площади ослабела, у оставшихся кончались патроны. Зная это, каратели терпеливо выжидали. Первым отбросил ненужную винтовку Михаил Бурдуков. В бессильной ярости сжимали кулаки другие восставшие.

Восстание было подавлено, о его последствиях рассказывают документы. Вот выписка из сообщения управляющего Тобольской губернией. «Милицией было арестовано 54 человека. 19 из них немедленно преданы военно-полевому суду. Впредь до прибытия в город Туринск усиленного воинского отряда мобилизация временно была приостановлена и город объявлен на осадном положении». (Газета «Сибирский листок», 1919, 27 марта.)

По приговору военно-полевого суда от 14 марта 1919 года, спустя семь дней после восстания, Андриан Иванович Малков из деревни Гари, Гавриил Емельянович Семенов из Тюмени, туринец Иван Сергеевич Пятков, Иван Ильич Аникин из деревни Бушлановой, Павел Антонович Толстых из деревни Дымковой, Михаил Михайлович Бурдуков из деревни Луговой, Иван Иванович Купа из деревни Илясовой были приговорены к смертной казни.

Алексею Михайловичу Юфереву, как полному георгиевскому кавалеру, смертная казнь в последнюю минуту была заменена пожизненным заключением.

Таковыми были эти замечательные, мужественные люди, восставшие против мобилизации в армию Колчака. Но их подвиг не прошел бесследно, весть о нем разнеслась по городам и селам. После событий в Туринске вспыхнуло вооруженное восстание мобилизованных в Тюмени, начались волнения среди крестьян в Ишимском, Ялуторовском и других уездах Тобольской губернии. Все это срывало или надолго задерживало мобилизацию в колчаковскую армию, способствовало ее разложению с тыла. А в это время с запада, пз-за Урала, нарастала победная поступь Красной Армии.

Рисунок
В. Вельбоя

ТАМ, У

Планомерное, ускоренное освоение природных богатств восточных и северных районов страны, усиленное развитие оленеводства, пушного звероводства предусматривают «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

Станислав
МЕШАВКИН

ЭВЕНКИЯ ЛЕЖИТ У ПОЛЯРНОГО КРУГА.
ЭТО — ЦЕЛАЯ СТРАНА,
ТЕРРИТОРИЯ КОТОРОЙ РАВНА
ВМЕСТЕ ВЗЯТЫМ АНГЛИИ, ФРАНЦИИ И ДАНИИ.
ДВЕ ТРЕТИ — ТАЙГА, ОСТАЛЬНОЕ — ТУНДРА.
ПОДКАМЕННАЯ И НИЖНЯЯ ТУНГУСКИ ПЕРЕСЕКАЮТ ЕЕ,
НЕСЯ СТУДЕННЫЕ ВОДЫ К МОГУЧЕМУ ЕНИСЕЮ.
ЭВЕНКИЯ — ВАЛЮТНЫЙ ЦЕХ ГОСУДАРСТВА:
ЗДЕСЬ ОБИТАЮТ СОБОЛЬ, БЕЛКА, РОСОМАХА, МЕДВЕДЬ.
КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАНЯТО ОХОТОЙ,
ОЛЕНЕВОДСТВОМ, РЫБОЛОВСТВОМ.
ЧУКЧИ НАЗЫВАЮТ ЭВЕНКА ВСАДНИКОМ НА ОЛЕНЯХ.
ЕСТЬ И ДРУГОЕ ТОЛКОВАНИЕ — «ПОПЕРЕЧНЫЕ»,
ОНО ИДЕТ ИЗ ПРОШЛОГО,
КОГДА ТУНГУСЫ СОВЕРШАЛИ СТРАНСТВИЯ
ПОПЕРЕК ГОРНЫХ ХРЕБТОВ.
ТУНГУСЫ ПЕРЕВОДЯТ СЛОВО ЭВЕНКИ КАК «ЛЮДИ».
В СОВРЕМЕННОЙ ЭВЕНКИИ
ПРОЖИВАЕТ 18 ТЫСЯЧ ЖИТЕЛЕЙ,
НА ОДИН КВАДРАТНЫЙ КИЛОМЕТР
ПРИХОДИТСЯ 0,02 ЧЕЛОВЕКА. ЦЕНТР ОКРУГА — ТУРА.
В НЕБОЛЬШОМ, ПО ОБЫЧНЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ,
ПОСЕЛКЕ РАСПОЛОЖЕНЫ ПАРТИЙНЫЕ И СОВЕТСКИЕ
ОРГАНИЗАЦИИ, ШКОЛА-ИНТЕРНАТ, БОЛЬНИЦА,
РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ, МУЗЕЙ,
ДОМ КУЛЬТУРЫ, СЛАВУ КОТОРОМУ ПРИНЕС
НАЦИОНАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ «ОСИКТАКАН» — «ЗВЕЗДЫ».
ОДНА ИЗ САМЫХ ОЖИВЛЕННЫХ
ТОЧЕК ПОСЕЛКА — АЭРОПОРТ.
САМОЛЕТ — ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО, СВЯЗУЮЩЕЕ
ОТДАЛЕННЫЕ ПОСЕЛКИ С ВНЕШНИМ МИРОМ.
С АЭРОПОРТА И НАЧАЛОСЬ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ЭВЕНКИИ.

ПОЛЯРНОГО КРУГА

Рисунки
Е. Крутских

В лисьем царстве

К месту своего назначения Саша Скиданова, молодая выпускница зооветеринарного техникума, добиралась более трех месяцев. Из Ярославля выехала в октябре 1947 года, а в Байкит прибыла в середине января сорок восьмого. Ехала поездом, самолетом, на оленях.

Сейчас комфортабельный ЯК-40 покрывает расстояние от Красноярска до Байкита менее чем за два часа.

Подкаменная Тунгуска прорезает в гористой гряде широкую ленту. Перпендикулярно к ней такой же коридор, только более узкий, прорубает порожистый Байкитик. У основания перпендикуляра на обоих склонах и разместил свои домики поселок.

Байкит значит место, богатое угожьями. Только ступишь на его землю, как природа тут же начинает листать свой альбом с этюдами, один краше другого. Посадочная полоса расположена рядом с кедровой рощей. Ослепительно белый снег и яркая зелень кедра. Аэродром расположен на горе, с этой превосходной смотровой площадки открывается красочная панорама.

Особенно экзотичен левый склон. К самому берегу Байкитика подступает узкая полоска невырубленной тайги. Поднимаешься по деревянному тротуару-лестнице вверх, в окружении остроконечных елей, попадаешь в маленький — две-три улочки — поселок, минуешь его и снова упираешься в лес. Речка, тайга, поселок, тайга — приятная для глаза смена декораций. На макушке горы, у кромки леса и находится хозяйство Александры Васильевны Скидановой. Под ее началом 285 животных. Скрипят калитка, и мы оказываемся в лисьем царстве.

Большинство «кумушек» никак не отреагировало на наше вторжение, иные начали суетиться, словно хозяйки, застигнутые внезапным приходом гостей, а одна даже таякнула.

— Гостя к тебе привела, «соточка», — представила меня Александра Васильевна серебристо-черной красавице. — Не волнуйся, милая, не нервничай.

Лисице я, видимо, «не показался». Она не только не взволновалась, а, напротив, широко зевнула и отвернула голову.

— Почему «соточка»?

— Номер видите? Он на каждой клетке. У нее — сотый.

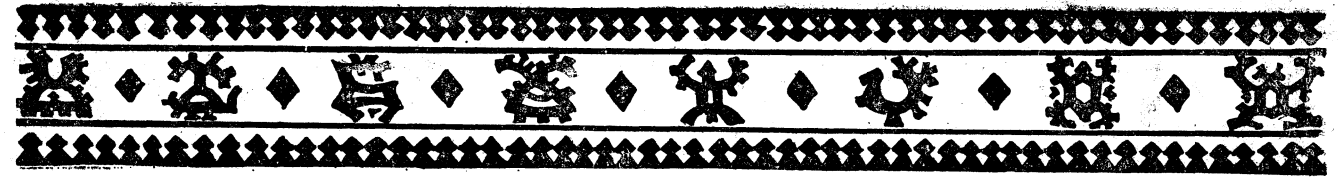
Но нас «познакомили» не потому, что у обладательницы клетки удобный для запоминания номер. «Соточка» отличается хорошей плодовитостью, приносит 8—9 щенков (средняя — 3—4), причем дочери наследуют от матери способность и любовь к большому семейству. А вот сыновья в силу некоей генетической предрасположенности вырастают хилыми.

Так началось мое посвящение в премудрости зоотехнической профессии.

Лиса — животное умное, хитрое, она — неперемный персонаж народных сказок. Лиса и мертвой может притвориться, лежать недвижимой на санях, чтобы «прикарманить» улов рыбака, лестью выманить у дуры вороны кусочек сыра, обмануть мнимой глухотой простодушного колобка. Негативных черт, как видно, у нее немало, но примечательно, что повествуется о них добродушно, с юмором, как о вполне позволительных женских слабостях.

Зоотехники, однако, не лирики, а реалисты. Лиса лисе рознь, справедливо считают они. До недавних пор «штат» феомы составляли звери Емельяновского совхоза Иркутской области, ныне предпочтение отдается питомцам Енисейского промхоза. У иркутянок был характер ворчливой, вечно всем недовольной свекрови, енисейские кумушки более покладистые. А это весьма существенная деталь, когда ежедневно имеешь дело с животными.

И все-таки как бы ни был важен характер животного, разумеется, не он определяет «кадровую» политику. Советского покупателя или итальянского negociанта, приехавшего на международный аукцион, интересует прежде всего качество пушнины. Три показателя определяют классность зверя: размер и телосложение, качество волосяного покрова, окрас. Каждый показатель, как в школе, оценивается в пять баллов.

Все показатели важны. Если эксперты хотя бы один из них оценят единицей, то лиса попадает в самый низший разряд — восьмой. И все-таки есть ведущий — окрас. мех должен быть иссиня-черным, он считается стопроцентно серебристым, если вся шкура — от основания хвоста до ушей — покрыта блестящим волосом. Ширина серебристого кольца, вуаль (сочетание белых и пигментированных волос) — все принимается во внимание строгами экзаменаторами. Нарочно чуть подробнее рассказал об окрасе, чтобы подчеркнуть, как многое должен держать на заметке зверовод, чтобы квалифицированно вести селекционную работу.

Но и это еще не все. Качество меха существенно зависит от питания. Скажем, избыток сухих кормов приводит к побитости, к усечению волоса. На воле лиса сама себе и заготовитель, и потребитель, на звероферме она, естественно, всецело зависит от людей. Непродуманность рациона ослабляет жизненную энергию, резко сказывается на потомстве. На соседней Полигусовской ферме в этом году задерживался гон, срывались все сроки. Встревоженная заведующая приехала за советом к Скидановой. Оказалось, животным давали много комбикормов и напрочь забыли о витаминах. Повар, если не первая, то уж никак не последняя скрипка в коллективе. Валентина Анисимовна Карась умело орудует черпаком у громадной печи. Совсем нешуточное дело накормить около трехсот голодных ртов.

А сейчас пора рассказать о том, как я попал впросак. Перед поездкой в Байкит я проштудировал «Справочник зверовода Сибири», в котором, в частности, вычитал, что «в условиях севера щенение лисиц и песцов происходит в сильные морозы, достигающие минус 50 градусов».

Солнце в эти последние мартовские дни жарко пробивало оконную преграду, гулко стучала капель, к полуидущий ртутный шарик термометра карабкался вверх, на плюсовую отметку. Ничто не напоминало суровых морозов, в которые, в соответствии с рекомендациями ученых, должно нарождаться лисье поголовье.

И посему, когда в контору вбежала взволнованная Татьяна Стаценко, молодой зверовод, и сообщила о пополнении семейства, я, опираясь на данные науки, сказал тоном знатока:

— Значит, последний новорожденный в этом году?

— Почему последний?! — искренне удивилась Александра Васильевна. — Самый разгар щенения.

Как выяснилось, справочники, мягко говоря, не всегда точны. Правда, в более северных точках щенение происходит раньше, однако и там зависимость от морозов не столь жесткая. Более существенны такие моменты, как сроки спаривания, кормление и уход.

Татьяна во время короткой лекции, которую преподавала мне заведующая, нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Скиданова мягко сказала ей:

— Сейчас не надо тревожить щенков, Танюша. Пусть мама их облизнет, успокоит, сама успокоится. Часа через два заглянем.

Александра Васильевна вдруг прервала разговор, всплеснула руками:

— Лис вырвался, опять недосмотрели! — и, не накнув пальто, выскочила из комнаты.

По гребню крыши взад-вперед сновал крупный зверь с белой отметиной на кончике хвоста. Грудь его вздымалась от жаркого дыхания, от глянющего чувства свободы. Лес был совсем рядом, рукой подать. Ферма,

собственно, упирается в него, сбега постройками в небольшое урочище, а по ту сторону распадка начиналась настоящая тайга. Лис родился в клетке, но вековой инстинкт подсказывал ему, что там, среди разлапистых елей и студеных ключей, его ждет настоящая жизнь, там его родина. Он спрыгнул с крыши, сделал два огромных прыжка и... уткнулся мордой в проволочную сетку.

Все наличные людские силы, находящиеся в это время на ферме, были брошены на поимку беглеца. Залились лаем собаки, закричали женщины. Гвалт испугал лиса, и он легко вспрыгнул снова на крышу. С метлой в руках куда с меньшим проворством вскарабкалась следом за ним Катя Лямич. Гонка с преследованием, несмотря на неравенство сил, проходила с явным преимуществом зверя. Загнанный было в угол, он неожиданно сделал высокий прыжок, ускользая от мешка-ловушки, легко стался пушистым телом по рыхлому снегу. Создавалось впечатление, что эта игра ему весьма по душе, чего нельзя было сказать о людях.

— Нет, так не пойдет, без ног он всех оставит, — в сердцах сказала раскрасневшаяся от беготни Александра Васильевна. — Надо звать Бони.

Бони оказался эвенкийской лайкой. Сначала он не понял, зачем его настойчиво тянут туда, куда собакам вход категорически запрещен. Позже выяснилось, что Бони сравнительно недавно получил должность ловца беглецов. Раньше эти обязанности исправно несла другая лайка, Волга, но однажды во время исполнения служебных обязанностей доведенный до отчаяния лис откусил ей кончик носа, и с тех пор лайка не ловит, а рвет на части попавшую ей в лапы добычу.

Собака заметила беглеца, мгновенно уяснила задачу, и через минуту-другую порядок на ферме был наведен. Бони прыгнул на лиса, придавил его лапой. Подбежавшие сотрудницы тотчас оттащили лайку. Александра Васильевна, бесцеремонно ухватив зверя за царственный хвост, потащила его в клетку. Лиса, видимо, уморила беготней, стычка с собакой, и он, висая вниз головой, спокойно переносил унижительность своего положения. Бони в качестве гонорара получил кусок мяса.

Помимо Бони на ферме есть другие собаки, а также кошки. Строго говоря, это против правил. Заведующая понимает необходимость ограничений и, чтобы избежать угрозы заразных болезней, делает собакам те же прививки, что и лисицам. Просто жизнь, практика подсказывают ей, что эти отступления от инструкции разумны. В самом деле, не явись на подмогу Бони, добрая половина дня всего коллектива ушла бы на поимку беглеца. И не найти сторожа на ферме лучше овчарки.

Кошки тоже заслужили право быть зачисленными в штат. Новорожденные лисята беспомощны. У щенка открываются глаза и прорезываются зубы лишь на четырнадцатые сутки. Это самые тревожные дни для зверовода: на период щенения вводится двухсменный график, круглосуточное дежурство. Малышам через пипетку дают аскорбинку, вводят антибиотики. И все-таки человеческие руки не могут заменить материнской заботы. К тому же у иных лисиц недостаточно развит материнский инстинкт, у других пропадает молоко. Тут и приходит на помощь кошка-кормилица. Как у людей — не та мать, что родила, а та, что вырастила.

На кухне, грея старые бока на теплых кирпичках, нежится Мурка. Она ушла, как пишется, на заслуженный отдых, который действительно заслужила. Мурка взрос-

тила, поставила на ноги 150 лисят. Каждого вылизывала с головы до хвостика шершавым языком — и спинку, и животик. Это не только ласка, не только гигиена. У новорожденных части кишечные заболевания. Кошка поступает в таких случаях, конечно, инстинктивно, как опытный массажист. Мурка и жила в то время не на кухне, а в клетке, пользуясь жилищными и прочими льготами, определенными для чернобурок.

Нынешней весной по старости Мурка перестала быть кормилицей. В таком поселке, как Байкит, самая маленькая весть облетает дома на быстрых крыльях. Однажды вечером зазвонил телефон.

— Узнал, Васильевна, о твоей беде и спешу на помощь, — пророкотал в трубке голос председателя райисполкома Петра Тимофеевича Сухорукова. — Мне привезли сиамскую кошку с тремя котятками. Двух, когда подрастут, отдашь мне, а кошку с котенком дарю ферме. Так сказать, на благо производства. Высылай нарочного.

Я присутствовал при трогательной церемонии посвящения в приемную мать сиамской красавицы, которая, как все красавицы, не относится к разряду добродушных натур. Мурка — кличка перешла по наследству — недоверчиво взглянула на подкидывшей, брезгливо фыркнула и отодвинулась. Валентина Васильевна Онянова, опытный заводчик, правая рука заведующей, по-женски мягко уговаривала строптивцу:

— Ну, Мурочка, ну, родная, облизни моих лисяток. Ну, пожалуйста...

Мурка капризничала. Ее пугал звериный запах, исходящий от копошащихся у ее ног непонятных существ, их аспидно-черный цвет.

— Пока не принесем ей своих, не будет она возиться с этими негрятками, — Валентина Карась быстро сбегала за котенком. Своего сына Мурка нежно облизывала и только тогда позволила приемным ткнуться мордочками в упругие сосочки.

Возможно, кому-то покажется, и не без основания, что в рассказе о передовом коллективе, удостоенном диплома окружного комитета партии и исполкома «Лучшая звероферма Эвенкии», подозрительно много кошечек и собачек. Можно согласиться, можно и возразить. Собственно, никаких особых производственных секретов у коллектива нет. Рацион кормления, распорядок дня, уход за животными в принципе мало чем отличаются от общепринятых. Чаще всего пресловутые секреты, до коих многие отчаянные охотники, и заключаются в невидимых глазу мелочах. Пока не было той же кошки — с новорожденными было много мороки. Или, скажем, такое. Перевели было, по ее просьбе, Валентину Карась на должность заводчика. У котла стала другая — добросовестная, старательная работница. Но, видимо, от природы не даровано ей поварское чутье. То чуть недоварит, то переварит — на звероферме участились кишечные заболевания. Опять-таки вроде мелочь, а в конечном счете, и в этом нет ничего странного, именно они, стыкуясь, соединяясь, заметно влияют на успех или неуспех коллектива. Коллектив зверофермы — маленький оркестр, который уверенно ведет основную мелодию, понимая в то же время, что одна фальшивая нота может смазать все впечатление.

И — совсем уж алогичный переход — лишний раз я подумал об этом, когда зашел в продуктовый магазин «Тайга», стоящий на берегу Подкаменной Тунгуски. На полках — хлеб, сахар, крупы. Ассортимент обычный, ис-

ключая разве что свежемороженую бруснику. И — цветы. Наружная, что к улице, стена сплошь украшена кактусами, каллами, громадным фикусом, лимонным деревцем. Когда мороз за пятьдесят и кажется, что дома, деревья и ты сам промерзли до основания, так неожиданно, так хорошо очутиться в ласкающем душу и глаз зеленом царстве. Возвращаясь с южных курортов, жители Байкита часто прихватывают веточки экзотического растения для «своего» магазина. И опять-таки кактусы и план, фикусы и ассортимент напрямую не связаны друг с другом, а зависимость, взаимосцепление есть, и покупатель это чувствует, заходя сюда много охотнее, чем в другие торговые точки. Цветы — показатель высокого уровня культуры производства, духовного здоровья коллектива.

Впрочем, пора вернуться к лисицам. По традиции, которая не склонна менять столетиями сложившиеся представления, слово «пушнина» у нас прежде всего связано с охотой. Да, когда-то охотник был единственным и главным поставщиком меха. Сейчас не единственный и тем более не главный. 95 процентов всех закупок пушнины в нашем государстве дает клеточное звероводство. А коли так, коли эта тенденция, судя по всему, усилится, значит, и внимание к этой отрасли должно идти по восходящей.

А проблем немало. В районах Крайнего Севера звероводство возникло сравнительно недавно, в пятидесятые годы, как подсобная отрасль оленеводства. Отходы от забоя животных служили основой пищевой лисиц и песцов. Первоначально едва не при каждом совхозе возникла карликовая ферма. Но практика показала, что жизнеспособными могут быть только крупные хозяйства. Результат укрупнения привел к неожиданностям — та же Байкитская ферма оказалась начисто лишенной той базы, на которой она, собственно, и возникла. В местном совхозе оленей не водится, а соседние хозяйства никак не заинтересованы в сбыте отходов — ферма-то «чужая». Призывы к сознательности, не подкрепленные мерами материальной заинтересованности, делу не помогают. Вся надежда на комбикорма, а они при перевозке авиацией обходятся не в копейку — в рубли. В прошлом году лучшая эвенкийская ферма дала прибыль в одну тысячу рублей. Александра Васильевна произнесла цифру застенчиво, едва ли не виновато. Не надо снисходительно улыбаться этой сумме, это действительно завоевание коллектива, сумевшего на привозных кормах добиться того, чего не могут другие, прочно прописавшиеся в разряде планово-убыточных хозяйств. Разумеется, нельзя все измерять лишь рублем, мех — остродефицитный товар, да и валюту стране приносит немалую, но тем не менее народную копейку, опять-таки немалую, следовало бы тратьте экономнее.

Прогресс производства с его всепроникающим влиянием почему-то, как черт ладана, боится зверофермы. Байкитская ферма построена без малого двадцать лет назад, постройки обветшали. Клетки со зверями установлены столь густо, что нельзя применить самую малую механизацию.

...В конце дня втроем — Александра Васильевна, Татьяна Стаценко и я — подошли к клетке с новорожденными. Шесть маленьких существ слабо копошились на подстилке. Лисица подняла голову, в ее глазах читалось явное недовольство: зачем тревожить, в моей семье полнейший порядок. Мы поспешили уйти...

А олени — лучше...

Собирали меня в лесотундру, на стойбище, всем совхозом. Два дня томили обещаниями, и когда я, отчаявшись, уже подумывал об отлете, пригласили к директору совхоза Владимиру Степановичу Тачееву. Совет бригадиров во главе с ним стал разрабатывать маршрут поездки. обстоятельно спорили, в какую бригаду — их семь — послать корреспондента. Я полностью положился на коллективную мудрость. Наконец выбор сделан. Оглядели меня бригадиры с ног до головы, помотали головами.

— Унты есть?

Я ответил отрицательно и, боясь, что обувная проблема окончательно поставит крест на поездке, поспешил добавить, что в конце марта солнце жаркое и я выдую в полусапожках на искусственном меху.

— Суринда не Ташкент,— сурово отрезали бригадиры.

Унты и суконные брюки одолжил директор совхоза. Выехали на трех упряжках в начинающихся густых сумерках. Впереди молодой тридцатилетний оленевод Геннадий Фадеенко, за ним Аркадий Сергеев. К сергеевским санкам привязали мою упряжку.

Езда на оленях в принципе не столь уж сложное искусство. Геннадий, добровольно ставший шефом-инструктором, изредка оборачивался и по ходу действия обучал меня простейшим навыкам. Значит, так: сидишь на санках влоборота, левой ногой твердо упираешься в перекладину, правая висит свободно. Она при необходимости и рулевое колесо, и самое основное, тормоз, чтобы при крутых спусках санки не налетели на оленей. В левой руке вожжи, в правой — хорей для придания оленям бодрости.

Простота эта кажущаяся. Скажем, процесс колки дров вообще элементарен. Надо, широко расставив ноги, поднять топор, с силой опустить его на полено, и вся недолга. И все-таки пройдул месяцами, прежде чем научиться определять наметанным глазом строение волокон, расположение сучков, соразмерять силу удара с точностью, словом, придет умение разваливать с одного маха толстый краж. Так и тут.

Где-то к пятому часу езды пришло странное убаюкивающее состояние. Умом понимаешь, что едешь, а чувства твердят о ином — все в природе остановилось: низкое небо с горящими звездами, темная стена тайги и олени не бегут, а просто перебирают ногами на одном месте. Чтобы стряхнуть наваждение, избираешь ближние к дороге ориентиры, следишь, как они, нарастая, исчезают затем в стылой мгле, успокоишься, переведешь взор вдаль, и все повторяется сначала.

К полночи добрались до стойбища. В нашу честь затопили «буржуйку», вскипятили чай — лучшее на севере средство выгнать из тела мороз, вернуть ощущение бодрости. Сели — ноги калачиком — на ковер из кедровых ветвей. От печки пышет жаром, отодвинешься подальше и вздрагиваешь спиной от пронизывающей сквозь брезентовое полотно волны холода. Залезая на ночь в олений мешок, я, по примеру хозяев, разделся до майки, лег с непокрытой головой и где-то через час горько клял себя за самонадеянность. Спишь и чувствуешь, как мерзнет, и весьма основательно, левое ухо. Повернешься на другой бок, впустив при этом солидную порцию мороза в нагретый мешок, — стынет правое. И это при десяти-

градусах мороза! Каково же при пятидесяти и ниже... Мысленно представить — и то страшно. Правда, эвенки при сильном похолодании ставят не палатки, а чумы, но и эта защита из оленьих шкур не столь уж надежна. Без тренировок можно считать за благо, если отделаешься затычным насморком.

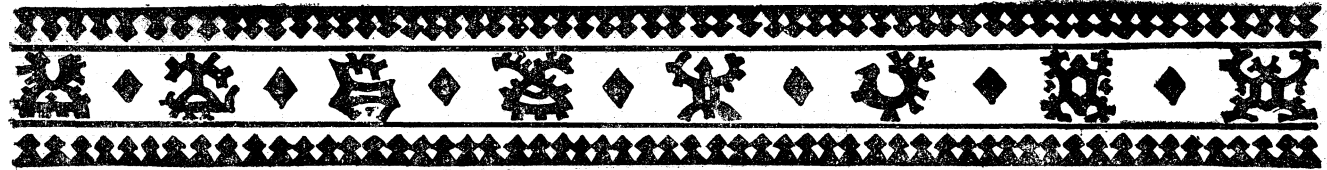
Взрослые — это еще куда ни шло. А ведь на стойбище двое младенцев — девятимесячный Гошка и годовалый Максимка. Одетый в свитер, телогрейку, обутой в унты — в них для тепла и от сырости стелют сухую траву, — я, признаться, не без содрогания наблюдал, как распеленывают Максимку. А он, голенький, лежит себе спокойнехонько на шкуре и весело шурит на нас. В старые времена новорожденный для закалки тотчас же принимал холодную купель: зимой снежную, летом водяную — в студеной речке.

Бригады, как правило, строятся по семейному принципу. Меня поместили на уплотнение к бригадире Борису Григорьевичу Сафронову. У него за плечами три курса Дудинского зоветучилища, с четвертого ушел — умерла мать, надо было содержать семью. Жена Рита делит с мужем все тяготы и радости кочевой жизни. Она работница чума. С недавних пор это стало штатной должностью. И, надо сказать, весьма хлопотной: готовить еду на большую семью, запастись дрова, чинить и шить унты, создавать уют. Она хранительница домашнего очага, и старомодное это выражение звучит как нельзя кстати под северным небом. С ними живут уже известный нам Максимка и Виктор Куркогир, которого с младенчества воспитывала мать Бориса. Летом чум наполняется веселым визгом: забирают живущего у бабушки двухлетнего Андрюшку, детсадовцев — садик работает круглосуточно — Жанну и Дарину, первоклашку Еву и второклашку Наташу. Не забыть бы про семиклассника Сережу, приемного сына Бориса, у которого умерла мать во время операции. Трогательно, глубоко человечна традиция эвенков — не оставлять в беде детей.

В другой палатке живут Михаил Береговой с женой и Гошкой, в третьей — братья Геннадий и Николай Фадеенки с сестрой и ее мужем. Это тот редкий случай, когда семейственность на производстве не осуждается, а поощряется — опытом проверено, что из всех возможных микроклиматов для людей, годами живущих в тайге и тундре, семейный — самый подходящий.

Первое утро на стойбище началось с казуса. Проснувшись рано и, нежась в мешках, благостно ощущая струящееся от печки тепло, наблюдали, как хлопочет с приготовлением завтрака Рита. Бригадир, по обыкновению едва открыв глаза, взял в руки журнал «Москва». Виктор включил транзистор. Прозвучали позывные времени, все привычно взглянули на часы, и легкое волнение прокатилось по палатке: у всех хронометры отставали на час. После краткого обсуждения решили, что диктор ошибся, посочувствовали ему: небось, влетит по службе. Обнаружив расхождение во второй и третий раз, призадумались. По счастью, кто-то вспомнил, что сегодня, 1 апреля, вступает в силу новое времяисчисление. Да, что ни говори, а удаленность от большого мира с его скоплением людей, телевизорами, телефоном, приемниками и другими средствами информации весьма чувствуется.

Утро выдалось солнечное, тихое. Ночью от усталости я не сообразил, почему то и дело проваливался, едва не падая, в какие-то ямы. При дневном свете все стало понятным. Ямы-лунки вырыли олени, добывая под сне-

гом корм на пропитание. Вот и сейчас один из них полостью спрятал в лунке свою ветвистую голову.

Олень — самое неприхотливое домашнее животное. В условиях Севера гурману просто не выжить, надо брать все, что может предложить на обед суровая тундра. Более четырехсот видов растений служат кормом оленю. Это прежде всего ягель (многочисленные виды лишайников), кустарниковые ивы и березы, осока, хвощи, грибы, хвоя. Особенно трудно, естественно, приходится зимой. Рыболову, наверное, небезынтересно будет узнать, что олень в сутки раскапывает до 70 квадратных метров лунок. Производительность труда, как видим, весьма приличная.

Олень — источник жизни северных народностей. Мясо, сало, костный жир, мозг и кровь идут в пищу, из шкуры шьют одежду и обувь, шкура — незаменимый материал для постройки чума, из кожи и рогов делают охотничье снаряжение и сувениры, сухожилия служат нитками. До появления авиации олень был единственным видом транспорта — впрочем по надежности он и сейчас успешно конкурирует с самолетами. Помните популярную песенку: «Самолет хорошо, а олени — лучше»? Восторженную оценку этому грациозному животному дал в свое время один из знатоков края профессор Н. С. Юрцовский: «Олень соединяет молоко и мясо коровы, быстроту в беге и перевозке тяжести лошади, шкуру барана и выносливость верблюда». Оленя любят — в эвенкийском языке помимо общего названия орон существует еще более тридцати наименований: авалакан — самец от одного до двух лет, сачари — самка того же возраста, нерамни — передовой олень в упряжке и т. д. Нет, совершенно не случайно на юбилейном значке, посвященном 50-летию образования Эвенкийского автономного округа, гордо красуется олень — символ, эмблема края.

Олень дает человеку многое. А что требует он от него взамен? Как истинный друг, очень немного: в сущности, медицинскую помощь и щепотку соли. Завабно наблюдать, как по утрам собирается олений народ у комка соли. Хоркают, то бишь переговариваются о чем-то друг с другом, нередко для выяснения истины пускают в ход самое сильное доказательство — острые рога.

Оленина составляет четвертую часть всего производства мяса по зоне Севера, причем, что очень существенно, оно самое дешевое — чистая прибыль от этой отрасли составляет 25—30 миллионов рублей. Но, разумеется, не только рублем измеряется ценность животного. Лишится тундра оленя — исчезнет не только основное занятие коренных ее обитателей, она сама потеряет обаяние.

Такой угрозы пока нет, но реальные признаки опасности есть, и было бы непросительной ошибкой не замечать их. Стадо оленей в стране, достигшее своего пика в 1970 году — около двух с половиной миллионов голов, — с тех пор ежегодно тает. По Российской Федерации за последние годы уменьшилось по одним данным на 150, по другим — на 250 тысяч.

Картина сия характерна и для Эвенкии. Сказались тут причины, которые принято относить к объективным: скажем, в 1972 и 1974 годах наблюдалась тяжелая гололедица. Но все-таки, как бы ни были весомы они, не в них одних дело. Три дня просидел я на окружном совещании оленеводов, сверяя услышанное с трибуны с увиденным на стойбищах.

Оленья стадо в Эвенкии насчитывало в 1980 году около 30 тысяч голов. 1250 пало от болезней — сибир-

ской чумы, бруцеллеза, «копытки». Половина поголовья имеет упитанность ниже средней в основном из-за овода, который изнуряет животных не только летом, но и зимой — его личинки живут в шкуре оленя. Стихия?

А знаете, что меня больше всего поразило в сравнительно отдаленном поселке Суринда, куда, как поется, только самолетом можно долететь? Обилие народа! Двери в контору совхоза не закрывались ни на минуту. На прием к директору посетители «выскакивали» очередь два-три часа. Сновали по коридору зоотехники, бухгалтеры, кладовщик, радистка и другие должностные лица с бумажками в руках. В седьмой же бригаде, кстати одной из ближайших, появление руководителя или специалиста — большая редкость. При мне Михаил Береговой выдавливал белесые личинки овода величиной с ноготь большого пальца. Зрелище не самое эстетичное. А где же зоотехники, ветеринары, где те отечественные и импортные лекарства по борьбе с оозодом, о которых с таким пафосом говорилось с трибуны? И это в лучшем, действительно лучшем совхозе округа! Завезли в Туру сорок опрыскивателей. Нашлись смекалистые люди и разобрали их... на запчасти к бензопилам «Дружба».

Сущее бедствие для оленей — волки. Пастухи в один голос жалуется, что житья от них не стало. В прошлом году волки уничтожили 2393 оленя. Серый разбойник гибко реагирует на изменения в мире, опытом выверил мнимую и действительную опасность. Он уяснил, что колокольчик на шее оленя — просто детская игрушка, великолепно знает разницу между хлопущей-ракетницей и смертоносным ружьем. Не всегда выручает изгородь, огораживающая выпасы.

И опять парадоксы. Карабины у пастухов настолько старые, что, по образному выражению В. С. Тачеева, они стреляют совсем в другую сторону. Однажды на стадо напало семь волков. Двое эвенков, заметьте, прирожденных охотников, сделали несколько выстрелов и — ни одного попадания. Прибыла в Туру партия карабинов и таинственно испарилась, не дойдя до оленеводов. Энергичные заявления председательствующего на собрании В. В. Увачана, что «с этими фактами разберутся», по ним «примут меры», не вызвали в зале ответной реакции. Знать, не первый раз с волками борются трибунами залпами.

За убитого волка полагается премия. По году и более приходится «выколачивать» охотникам свое законное вознаграждение. Выследить и застрелить хищника дело, как известно, непростое, но куда более тернистым оказывается хождение по бюрократическим инстанциям — не ходить же по ним с заряженным ружьем в руках!

К борьбе с волками привлекают авиацию. Расходы тысячные, эффект нередко рублевой. Сошлюсь на Владимира Удыгира из совхоза «Экондинский»:

— Летчики плохо знают наши места, летают высоко. Волка увидеть трудно, а вот лось сразу заметно, крупный он потому что. Мишень хорошая. Лось и стреляют. Зачем лось стрелять? Кому мешает лось?

Авиаторов нередко зовут богами воздуха. Вот они и ведут себя как боги. Не забыть, как, вылетев из Туры в сумерках быстро наступающего вечера, мы сделали почетный круг над поселком и вновь спустились на землю. Уже в воздухе не то сами летчики, не то диспетчер обнаружили, что у пилотов нет прав на ночное вождение самолета. Не будь среди нас, по счастью, высокопоставленного товарища из окружкома партии, который быстро отправился «вправлять мозги», куковать бы нам до рас-

света. Не слишком ли часто на суровые условия Севера списывается элементарная халатность и безответственность?

Об этом я думал, когда слушал выступление зоотехника совхоза «Нидымский» Валерия Качаева.

...Бригада оленеводов вышла из тайги, чтобы пополнить запас продуктов. На дверях базы висел увесистый замок — заведующий ушел на пушной промысел, отягощенный заботами о солидной добавке к зарплате. Полмесяца (!!), раскинув табор близ поселка, ждали орочены, когда явится всемогущий хранитель муки, сахара и крупы. Не дождалась. Пришлось по радиции вызывать вертолет.

Самое удивительное, что этот факт прозвучал как банальная мелодия, давно всем знакомая и потому навязшая в ушах. Вот если бы бригада попала в аварийную ситуацию, тогда бы, естественно, были бы брошены на помощь упряжки, самолеты и вертолеты, эфир заполнился бы тревожными сигналами. А здесь ради чего разводить сыр-бор? Что, собственно, произошло?

Нам, жителям больших городов, поднимающим — и справедливо! — шум у прилавка, когда продавец отлучится без объяснения причин на 20—30 минут, остается только восхищаться многотерпением эвенков. А что же власть в руках держащие? Они что, тоже умиляются?

...Два раза в день выходит в эфир бригада, рассказывая о себе и жадно ловя вести с Большой земли. Но ошибется тот, кто вздумает посочувствовать эвенку — мол, оторванность от мира, ни тебе ванной, ни телевизора. Помню, как в палатке, продуваемой ветрами, стихийно возник разговор о жарких краях. Многие хоть раз да побывали там и вспоминали под дружное кивание слушателей, как торопились обратно, в студеную Эвенкию. Как это жить в скученных городах, где неба не видишь, птиц не слышишь, да и сама земля не земля, а гладкий безжизненный асфальт?

Даровав нам многие блага: комфортабельное жилье, удобный транспорт, театры, кино и бесконечно многое другое, цивилизация исподволь, с коварством отнимает у человека одно из величайших, если не величайшее благо — общение с природой и, как это ни парадоксально, радость общения с себе подобными. Зачем идти пешком, когда вот он, трамвай, совсем рядом, к тому же полупустой? Давно не видел друга? Протяни руку к аппарату, набери несколько цифр, и услышишь его голос. Даже в лесу горожане инстинктивно воссоздают столь милую их сердцу обстановку. Бредут скученно под залихватскую песню транзисторов о том, что могут и чего не могут короли. Где тут услышать цоканье белки, пошвиств сойки, тихий — от сердца идущий — голос земли.

Эвенк живет в постоянной слитности с природой. Она вокруг него, она в нем самом. Петр Семенович Бурмакин, ныне инструктор окружка партии, рассказывал, как пятнадцатилетним подростком шел от Туры до Байкита. А это ни мало ни много шестьсот километров! При себе имел — это я дотошно выяснил — нож, чай, чашку с блюдцем, спички, сухари, леску, крючки. Пропитание, естественно, добывал сам. Знак восклицания в этом абзаце я ставлю опять-таки в расчете на горожанина, ибо сто — двести километров в Эвенкии не крюк, а крючок. Когда мы ехали в бригаду, мои провожатые на полпути остановились, пососветовались и свернули в сторону. Оказывается, в нескольких километрах раскинул палатку известный охотник Мельник Изанов. И хотя нам предстояло преодолеть еще километра двести и время позднее —

как не заехать, не проведать. Попили чаю, тихо-мирно побеседовали, как говорят эвенки, «подержали говорку» и умчались в ночь.

Угодья здесь богатые зверем и рыбой. Хариус, таймень, ленок, сиг. О шукке и говорить нечего. Ведро оленья за один вечер — явление обычное. Поэтому и установлена норма — не более десяти килограммов в день. Есть озера, где рыба, что называется, кишмя кишит. От одних рассказов кругом идет голова.

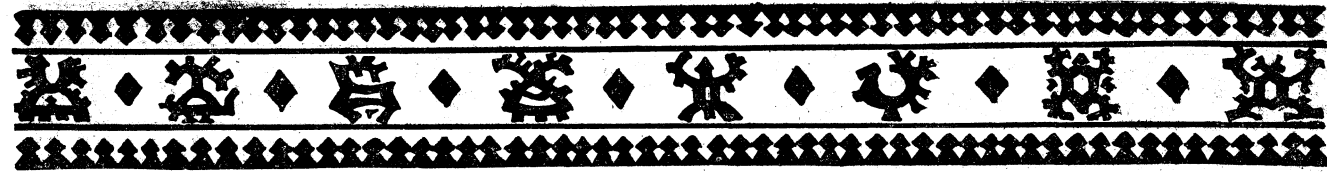
Труд оленевода — коллективный труд. Пять человек обслуживают стадо в тысячу голов. В одиночку не справиться с легкими на ногу красавцами. Мне довелось видеть, как арканят оленей. Эффектное, красивое зрелище! Но и выматывающее силы. Верхом на ороне Геннадий Фадеенко гонит маленькую группу к леску, где притаился старший брат Николай. Лес оглашается криком, не всегда благозвучным. Со свистом режет воздух маут — длинный сыромятный, туго скрученный ремень с петлей на конце. В отчаянном броске олень пытается сбросить с рогов ненавистные путы. Николай падает, проделывает глубокую борозду в снегу, но маут из рук не выпускает. Олень тоже падает, вскакивает, еще раз делает попытку обрести свободу и внезапно смиряется, подходит к сосне и начинает мирно хрупать хвою. А всего в этот день предстояло отловить сорок оленей. Азарт труда захватил и меня — как тут останешься наблюдателем, просто неприлично стоять в сторонке. Тут каждый на виду, не спрячешься в буквальном и переносном смысле за спину другого. У эвенков есть выражение «эру хавамни, ая или эвки бирэ» — плохой работник не может быть хорошим человеком.

...Историки установили, что первое упоминание об оленях содержится в скандинавских сагах, в карельском эпосе «Калевала». Археологические изыскания свидетельствуют, что оленеводство в первые века до нашей эры было широко распространено в Центральной Азии и в Европе — в пещерах Франции найдены останки северных оленей. Ряд ученых полагают, что олень после собаки был одним из первых прирученных животных.

Олень верно служил человечеству на протяжении тысячелетий и понине продолжает нести свою службу. В мире ныне насчитывается более трех миллионов оленей, самое большое стадо, 2,3 миллиона, в СССР. Какими бы темпами ни развивался прогресс, олень рано списывать в архив. Характерен пример Аляски. К тридцатым годам нашего столетия стадо насчитывало здесь полтора миллиона голов. Какие-то горячие головы решили, что олень и цивилизация плохо совместимы и олень, естественно, должен уступить дорогу. К 1949 году поголовье животных уменьшилось до 28 тысяч, эскимосские семьи остались без основного средства существования. Хорошо известно, что ошибку совершить легко, выправлять ее последствия куда сложнее. Сейчас правительство США разработало десятилетний план развития отрасли, создан в масштабе государства специальный консультативный совет по оленеводству. Стадо медленно, но стало расти. Эта же тенденция прослеживается в таких индустриальных странах, как Швеция, Финляндия, Норвегия. К счастью, мы избежали подобных ошибок, но, право, и нам не мешает помнить об уроках истории.

Человечество становится мудрее. И добрее. Осваивая Север, его громадные области с богатыми запасами сырья, оно поняло наконец, может, следует написать осторожнее, стало понимать наконец, насколько губительно всецело полагаться на могущество техники, что

у природы есть свои законы, преступать которые значит нанести ей непоправимый вред. Нельзя противопоставлять оленю могучую «Татру» или «Магирус». Можно и нужно с великой пользой для человечества сделать так, чтобы и в далеком будущем дети наши видели оленя не только в занимательной телепередаче «В мире животных».

Когда соболь танцует...

Глубокой осенью Суринда, как и все северные поелки, рано засыпает и поздно встает. В этот предутренний час только лайки — вечные сторожевые — подняли заливыстый лай, когда от дома Ивановых тронулся обоз. Выехала на охоту супружеская чета: Мельник Васильевич и Татьяна Ивановна.

Мельник Васильевич, как и все эвенки, прирожденный охотник. Едва мальчишка встанет на ноги, ему подвешивают на пояс нож. Не беда, если поранится, зато вырастет мужчиной. От поколения к поколению передали традиционные приемы и способы охоты. Возле звериной тропы ставили беркан или черкан — настороженные луки, от которых тянулась волосяная ниточка, перегораживающая тропку. Беркан и другие орудия лова отжили свой век — они опасны для человека, а вот кулемка сохранилась. Обычно это два бревна, лежащих одно над другим. Верхнее удерживает планка. Зверек, пробираясь к приманке, касается планки, бревно падает — ловушка сработала. На зайцев и лис ставят петли, в последние годы все чаще стали применять капканы.

Мельник Васильевич не торопит ошешек — путь предстоит неблизкий. Время от времени оборачивается, проверяя, в порядке ли его боевое войско. Двадцать пять оленей разрешено иметь эвенку, и всех их Ивановы призвали на охотничью службу. Обоз, конечно, большой, да ведь не на день-два едет в тайгу охотник, на целых три месяца: октябрь, ноябрь, декабрь. Эвенк тщательно готовится к походу, многократно выверяя до мелочей снаряжение. Тайга — не универсам; веревка, которой в городе грош цена, бывает в лесу дороже модного сейчас электрического самовара. В сумах хлеб, мука, сахар, чай, огневые припасы, табак. Мельник Васильевич не курит, а Татьяна Ивановна любит побаловаться табачком. В увесистом рюкзаке — просторная палатка, кочующий дом охотника. Упакована и железная печурка, возле которой хорошо коротать длинные зимние вечера.

Каждому охотнику отводится участок-маршрут. Маршрутка Иванова тянется на 150 километров. До мельчайших подробностей знает он свои уголья: низенькие горки, поросшие лиственницами с голыми, коряво изломанными руками-сучьями, угрюмо-темными елями и опушенным мягкой веселой хвоей кедром. Северная природа сурова к своим питомцам. Вырастают в могучие деревья самые стойкие, остальные, у коих явная нехватка жизненной энергии, обречены на жалкое прозябание. Лес не лес, кустарник не кустарник. Надо вооружиться пальмой, чтобы безнаказанно пробираться среди чахлаго мелколесья. Пальма — это что-то вроде секiry, с которой ходили на бой наши прадеды. С ней охотятся на медведя, но главное ее назначение — расчищать путнику дорогу. Не замедляя ход оленя, Мельник Васильевич отточенным лезвием срубает под корень тощие березки.

Однажды он поленился, посчитал за излишний труд прорубать дорогу, и тайга преподала ему жестокий урок. Острый сучок впился в правый глаз, повредив роговицу. Зрение так и не восстановилось. Слабое, но утешение: на счастье, Мельник Васильевич — прирожденный леша.

Попутно об именах. Давали их эвенку, вооружаясь святыми, советами друзей и другими подручными средствами. Отсюда Мельник, Ева, Поликарп. С обладателем имени Поликарп, молодым, 1953 года рождения, оленеводом Куркогиром вообще произошел казус. Родители нарекли Поликарпом. Когда настала пора получать паспорт, выяснилось, что метрики утеряны. Долго рылся в архивах Поликарп, пока не сыскал справку из роддома. Медики почему-то решили осовременить имя и записали его как Владимир. Паспортистка доверилась справке из роддома. Так и откликается сейчас Куркогир и на Поликарпа, и на Владимира. Тунгусский род Куркогириков, впрочем как и многие другие, ведет свое название от тотемов — культа животного. В давние времена, правда, была иная транскрипция — Дюкугир, от дюкун, что значит выдра.

Однако мы несколько отвлечлись от охоты, от супружеской четы Ивановых. У нее, надо сказать, четкое разделение труда, специализация. Мельник Васильевич — соболятник, Татьяна Ивановна промышляет белку.

Как бы ни шарахалась из стороны в сторону капризная мода, меняя нейлон на полиэстр и прочие «клоны» и «эстры», соболь во все времена ценился высоко. Бояре и боярыни, да и придворные рангом помельче, на торжественных приемах неизменно появлялись в отделанных соболиным мехом одеждах и шапках. Эмиссары парижских и лондонских домов мод, законодатели вкусов в Европе, — неизменные участники пушиного аукциона в Ленинграде. А уж о русской красавице и говорить не приходится — всегда ей была к лицу шапка, отороченная соболиным мехом.

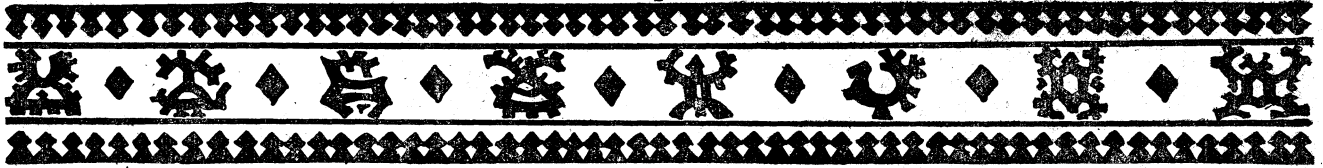
Охота на соболя — сложное искусство. Впрочем в изложении Мельника Васильевича, собеседника крайне скупого на фразу, все это выглядит просто, дословно так:

— Надо утром встать пораньше, вернуться попозже, к ночи. Больше ходишь — больше убьешь. Ну, следы, конечно, знать надо. Собаку надо. Ружье хорошее. Пожалуй, все...

Соболь любит кедровые, сосновые леса, богатые шишками, где в изобилии водится лакомая добыча — боровая дичь, заяц, бурундук, он предпочитает гористые склоны, чтобы в минуты опасности укрыться в каменистых россыпях.

Опытный глаз легко угадывает следы. Ночные промерзают глубже, чем дневные, на плотном снегу они тоньше, чем на рыхлом. Если зверек пробежал недавно, час назад, то след блестящий, рассыпается при первом прикосновении, если прошли сутки, то след тусклый, его можно выковырнуть шестом целым комком — слепок. На кормежку соболь бежит целеустремленно, едва не по ниточке, легким упругим шагом, а во время жировки делает скоки то в одну, то в другую сторону. Танцует...

Тайга, крупная эвенкийская лайка, взяла след... Заливистый лай становится все глуше и глуше, но вот, кажется, он перестал удаляться. Иванов погоняет оленя. Собака загнала соболя на дерево, она свое дело сделала, теперь очередь за хозяином. Зверек притаился в

густой кроне дерева, устремив на лайку глаза-бусинки. Мельник Васильевич снимает с плеча карабин...

По семьдесят соболей добывает за сезон Иванов. Иные даются сравнительно легко, иного приходится преследовать неделю. То спрячется в дупло и, когда охотник уже посчитает, что добыча в руках, неожиданно выскакивает из запасного хода; то укроется в каменной гряде, откуда надо выкуривать дымом, ставить обмет, то есть сетку.

Есть в округе свои чемпионы. Михаил Николаевич Курейский из поселка Ошарова многократно удостоивался званий «Гвардеец пушного промысла», «Лучший охотник Эвенкии». Он мастер капканного лова. Десятки амбарчиков стоят на его участке. Амбарчик-сруб с отверстиями, через которые проникает вовнутрь соболю, привлеченный запахом корма. В состав приманки входят внутренности боровой дичи, рыба, кедровые шишки, а также шоколадные конфеты и... тройной одеколон. Подступы к амбарчику уставлены капканами. По сто двадцать соболей и чуть менее белок сдает ежегодно государству Курейский.

Свои повадки и у белки. Здесь тоже нужно быть следопытом. Не доходя до гнезда (гайна) метров сто, зверек добирается до него не по земле, а верхом, прыгая с дерева на дерево. Надо обладать острым глазом, чтобы по опавшей хвое, мелкому снежному пуху верно определить направление. За долгие годы, проведенные в тайге, Татьяна Ивановна выработала безошибочное чутье.

В этом году Ивановы выезжали на охоту втроем — вернулся из армии сын Павел. Пока у Павла нет отцовской сноровки, за зиму добыл двадцать соболей, но опыт, как известно, дело наживное.

...Огромная сковорода, корда, стоит на раскаленных углях. Дразнящий аромат издают толстенные, по особому приготовленные лепешки. Молча, сосредоточенно ест охотничья семья. Завтра до восхода солнца все трое уйдут в тайгу, на промысел. Принеси им удачу, день завтрашний!

Под крылом самолета, взявшего курс на Красноярск, проплывают, как в киноленте, синие горы и серебристые реки. Под гул мотора листаю мысленно страницы прошлого и настоящего Эвенкии.

Енисейский Север — печально знаменитый в прошлом Туруханский край, место ссылки передовых людей царской России. Я. М. Свердлов, К. А. Новгородцева-Свердлова, И. В. Сталин, Г. И. Петровский, С. С. Спандарян — когорта пламенных революционеров в тяжелейших условиях каторги несла забитому местному населению идеалы рабочего класса, гневно восставала против чудовищной эксплуатации «инородцев».

«Рыцари «первоначального накопления», — писал Я. М. Свердлов в одной из статей, — не брезгают никакими средствами — одним из главных до сих пор была водка, — чтобы кабала не только не ослабевала, но даже превращалась в вечную. Не приходится и говорить, что чем дальше в глубь края, в тундры, тем эксплуатация становится сильнее и тем более безобразные формы она принимает».

На квартире Я. М. Свердлова в марте семнадцатого года состоялось собрание ссыльных, принявшее лаконичную резолюцию: взять власть в свои руки. Пристава арестовали, создали военно-революционный совет.

Теркистым путем шло на эвенкийской земле утвер-

ждение нового порядка. Промыслы, и без того слабо развитые, были вконец подорваны засильем колчаковщины, коренное население вымирало. Туземные князья, шаманы, не стесняясь в средствах, цеплялись за ускользающую из их рук власть. Первые Советы — в этом специфика Севера — создавались на основе рода. В конце двадцатых — начале тридцатых годов появились первые производственные товарищества.

Впервые, все впервые... Первая культбаза на советском Севере основана в Туре в 1927 году. Она представляла из себя, говоря по-современному, культурно-медицинско-бытовой комплекс: школа-интернат, Дом туземца, больница, ветеринарная лечебница, баня-прачечная. От первобытной культуры — к социалистической, гигантский прыжок через тысячелетия.

Взгляд в прошлое, не столь уж далекое, позволяет зримее ощутить перемены. Издревле у эвенков существовал обычай покупать жену, причем не одну. Еще в начале тридцатых годов нашего столетия жених мог приобрести подругу жизни за три ведра спирта и трех оленей. Согласия «товара», естественно, не требовалось.

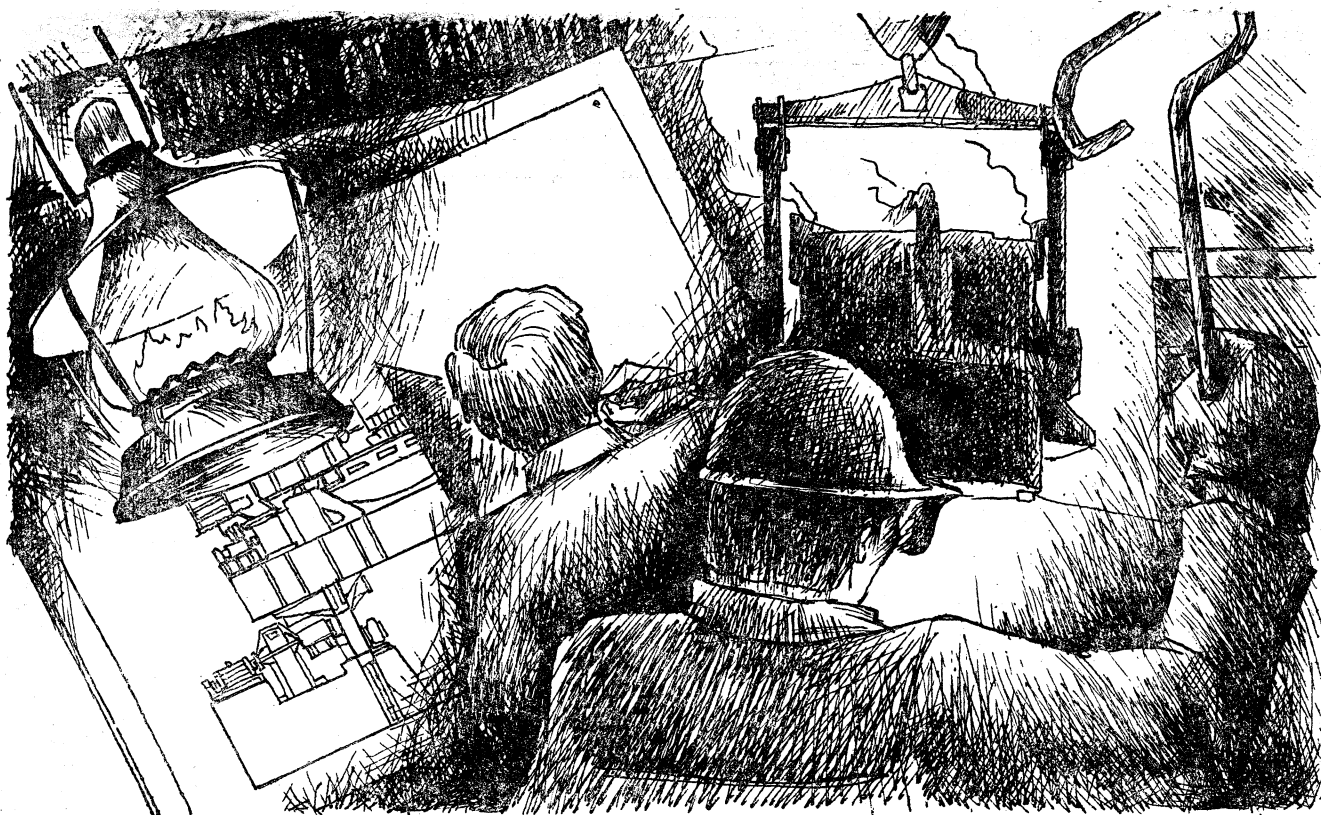
В Байките мне довелось быть на собрании, на котором отчитывался о своей работе депутат Верховного Совета РСФСР. На трибуну взошла молодая симпатичная эвенкийка — заведующая песцовой фермой Христина Ермолаевна Ботулу. Спокойно, деловито, не прибегая к ораторским приемам, она рассказала о строительстве новых домов, больниц, школ в округе, о своей работе в комиссии Верховного Совета РСФСР, о том, что удалось сделать по наказам избирателей. Негромкий голос ее держал зал в напряжении.

И опять-таки, сидя на собрании, вспомнил, что в 1929 году мужчины стойбища на Чуне, притоке Подкаменной Тунгуски, предъявили ультиматум уполномоченному комитета Севера: если будет приглашена хоть одна женщина, они немедленно покинут собрание, ибо всем известно, что «у бабы ума нет». Прошло каких-то пятьдесят лет — секунда на часах человечества, — и вот впервые в истории Эвенкии ее народ представляет в парламенте республики женщина. Представляет уверенно, с достоинством.

Земля эвенкийская богата: здесь зарегистрировано около двух тысяч месторождений и рудопоявлений. Они пока слабо разведаны, освоение их только начинается, хотя стоит упомянуть, что округ дает половину необходимого стране высококачественного графита, полностью обеспечивает промышленность исландским шпатом — оптическим кальцитом. Далеко окрест видны огненные факелы — идет интенсивная разведка перспективных запасов нефти и газа.

Буровые вышки и олени. В этом видится символика края. Технический прогресс неумолим, но нельзя, чтобы он подминал под свою колесницу такие промыслы, как охота, оленеводство, рыболовство — все, чем славен Север испокон веков. С глубоким чувством удовлетворения вчитываюсь я в строки «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», где прямо сказано: «Усилить внимание к оленеводству...» Зарбота об охране природы, ее животного и растительного мира, возведена ныне в ранг государственной политики.

...Проплывает под бортом самолета Эвенкия.

ПЕРВАЯ СТАЛЬ

**Евгений
ПОДЧИВАЛОВ**

*Рисунки
С. Малышева*

На Заводской улице жил старый инженер Жуков с женой, которую, как и в молодости, любил нежно и преданно. За долгие годы супружества они не ведали разлуки. Выходные — вместе. Отпуска — вместе. А когда время и обширнейший инфаркт подкосили силы и пришлось уйти на пенсию, Жуков, однако, не замкнулся в четырех стенах, каждое утро, как и прежде, шел он на завод. Деликатнейший человек, старого закала, он непременно, при любой погоде, приподнимая головной убор, тихим голосом произносил:

— Доброго вам здоровьяца.

— И вам также, Николай Васильевич, — неслось в ответ.

Узнав, что я собираю материал о Жукове для книги, визовский знакомый воскликнул:

— Надо, надо о старике!

Подумав, спросил, знаю ли я, кто дал Свердловску, тогдашнему Екатеринбургу, первый ток после гражданской войны. Не дожидаясь ответа, сказал:

— Жуков. Был я в тот вечер в театре. Слепо горели керосиновые лампы. И вдруг в антракте вспыхнул электрический свет. Не очень яркий. Напряжение в сети то падало, то снова повышалось. Но все равно, какое это было событие, представляешь?!

Конечно, было отчего ликовать — в Екатеринбурге снова появилось электричество.

... К весне двадцать шестого года работы на новой электростанции были в основном завершены... В понедельник Жуков решил проверить установку первых агрегатов. Почти следом за ним в турбинный зал вошел директор «Красной кровли», как тогда назывался Верх-Исетский завод, Давыдов. Времени у него было, очевидно, в обрез, и потому он, едва переступив порог, огорошил предложением:

— Знаешь что, переходи к нам работать.

Жуков вопросительно посмотрел на него.

— Нам нужен знающий электрик,— пояснил директор завода.— У нас строится динамный цех. Пойдешь?

Директор понравился Жукову. Разговаривал с подкупающей простотой, черные глаза смотрели мягко и изучающе, как бы процупывая собеседника. И первому красному директору ВИЗа, участнику трех революций, делегату уральцев на Втором съезде Советов Жуков тоже понравился, много хорошего о нем слышался.

Жуков съездил на ВИЗ. И загорелся: дело, действительно, задумано грандиозное, можно будет заняться вакуумом, о котором столько кричали американцы. Где, как не в новом цехе, для этого откроется простор?

Главного электрика верхисетцы быстро узнали и полюбили. Дни и ночи проводил он на стройке динамного цеха. Оборудования не хватало, приходилось приспособлять устаревшее. Даже Москва не могла дать все, что надо для новостройки. Был случай, когда прислали выработавшие срок электромоторы подводных лодок, снятых с вооружения. Инженерные должности сплошь и рядом занимали люди, умевшие лишь писать да считать. Но Жуков не жалел, что променял электростанцию, где все было отлажено, на большой и сложный завод, отнимающий у него чуть не все двадцать четыре часа в сутки.

Динамный цех пустили, а хлопот не убавилось.

Скорее, наоборот. С пуском но-

вого цеха началось освоение проката динамного электротехнического листа. Дела шли плохо. Качество металла не отвечало стандартам, и концессионный завод в Москве, филиал Берлинской фирмы «Сименс-Шукерт», отказывался покупать наш прокат, предпочитая завозить его из Германии. Волей-неволей стране приходилось покупать электротехнический металл у немцев, платя за него золотом. Это и заставило правительство приобрести у фирмы «Сименс-Шукерт» оборудование электропечи для выплавки трансформаторной стали, обладающей более высокими магнитными и электротехническими характеристиками, нежели динамный металл, и установить ее на заводе «Красная кровля». Решение это тоже не с неба упало. Еще в четырнадцатом году верхисетцы освоили выпуск динамного листа, который использовался на русских заводах, выпускавших электрические машины. В семнадцатом году прокат его был прекращен. Делались попытки выплавать и трансформаторную сталь на заводе — тоже впервые в России. Однако верхисетцев постигла неудача: качество стали было низкое, да, по существу, ею никто не интересовался, кроме небольшой кучки энтузиастов.

Согласно договору, электропечь предстояло смонтировать немецким специалистам.

...Метель носилась по заводскому двору, врывалась в почерневшие от времени корпуса, заметала дороги.

Погребенной под снегом оказалась добрая половина оборудования, месяц назад снятого с платформы. Рабочие разгребали сугробы, расколачивали ящики. Чертежник Тебелев, маленький, юркий, в прошлом неудавшийся артист, сверял наличие по спискам и диву давался: в ящиках лежали совсем другие детали, а не те, что значились. Обнаружив очередную ошибку, зачем-то трогал пенсне и, выпятив грудь колесом, артистически выбрасывал вперед левую руку:

— Николай Васильевич, снова недоразумение!

— Ничего, Володя, разберемся,— спокойно отвечал Жуков.

А у самого вскипала кровь: какое свиństwo! Нарушить договор, тянуть канитель с приездом монтажников да еще маркировку деталей перепутать! Это даже не свиństwo, а черт знает что, умышленное затягивание дела. Ежась от холода и втянув голову в плечи, Николай Васильевич отправился в заводоуправление. Надо какие-то срочные меры принимать, иначе погорим, как шведы под Полтавой.

Давыдов, увидев Жукова, встал, подал руку.

— Садись, погрейся.— Упреждай вопросы, зачем вызывал его и начальника электроцеха Самойлова, сразу перешел к делу:— Хочу посоветоваться с вами. Будем ждать приезда немцев или сами смонтируем печь? Время-то идет, а золото ручейком бежит за границу. Торопиться нужно с налаживанием производства трансформаторной стали. Ну, Николай Васильевич, смонтируем?

Жуков попросил времени подумать. Через три дня он пришел к директору без вызова.

— Сделаем! — с порога бросил он.

Директор завода и главный инженер распоряжением от 24 января 1929 года предписали главному электрику с сего числа приступить к установке электропечи, в трехдневный срок представить календарный план работы. Самойлов немедленно собрал народ в своем крохотном кабинете.

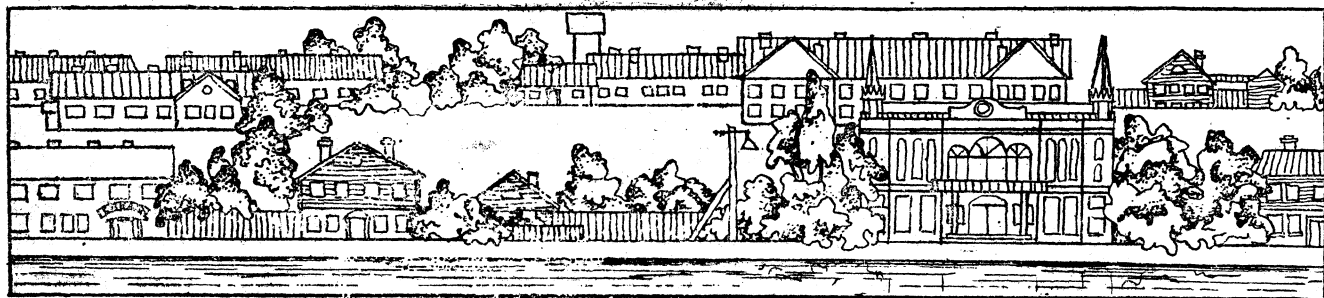
Новое всегда увлекает. Рабочие заговорили наперебой.

— Ну, хорошо,— сказал электрик Николай Малых,— допустим, возьмемся смонтировать печь. А схемы есть?

Самойлов кивнул головой.

Старый рабочий Иван Яковлевич Колмогоров нетерпеливо подошел к столу и, глядя в лицо начальника цеха, строго заявил:

— Революцию своими руками сделали. И хитрую технику обучаем.

Как ни торопился Жуков с монтажом электропечи, приступить к ее сборке с сего числа, как предписали директор и главный инженер, не смог. Официальным письмом главный электрик уведомил управление завода «Красная кровля», что сборку печи возможно начать только с первого февраля, так как основной фундамент не очищен и требует прорубки некоторых отверстий для анкерных болтов. К письму он приложил план монтажных работ.

Фундамент вырыли почти у самых ворот. Из подворотни задувал холодный ветер, гуляли сквозняки. Подуют монтажники на руки и продолжают работу. Смена длилась по десять-двенадцать часов. Хотя в те годы еще и слыхом не слыживали о сетевых графиках, но монтаж печи велся именно по такому методу: параллельно осуществлялось несколько работ. Оборудование монтировали бригады Колмогорова и Черепанова. Между ними шло соревнование: кто лучше и быстрее. Кожух печи устанавливала бригада слесарей, возглавляемая Алексеем Кунгуровым.

Встречались неувязки в чертежах.

— Надо Володю взять за бока, — каждый раз вспоминали чертежника Тебелева и шли к нему за исправлениями.

Тебелев работал, как все, — вдохновенно, просто, без недавней рисовки. Поставив чертежную доску прямо в монтажной мастерской, он чертил и перечерчивал схемы, на ходу вносил изменения. Стук молотков и разговоры не отвлекали его. Маленький, седой, Тебелев был на правах младшего брата, все его звали Володей. Добрый и веселый, он не обижался на такую фамильярность. Всерьез говорить с ним затруднялись: в агатовых глазах чертежника, прикрытых пенсне, вечно бегали озорные огоньки. Выбрав свободную минуту, рабочие подсаживались к нему. Тот рассказывал анекдоты, шутил, а дело у него между тем не стояло.

— Ну и артист ты, Володя! — смеялись рабочие, уходя.

Тебелев вдруг вспоминал, что он и на самом деле артист, хотя и неудавшийся, делал легкий поклон, прижимал свободную руку к сердцу, другую с карандашом и резинкой выбрасывал в сторону, предостерегающе помахивая: «Аплодисментов не надо». А взор его продолжал скользить по чертежу.

Главный электрик, занятый налаживанием энергетического хозяйства завода, ежедневно несколько часов проводил на строительной площадке. Не получалось с регулированием автоматики — становился монтажником. Не подходили детали — снова, предвительно выкинув в чертежи, шел на рабочее место.

— Только что с Москвой беседовал, — сообщил однажды Давыдов. — Торопят с пуском электропечи.

— И мы торопимся.

— Вижу, Николай Васильевич, вижу, дорогой. Но надо еще, выходит, поторопиться. Пойдем-ка к рабочим, потолкуем.

Весть о разговоре с Москвой рабочие встретили с воодушевлением. Длинных речей, понятно, не произносилось, в рабочей среде они вообще не приняты, одно-два слова, вот, пожалуй, и все. Когда Давыдов попросил монтажников «поднажать», ближе всех оказавшийся к нему электрик Николай Малых, не выпуская из рук кусачки, выпрямился во весь свой богатырский рост, в легком прищуре сверкнул на директора угольного цвета глазами:

— И «поднажимать» нечего. Когда рабочий класс подводит свое рабоче-крестьянское государство?

— Спасибо, товарищи! Так и передам... — сказал директор завода.

Монтажники, все, кто был причастен к установке печи, не подвели. Работа была выполнена на месяц раньше срока, к первому июня.

... Бывают события, которые долго помнятся.

Таким праздником на Верх-Исетском заводе стал пуск электропечи. 9 июля 1929 года была выдана

первая в Советском Союзе плавка трансформаторной стали. По этому случаю в маргеновском цехе прямо возле электропечи состоялся митинг, на который, кроме строителей и цеховой публики, пришли работники других служб завода, представители городских и областных властей. Играл духовой оркестр. Один оратор смеял другим. На кумачовом полотнище горел призыв: «Освободимся от импорта трансформаторной стали!»

Плавку вел сталевар Александр Александрович Суков.

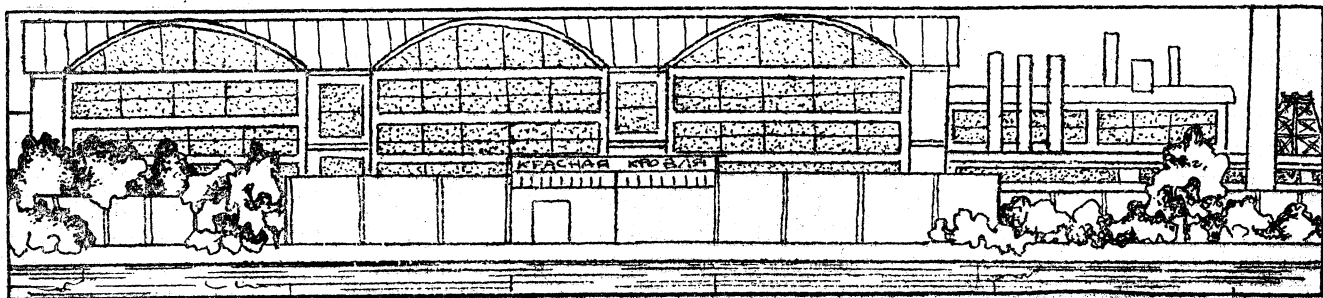
Электропечь, диаметром около двух метров, светлая и круглая, как алюминиевая чаша с выпуклой крышкой, оглушительно трещала, выбрасывая снопы искр. Суегились подручные сталевара, смущенные оказанной им честью первыми сварить новую марку стали. Мастер Тютев, приглашенный из Златоуста для проведения опытных плавков, успокаивал их:

— Не волнуйся, ребята. Все идет как надо.

А Николай Васильевич Жуков, один из главных виновников торжества, стоял в сторонке, казалось, всеми забытый. Как всегда, был он задумчив, внешне спокоен, и только маленькие руки с тонкими пальцами выдавали волнение. Жуков до хруста попеременно сжимал пальцы то правой, то левой руки, будто на морозе, хотя стояла невообразимая жара, дышать было нечем. Мысли его текли уже в другом русле, дальше: «Теперь дело за сталеварами. Трудненько им придется идти целиной».

Николай Васильевич так размышлялся, что не расслышал, а лишь догадался, что подали команду на выпуск плавки. Из печи, словно из гигантского чайника, по желобу покатила огнедышащая наплавка, советская трансформаторная сталь! Она плескалась, ходила кругами, искрилась и бурлила в ковше, поставленном над желобом.

Заглушая шум, с новой силой заиграл оркестр. А по литейному пролету, в восточную его часть, навстречу полуденному солнцу, пробивающемуся сквозь закопченные

фрамуги в крыше, плыл, точно корабль, ковш-бадейка с бесценным металлом.

Высокую оценку монтажу дали и немецкие специалисты фирмы «Сименс-Шукерт», приехавшие на завод с опозданием на пять месяцев. Они были обескуражены: думали, что русские на стенку кидаются, ожидая иностранцев, а тут, оказывается, уже варят сталь. Сколько ни крутились вокруг агрегата, сколько ни смотрели, придаться было не к чему. Инженеры из Берлина признали: так могли смонтировать только сами немецкие специалисты.

Однако горя нашим сталеварам пришлось хлебнуть порядком.

Вначале они не варили, а только доводили жидкую мартеновскую сталь. Электроэнергии не хватало. Металл нужного качества не получался. Выльют сталь в ковш и тут же обратно в печь зальют. Часто ломались электроды, куски падали в расплавленную сталь, значит, надо было все начинать сначала. Самый большой вопрос — как держать плаки, с которыми выводятся вредные примеси.

Впрочем это уже другой рассказ. ...Первым испытал это на себе Николай Константинович Пестовских. К концу смены в глазах почувствовал боль. Прикрыл веки. Думал, что просто устал. Но боль не прошла. С трудом раздвинул веки — перед глазами красные круги, будто кто повязал цветастую косынку. Из цеха увели его под руки, отправили в больницу к Лепешинскому.

Следом за Пестовских в больницу угодил и мастер Суков. И тоже клялся врачам, что ни разу не снимал очки с козырька.

Обоим спускали в глаза какieto капли, делали холодные компрессы. Но наступало лишь временное облегчение. Пробыли они в больнице день-другой, выписались. Полегче стало. Может, и верно, где оплошность допустили? А стали работать, история повторилась. Разгадка при-

шла позднее, и не от медиков, а от физиков. Оказалось, синие очки, которыми пользуются сталевары мартеновских печей, для электросталеплавильщиков непригодны, так как не задерживают ультрафиолетовые, сильно действующие на глаза лучи. Сталеваров спасли зеленые очки.

Однако не все тайны постигались так легко.

Сколько ни бились, а трансформаторная сталь не получалась. Обратились за советом к немецким инженерам, находившимся не у дел. Все равно золото им идет, пусть думают. Те растерялись.

— Мы специалисты по монтажу, а не эксплуатационники. Надо выписывать инженеров из Германии. Они помогут, научат.

Пришлось звонить в главк.

Вскоре заявился инженер с завода Крупна. Он не горел желанием делиться секретами производства трансформаторной стали. Давал кое-какие советы. Но советчик — не ответчик. С участием крупновского посланца выдали с десятков плавок, и все их забраковали по химанализу.

Директор завода Давыдов пригласил группу сталеплавильщиков.

— В чем дело? — Невысокий, худой, грозно стоял он за большим столом и в упор глядел на немца. — В чем дело, я вас спрашиваю? Потрудитесь дать вразумительный ответ.

— Ваши материалы не подходящи для трансформаторной стали, — холодно ответил инженер и, сделав кислую мину, через губу добавил: — Если хотите познать секреты сталеварения, пригласите наших мастеров.

Давыдов без излишней дипломатии отрезал:

— Нет уж, увольте, господин инженер, от такой любезности. Мы будем сами учиться варить сталь. Сколько уплыло золота, и все зря.

Немецкий инженер, рассчитывавший приятно провести время на диком Урале, а заодно набить кошелек, остался с носом. Не солоно хлебавши пришлось ему убираться восвояси.

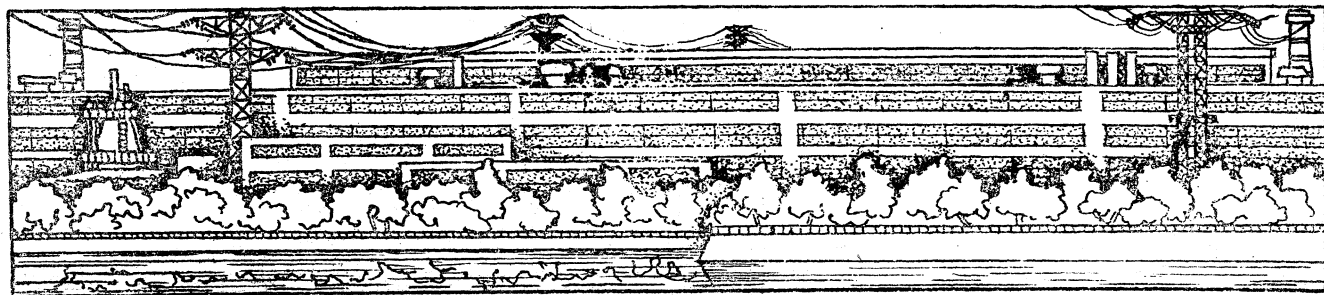
Дирекция командировала на завод Крупна мастера Сукова.

Умный, влюбленный в свою отечественную профессию, он пробыл в Германии полгода. Ни в театры, ни в кино не ходил. Не нравилась ему немецкая чопорность, да и начинало чувствоваться дыхание фашизма. Все оглядывались, таились, а на русского бросали неприязненные взгляды. Ну да он не собирался стать знатоком жизни в этой стране. Его задача совсем иная — научиться варить сталь. За эти полгода Суков многое сумел. Конечно, хотел бы большего. Но немцы секрет плавки стали держали за семью замками, с технологией не знакомили, на вопросы предпочитали не отвечать. Вот и приходилось ломать голову, самому додумывать, как бы между прочим подсматривать. А что делать? Не уезжать же без ничего. И ведь придаться было не к чему: условиями командировки выдача секретов сталеварения не предусматривалась. А только ознакомление. Кое-что существенное он все-таки выудил.

Не дремали и визовцы. Ощупью, как в темном лесу, спотыкаясь и падая, искали они нужную тропу. Большую помощь оказывали научные сотрудники Уральского индустриального института, особенно — крупный металловед профессор Сергей Самойлович Штейнберг.

Одна из первых удач выпала на долю сталевара Николая Пестовских. Приходя с работы домой, он делал подробные записи о плавках, обдумывал, сопоставлял факты. Своими наблюдениями делился с профессором. По его рекомендации Николай решил убирать шлак не перед разливкой стали, а в середине доводки и наводить новый, который хорошо поглощал фосфор, сильно ухудшавший электромагнитные свойства металла. Несложное новшество превзошло все ожидания. Сталь содержала фосфора минимальное количество — всего 0,015 процента. Такой результат был получен впервые после пуска электропечи.

На другой день Пестовских, придя в цех, увидел группу рабочих, о чем-то оживленно разгова-

ривавших между собой. Решил узнать, что стряслось. При его приближении разговор умолк, все расступились как перед начальником. Ничего не подозревая, Николай вошел в круг, оглядел загадочно улыбающиеся лица сталеваров и только тогда за чьей-то спиной увидел «молнию». На него смотрел чем-то знакомый курносый парень, а большая заметка под рисунком озаглавлена «Победитель фосфора».

С этого дня нарицательное имя «победитель фосфора» прочно пристало к нему. Дай бог каждому такое имя занять. Слава греет, позор жжет.

Лиха беда начало. Электросталеплавильщики поборол и некоторые другие недуги. Не стало рослости слитков, а ведь сколько мучились с ней. О доводке мартеновской стали теперь уж забыли, сами научились плавить шихту, и не какую-нибудь, а крупногабаритную, это что-нибудь да значит, кто понимает толк в сталеварском деле.

К гулу электропечи прислушались и в Москве. Нередко звонил Серго Орджоникидзе и спрашивал, как идет дела, сколько за сутки дают тонны, не надо ли чем помочь. Да и новый директор завода Феломент Тимофеевич Колгушкин, пройдясь по заводу, непременно заворачивал в мартен. Рабочие быстро полюбили его, как и Давыдова, переведенного в «Востоксталь». Высокий, в кожаном шуршащем пальто, он издала был приметен. Подходил к сталеварам, здоровался за руку, выслушивал жалобы. Бывало, и ночью, поговорив со сталеплавильщиками, из своего кабинета звонил секретарю Уралобкома партии И. Д. Кабакову.

— Помощь ваша нужна, Иван Дмитриевич.

— Говори, какая.

— Плохо с электроэнергией. На голодном пайке сидим. А сталевары наши берут сменно-встречные планы.

— Поддержим, — обещал скупой на посулы Кабаков.

Одобрил сменно-встречные планы верхисетцев и горсовет. Заводу увеличили подачу электроэнергии.

Если по какой-либо причине падало напряжение, дежурный горсовета, облюбовавший себе рабочее место в мартеновском цехе, звонил на электростанцию, предупреждал:

— На ВИЗе плавка идет. Ток, ток давайте!

А сталевары входили во вкус. Что ни день, то рекорд. Заводская газета не успевала освещать их. Поэтому выпускала «молнии» в цехе. Однажды такая «молния» рассказала об успехе смены мастера А. А. Сукова. Она выдала плавку за 6 часов 9 минут. Этот рекорд никому побить не удалось.

Ударники электропечи вскоре перекрыли проектную мощность агрегата. Если в 1929 году за пять месяцев завод выплавил 600 тонн трансформаторной стали, то уже в 1931 году рабочие и мастера электроагрегата Суков, Левин, Щербаков, Тюменцев, Пестовских на шеститонной печи начали выплавлять в сутки по 30 тонн трансформаторного металла. Молодой электропромышленности страны металла верхисетцев практически хватало, и Советское правительство отказалось от импорта этой дорогостоящей продукции.

Специальный посланец Особой Краснознаменной Дальневосточной армии вручил коллективу электропечи Красное знамя ОКДВА за ударный труд. Электропечи было присвоено имя областной газеты «Уральский рабочий».

Центральный Исполнительный Комитет наградил большую группу верхисетцев орденами за освоение первыми в стране выплавки трансформаторной стали. В числе отмеченных сталевары Н. К. Пестовских, А. Р. Тюменцев, П. П. Успенский, Н. И. Козловский, мастер А. А. Суков, крановщик В. В. Возчиков. Ордена Трудового Красного Знамени был удостоен профессор С. С. Штейнберг.

В начале тридцатых годов под руководством Николая Васильевича Жукова были построены еще две сталеплавильные электропечи, более мощные, посмотреть которые приезжали в разное время Серго Орджоникидзе и И. Ф. Тевосян. После

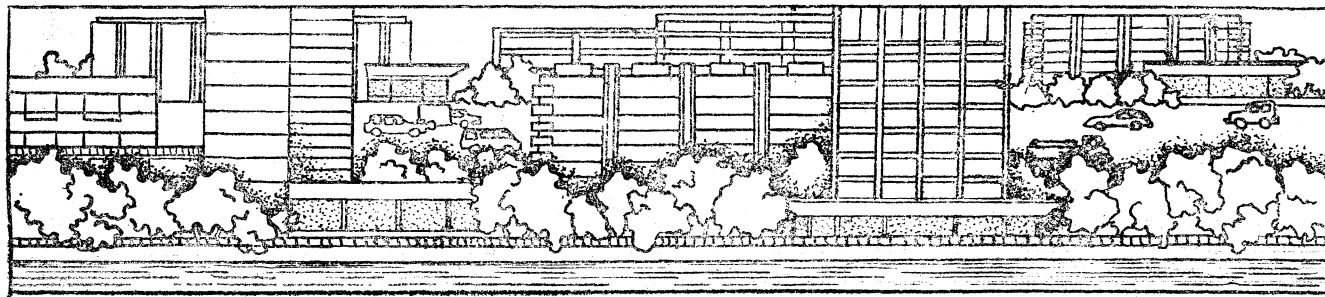
войны, когда страна предъявила новые требования к качеству электро-технического металла, Николай Васильевич многое сделал, чтобы наладить выпуск тончайших листов 0,1 и 0,2 миллиметра для электро-технической и радиотехнической промышленности. В 1947 году ему было присвоено звание лауреата Государственной премии.

В 1954 году по проекту Жукова построены на ВИЗе первые в Советском Союзе печи глубоковакуумного отжига, благодаря чему возросло качество трансформаторной стали. Ныне на уральском заводе действует крупнейший цех холодного проката, в котором также нашли воплощение идеи изобретателя-самородка.

Металл верхисетцев потребляют сейчас более шестисот предприятий страны. Его покупают многие страны СЭВ. Всюду, где горят огни электрических станций, в каждом нашем доме, в котором пользуются пылесосом, стиральной машиной, включают настольный вентилятор и вспыхивает голубой экран, есть доля труда свердловских металлургов.

А каково качество металла?

Мировые стандарты в ряде случаев остались позади. Например, удельные потери в стали толщиной 0,35 миллиметра составляют 1,49 ватта на килограмм, у японской аналогичной стали потери — 1,51 ватта, американской — 1,57, западногерманской — 1,60. Это позволяет нашим приборо- и электромашиностроителям создавать агрегаты большой мощности, но менее металлоемкие. Это как раз то, о чем когда-то мечтал Николай Васильевич Жуков, мечтали другие светлые головы.

**Нравственные
уроки
«Уральского
следопыта»**

**Адрес второго урока:
среднее городское
профтехучилище № 10
Челябинского
ордена Ленина
трубопрокатного завода,
предприятия
коммунистического
труда**

**Честь ~ вот
истинная красота!**

Ромэн РОМАН

ДЕЛО

*Мыслями о чести человека и его делах делятся:
Валерий Юрьевич ШОПОВ, первый секретарь
Челябинского ГК ВЛКСМ;
Николай Петрович КАРПЕНКО, директор
Челябинского трубопрокатного завода,
делегат XXVI съезда КПСС;
Виктор Васильевич РЕЙВАХ,
директор СГПТУ-10;
Степан Илларионович ГОНЧАРУК,
Герой Социалистического Труда,
мастер производственного обучения;
Евгений Михайлович ОХОТНИКОВ,
выпускник СГПТУ-10,
делегат XVI съезда ВЛКСМ,
партийный работник;
Евгений Иванович ТКАЧЕНКО,
зам. директора СГПТУ-10
по воспитательной работе;
Маргарита Михайловна КОНИНА, мастер
производственного обучения;
Евгений Ильич КИЦЫЛ,
экономист;
Сергей ЛОМОВЦЕВ,
миллионный выпускник
профтехобразования
Челябинской области;
Олег МИХАЛЕВ, Зина КОЛЕСНИКОВА,
Марина ГАЙНИТДИНОВА, Юрий ЗАЙЦЕВ,
Наталья САФРОНОВА, Виталий КОРШУНОВ,
Виталий СЕРГЕЕВ — учащиеся СГПТУ-10.*

Вот что составляет гордость и честь профтехобразования Челябинской области:
за 40 лет профессиональные училища выпустили 1300 тысяч специалистов;
за годы десятой пятилетки подготовлено 200 тысяч молодых рабочих по 258 специальностям;
80 процентов потребности промышленности в рабочих удовлетворяется за счет выпускников ГПТУ;
15 выпускников профтехобразования Южного Урала стали Героями Советского Союза, 40 — Героями Социалистического Труда, 8 — лауреатами премии Ленинского комсомола.

¹ См. «Уральский следопыт» № 9.

ЧЕСТИ

Герой Социалистического Труда Степан Илларионович Гончарук со своими воспитанниками и, естественно, единомышленниками.

В. Ю. ШОПОВ:

— Я знаю одного очень гордого человека, навсегда связавшего себя с рабочим классом. Это — лауреат премии Ленинского комсомола токарь Андрей Чепелев. Челябинцы любят Андрея — открыт, естествен, прост. И как остро развито у него чувство рабочей чести! Не умеет человек быть не первым. Легко ли Андрею выполнять пятилетку за 2,5 года? Нет. На современном интенсивном производстве такой трудовой результат в пересчете на спортивный — куда выше мастерского.

Может, подобные люди с их особой психикой, сверхумением трудиться — исключение, редкость в комсомольской рабочей массе?

Но вот совсем недавно группкомсорг Сергей Мещеряков обязался выполнить 11-ю пятилетку за 2,5 года — к июню 1983-го, в 50-летний юбилей тракторного завода.

Но вот 180 комсомольско-молодежных бригад досрочно завершают 10-ю пятилетку. У молодежи свой депутат в Верховном Совете СССР — Александр Дунаев, электросварщик...

Значит, трудовые рекорды — в чести нашей време-

ни. Значит, самому рабочему небезразлична честь бригады, завода, района, города!

Нравится мне документ, опубликованный в газете времен строительства Челябинского тракторного. Неграммотный землекоп Яков надиктовал письмо в деревню: «Жизну я, папаша, на строительстве тракторного завода, за городом. Строим мы сильно. Ежели не подкачаем, то на другую весну приеду к вам на стальном коне. Пишите, как яровые, и про дядю Матвея, вошел он в колхоз или все пыжится?»

Яков не подкачал. До революции заводы области давали немногим более 100 тысяч тонн стали в год, теперь такое количество выплавляется в два дня! Один крупный уральский совхоз расходует электроэнергии больше, чем расходовалось ее в сельской местности всей России в 1913 году.

Предприятия Челябинска выпускали продукции всего на пять с половиной миллионов рублей, сегодня продукцию на такую сумму город дает за несколько часов. А ведь это об окрестностях Челябинска писал родным Владимир Ильич Ленин, отпраздняясь в ссылке: голая степь, снег и небо, небо и снег.

Право на рабочую гордость завоевано нелегким трудом. В музее тракторного гиганта выставлена пара крестьянских лаптей. Лаптя — полвека. Их хранила у себя ударница Зиния Зайдулина.

...Вот с чего начинался рабочий подвиг, могущество страны — с самоотверженного труда людей нового мира.

И сегодняшней рабочий Андрей Чепелев, будучи в Америке, обезоруживающе просто отметил эту удивительную черту рабочего человека.

— Ну что вы, русские, носитесь с отвлеченными понятиями любви к Родине, чести, совести? — спросили его за океаном.

— Потому и носимся, что есть с чем...

Да, у Андрея есть край с тремя тысячами озер, с двумя десятками горных хребтов, есть завод, есть гордость, честь... Хотя бы за то, что производительность труда в металлургии на Магнитке, например, на 15—20 процентов выше, чем в металлургической промышленности США.

Пусть молодой человек, ученик ГПТУ, знает: и незачем и не перед кем скрывать, что с честью — этой частью

Якимов Александр, электросварщик. Сегодня ученик, а завтра — мастерской.

бытия у рабочего класса, лично у Андрея Чепелева все в порядке!

Н. П. КАРПЕНКО:

— Не надо забывать, что рабочая честь не есть нечто раз и навсегда данное. Честь — понятие моральное. Это мы все знаем. Если кто в чести, тот, значит, получил общественное признание. А в чем оно выражается? В уважении, в доброй славе.

Возьмем Анатолия Петровича Кравченко, рабочего, лауреата Государственной премии. Прекрасный, честный труженик, и сын его учится в училище, постигает профессию вальцовщика. Вроде бы естественно — сын идет по стопам отца, но эта естественность очень к лицу рабочей семье, ее доброй славе на заводе. Да, честь надо отстаивать и защищать, множить, передавать.

Наш Челябинский орден Ленина трубопрокатный завод несколько моложе таких гигантов, как ЧТЗ, Магнитка. История его началась в 1942 году выпуском первой в стране бесшовной трубы. Сроки освоения новых мощностей были не просто сжатые, но предельно сжатые. Послевоенные годы — освоение непрерывной печной сварки, пятидесятые — продукцию выдает трубопрокатный цех с трубоэлектросварочными радиочастотными станками «10—60», «10—30». Вроде бы достаточно чести заводу! Но время дает новые задачи. В шестидесятые годы бурно развивается нефтяная и газовая промышленность страны, открыты месторождения в Бухаре, плато Устьюрт, в Тюменской, Оренбургской областях, Коми АССР. Началось строительство газопровода Бухара — Урал...

Многие помнят: правительство Аденауэра в ФРГ отказалось экспортировать в СССР трубы большого диаметра. Решили прижать нас.

Но уж если честь задета, тут уральского рабочего ничем не остановишь. Наше правительство ставит задачу освоить новое производство, и вот за 11 месяцев, в срок, разумеется, рекордный, на заводе сооружен уникальный стан.

Как сейчас помню озорную надпись, которую выжгли электросварщики на первом изделии: «Труба Аденауэру!»

«Бухара — Урал», «Средняя Азия — Центр», «Сияние Севера», «Надым — Пунга», нефтепроводы «Дружба», Александровское — Анжеро-Судженск, Усть-Балык — Курган — Уфа — Альметьевск — вот маршруты челябинских труб...

Общий их километраж таков, что можно опоясать земной шар больше четырех раз! Это я всегда подчеркиваю молодым рабочим, пришедшим из СГПТУ. Иной даже присвистнет удивленно. Честь, история завода — это багаж эмоциональный, духовный. Вот где просыпается достоинство человека, его самоуважение, сознание своей ценности...

А теперь я говорю: пришел в СГПТУ, помни — с этого часа ты пользуешься всеми правами правящего рабочего класса... Правами, которые делают тебя причастным к задачам, поставленным перед трубопрокатчиками страны XXVI съездом КПСС. Цитирую: «Ускоренно развивать производство экономичных видов стальных труб: нарезного нефтяного сортамента с новыми видами резьбовых соединений и антикоррозионными покрытиями, высокопрочных для котлов высокого давления, подшипниковых и труб для атомной энергетики. Освоить производство многослойных труб для газопроводов...»

Задача на много лет. Приглашаем, юные друзья, к сотрудничеству, поиску...

С. И. ГОНЧАРУК:

— Конечно, термины «высокопрочные», «специальные», «для атомной энергетики» завораживают душу. А я начинаю знакомство с будущими вальцовщиками вопросом: «Кто правильно наберет лопату?» Пустяк вроде? Нет.

Металлург должен уметь владеть этим инструментом. Окноце в печи маленькое — 30×30 сантиметров, попасть надо... Поначалу это удается одному-двум... Рабочий начинается с элементарных, но классических трудовых навыков. Умей держать в руках молоток, метлу, отвертку. Это — азбука чести. Умей даже каску носить. Ребята иногда обижаются: «Я стараюсь, а на меня и не смотрят». Такого в коллективе не бывает. Видят все и все замечают. Мой ученик Сергей Мельников пришел в цех, а ему снова показывают, как правильно пользоваться лопатой. Он погордился: «Я уже это знаю!» Непохвальная гордость. Учиться надо не переставая!.. И, не переставая, совершенствоваться. Конечно, не все выдерживают. Из 35 человек в группе к концу года на десяток меньше остается. Зато самые крепкие. Говорю на уроках: «Профессия вальцовщика сродни пилотской. По силе, по реакции, по мужеству... И знание в работе нужно, и слух, и такое принципиальное мужское качество, как терпение».

Есть хорошее понятие в рабочей среде: «заело». Есть «заело» хорошее, есть плохое... Вот «заело» нас помимо всего прочего завести в училище кроликов. Хлопот нажили себе, не оберешься. Ну, что с них чести? А подросток рядом с беззащитным животным добреет, преображается. Он учится понимать свои обязанности не через обязанности, а через внутреннюю потребность, духовную необходимость.

Очень многоемкое это понятие — честь. Как-то отдыхал я у своего друга — металлурга в Чехословакии. Он и поинтересовался: «А жена у тебя работает?» — «Как же, — говорю, — работает». — «У меня — нет, — погордился чех. — Зарабатываю сам...» Заело меня. Приехал, уволил жену. Что, я не зарабатываю?.. Хорошо это или плохо, а только ход свой в этой международной партии сделал!

В. В. РЕЙВАХ:

— А я, с позволения Степана Илларионовича, расскажу об одном его ходе, общественном, как говорится. Как-то на торжественном собрании Степана Илларионовича, как Героя Социалистического Труда, пригласили в президиум. Как пригласили? Просто зачитали по бумажке тех, кто должен занять место за столом. Степан Илларионович не пошел на сцену. Он сказал: «Насколько мне известно, президиум — почетное место, и туда избирают, а не назначают...»

Рядом с именем завода стоит яркая строчка — предприятие коммунистического труда. Высокая честь работать здесь, и она требует от каждого воспитания в себе чувства рабочего достоинства.

Что ведет к формированию достоинства? Я считаю: красота труда, красота его результата. И еще — нетерпимость к иждивенчеству.

Интерьер нашего училища украшен каслинским литьем. Литье само по себе прекрасно. Но мы не забываем о том, что учащиеся сами проектировали, сами в Каслях готовили формы, сами отливали. Энтузиасты этого дела просили их не выделять, чтобы новые поколения отдавали дань уважения всему училищу. Славная, надо заметить, просьба. Славный поступок, достоин звания рабочего.

Мне приходилось беседовать с легендарным летчиком Героем Советского Союза Маресьевым. Спросил его: «Что вы думаете о героизме?» Он сказал: «Вот уж никогда об этом не думал. Просто жить хотелось». Так и ребята, украсившие училище, хотели жить среди красоты и подарить ее другим...

Е. М. ОХОТНИКОВ:

— Я бы добавил, что честь покоится еще и на красоте отношений. Между людьми и, что немаловажно, на отношении рабочего к делу его... Да, можно трудиться

А мы — крановщицы!

для денег только. Уровень механизации и автоматизации сейчас таков, что не обязательно вкладывать душу в нажатие кнопки на том же прокатном стане...

Но тогда не будет ревности к своему делу, гордости за свое предприятие, училище. Николай Петрович говорил, что СГПТУ и завод — едины. На заводе вы получаете навыки не только профессиональные, но и фундамент нравственных отношений на производстве. Понаблюдайте, как идет по заводу директор СГПТУ Виктор Васильевич. Сколько «здравствуйте!» услышит он за день. Тысячи! Бывает, много выпускника и не припомнишь на лицо, а по кивку, по чувству расположения, по радости встречи с преподавателем выпускников «десятого» не спутаешь ни с кем! Да их и на заводе — три четверти! Я выпускник 1962 года... Работал на заводе. Мне, бывшему ученику СГПТУ, оказывали высшую честь — избирали депутатом Верховного Совета СССР, я был делегатом XVI съезда ВЛКСМ. И всегда помнил, что представляю рабочий класс.

Важно, чтобы человек работал над собой, совершенствовался! Конечно, за рабочим станком само дело заставит поторапливаться. Необходимо не только не отставать; сознательный, творческий рабочий всегда как бы на шаг впереди должен быть. Этому еще Ленин учил. Быть первым, победить в соревновании — эта черта в рабочем человеке выкована социализмом. Но она же становится и внутренней потребностью.

Как же, спрашивают иногда, соотносить личную гордость, личную честь с честью коллектива, завода, общества, в котором живешь? Личная честь рабочего, это прежде всего честь класса, который он представляет. Политическое, классовое чутье помогает молодому человеку правильно ориентироваться в сложных вопросах жизни, в том числе и в вопросах чести.

М. М. КОНИНА:

— Мы часто говорим о высоких идеалах, а большое начинается с мелочей. Часто бывает, если человек неаккуратен в мелочах, на него трудно положиться в серьезном. У многих наших ребят есть маленькое любимое дело, где они безукоризненны: Лена Егорова — первый блюститель порядка, Таия Ушацкая — активно помогает в хоре, Оля Зиновьева — сражается за успеваемость. У них есть с кого брать пример: преподаватель Сергей Валентинович Ярушин — поэт, музыкант, за два года написал 37 песен; Владимир Анатольевич Медведев — преподаватель

физкультуры, ведет еще и секцию многоборцев, причем его воспитанники выиграли первенство СССР. Любимое дело на общую пользу — так учат ребят наставники. К сожалению, среди ребят бывает и обратное: больших успехов в спорте достиг Володя Морозов, кандидат в сборную РСФСР, но он, порой, футбол ставит выше всего.

Е. И. ТКАЧЕНКО:

— Молодым иногда присущ эгоизм. К нам идут из школы, а школьник, как говорится, живет на всем готовом. Первый же год в СГПТУ меняет установки, эгоцентричную психологию подростка. Подростка учат коллективному труду, коллективному мышлению. Желание выделиться, утвердиться у многих остается. Это, в известной мере, закономерно, плохо другое: иной не умеет утвердиться в учебе, труде, спорте, стремится «утвердиться» силой кулака, экстравагантным поступком. Надо уметь отличить подлинное самоутверждение от показного, опасного. Помню, в бытность мою воспитателем в Артеке, заспорили о свободе самоутверждения с ребятами из Швеции. «Мы можем все,— горделиво заявил подросток, гость,— хотите докажу?» Он принес шведский флаг, смял его и начал топтать ногами. «Вот,— похвастал он,— мне ничего за это не будет...» Один наш паренек сказал: «А я и под пулей топтать свой флаг не буду».

Это тоже самоутверждение, но совсем другого помета..

Е. И. КИЦЫЛ:

— Я экономист. И меня в жизни волнуют вопросы, связанные с экономикой. Мне близко положение в докладе Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС — «экономика должна быть экономной...» Да! Но экономика должна быть и нравственной! Вы знаете, что человек с пониженным чувством долга, рабочей чести просто расхититель государственных средств. Лентяй, прогульщик страшно невыгодны, не говоря уж о нравственных издержках. Знаете, сколько стоит час простоя станка? Десятки тысяч рублей! А сколько стоит государству неуживчивый, сеющий плохое настроение рабочий? Те же тысячи рублей народных денег. Настроение рабочего имеет четко выраженную экономическую окраску. За 35 лет училище дало производству 16 тысяч специалистов. Это — больше трети всех работающих. А ну если такая армия будет нерасторопной, равнодушной? Какие убытки понесет страна!

Теперь о верности профессии, которая связана с вопросом личной чести. Училище готовит специалистов по 10 специальностям: слесарь КПП, электросварщик, вальцовщик, электрик, слесарь по ремонту промышленного оборудования, токарь, контролер ОТК, автослесарь, крановщик, повар. Так вот, предприятию в конечном счете невыгодно, если человек будет всю жизнь токарем. Мобильность производства такова, что надо быть готовым сменить две-три профессии. Вернее, не сменить, но овладеть смежными. И государство поощряет, платит надбавку за вторую и третью специальность. Верность избранному — это верность принципу, определяющему суть труда твоего. И еще. Доскональное знание своего дела есть неперемное условие грамотной работы. А о какой чести может идти речь, если человек несведущ?

Не случайно, что ведущие специалисты на заводе вышли из рабочих. Сам директор прошел путь от рабочего до руководителя крупнейшего предприятия в отрасли. Я начинал с ученика... Совсем недавно в цехе демонтировали станок, на котором начинал трудиться, износился он, а вот линия, которую отлаживал, будучи рабочим,— жива, действует. Горжусь ею!..

Олег МИХАЛЕВ:

— Мы часто слышим в разговорах старших, что в нас надо воспитывать гордость, честь... Может быть, не воспитывать, а верно направлять? В каждом есть своя гордость, но порой многие из нас считают, что унижат свое достоинство, если соберут за собой тарелки со стола, если, уронив на пол бумагу, наклонятся за ней... Какое-то «ложное», что ли, понимание того, что делает человека в глазах других гордым, смелым.

А мне кажется, не постыдиться сделать хорошее, сделать, чего не делают другие, поступить смело, по личному пониманию чести, а не подлаживая свое «я» под общее, если оно и ошибочно,— вот настоящая гордость. Здесь, правда, гордость все равно, что смелость...

Владимир ЛОМОВЦЕВ:

— Олег прав, свою гордость надо уметь смело защищать. Вот спросим себя откровенно: престижно ли учиться в ПТУ? Те, кто прошли эту школу, скажут «да», а те, что знают о ней понаслышке, начнут нашептывать парнишке в 15—16 лет: лучше кончай десятилетку, иди в институт. Поднять честь рабочей профессии, своего ПТУ мы можем и должны.

Не случайно все мы в училище носим единую форму. Она — показатель нашей принадлежности к огромному отряду «пяташников». И я никогда не забуду, как мы ехали с ребятами с одного из смотров: брючки в стрелочку, рубашки накрахмалены, на рукавах нашивки... Одна женщина долго так смотрела, а потом спрашивает: «Вы, ребята,— летчики?» Мы ей гордо: «Нет, мы из СПТУ-10 — электрики», — а потом даже обиделись — как будто только у летчиков может быть красивая форма.

За нашей обидой, я считаю, стояла не только влюбленность в свое училище, тут были и первые ростки любви к своему будущему труду, к своей профессии. Будет любовь — будет преданность, будет преданность — будет самоконтроль, дисциплина.

Прав Олег — гордость и честь трудно воспитывать «со стороны», здесь должно работать самовоспитание. Необходимо, чтобы перед каждым встали вопросы: зачем я пришел в ПТУ? Ткнул ли ты без выбора пальцем в справочник для поступающих? Или же почувствовал в себе хоть немного призвания, желание стать профессионалом? Нельзя говорить с человеком о чести его дела, если дело это он не любит, не интересно оно ему, совершенствоваться в нем он не собирается.

Я вот скажу о себе. Кончил наше ПТУ электромехаником. За год работы на заводе освоил работу бензорезчика и без отрыва, как говорится, от производства готовлюсь поступать в институт. Считаю, что дело свое не предал и не предаю и гордиться им имею полное право. Вот Степан Илларионович — всю жизнь рабочий, но какой классности! Ведь сам же он говорил, что смежные специальности освоил. И я, где бы ни был, как бы ни повернула меня судьба, останусь рабочим, корни мои здесь.

ПТУ — ступень, а не стена, закрывающая дорогу. У «пяташника» даже больше возможностей и вариантов. В 17—18 лет, «сэкономив» два года, уже имеешь среднее образование и специальность — какой-то фундамент, почву под ногами. Это тебе не диплом о высшем (не в пику вузу!), когда на второй диплом с трудом пойдешь, а даже если решишься, получить его труднее, чем пойти по ступенькам: ПТУ — техникум — вуз.

Ну скажите, ребята, кто из вас живет в ПТУ без увлечений? Нет таких. Многие из этих увлечений, например спорт, могут оказаться очень серьезными. Не знаю, как где, а в Челябинском СПТУ № 10 — отличнейшие условия для развития любых наклонностей, и этим нельзя не гордиться...

Гордость начинается с малого. Гордость за училище, за ребят, которые рядом и многого по-своему достигли. Гордость начинается с чувства причастности к сегодняшнему дню завода, его истории и к будущему его дню.

Зина КОЛЕСНИКОВА:

— Девушек в бригаде токарей двое — я и Марина Гайнитдинова. Не женская вроде бы профессия, а другой не представляю. Токарное дело — важнейшее в промышленности. Не будь наших изделий — как бы машины работали?.. Училась я неплохо, в нашем Сосновском районе десятилетка была, хорошие учителя... Но, думаю, чтобы настоящим рабочим стать, надо, конечно, особенные знания получить и особенное образование. Сейчас ПТУ все равно, что техникуму, все автоматизировано, такие сложные предметы нам читают... Плюс к этому, все своими руками делаем, хотя бы вот училище полностью деталями обеспечиваем. Женщине самой все уметь — немаловажно. А я вот в первый день сюда пришла — сразу помочь попросили. Это и понравилось, поняла — здесь скучать не придется.

Марина ГАЙНИТДИНОВА:

— Ой, скучать, Зина говорит! Да у нас и агитбригада, и хор, и свой театр! Ну а если речь о гордости, то сейчас моя большая гордость — наш спектакль.

Был в училище маленький театральный кружок. И вот к ребятам пришел профессионал, правда, начинающий, но все же встреча эта по-настоящему состоялась. Светлана Борисовна Балмусова посвятила свой дипломный спектакль «Мальчишка 17 лет» нам, своим артистам, мальчишкам и девчонкам 16—17 лет.

Сколько было волнений, работы, сколько идей! Не просто это — с одноакток перейти на большой спектакль. Мы же не умеем ничего. Руководитель наш, Светлана Борисовна, лекции о театральном искусстве читала, тренинжем занималась: голос, пластика... Здорово! Когда получилось что-то и нас похвалили, мы не только счастливы, но и горды были. Значит, можем, и пусть говорят, что мы — простые ребята из ПТУ, вот ведь и к такому великому искусству, хотя на чуть-чуть, на «воттакулечку», а причастны. За ПТУ наше гордость, наверно, в других училищах ребята не хуже бы сыграли, а все-таки эти — из нашего!

Знаете, в самодеятельных коллективах есть традиции: после премьеры писать на программах, афишах пожелания. Кто-то из мальчишек написал: «Я много увидел в жизни по-новому». Думаю, и понятия долга, чести помог ему переосмыслить театр. Возвращаясь к мысли Олега, хотела бы с ним поспорить. Чувство чести — категория воспитуемая. Откуда берется гордость за завод? Из знания его героической истории, его достижений, от знакомства с людьми, что трудятся на нем. Как рождается понятие «честь училища»? Его создают классные места в соревновании, победы на всевозможных конкурсах, его творят выпускники десятого. Чем глубже понимание и стремление к этому — тем выше гордость. Не зря же существует профориентация.

Вот как ребята пришли сюда? Пусть скажут.

Юра ЗАЙЦЕВ:

— Слышал про это училище от многих: друзья-«пэте»-шники рассказали.

Наташа САФРОНОВА:

— У меня мама поваром была, мне подсказала, о нашем училище я еще раньше знала.

Виталий КОРТКОВ:

— А мне отец, брат посоветовали. У большинства родители на заводе работают, поэтому к нашему выбору профессии спокойно, по-деловому подходят. В институты не зовут...

Здесь ведь тоже своя гордость. Все мы на завод пойдем, а если с честью будем работать, — радость нашим отцам. Мы уже знали, что такое труд рабочего.

Виталий СЕРГЕЕВ:

— У меня отец на заводе — сварщиком. Я видел, как он работает, а вот когда самому пришлось — сначала испугался, волновался как-то. Сейчас нет, сейчас не боюсь. Очень нравится эта специальность. Учусь на первом курсе, совсем немного, а уже заказ выполняли: детские сварные домики. Не знаю, где они будут стоять, но теперь иду по улице, вижу такой домик и начинаю представлять «наши», как там дети играют...

Владимир ЛОМОВЦЕВ:

— Рассказ Виталия меня на мысль натолкнул: наверно, гордость рождается в момент, когда сумел перешагнуть через свой страх, преодолеть самого себя. Преодолею — молодец! Как в спорте. Вот я однажды с парашютом прыгал. С нами парень был. Подходим на прыжок — он не может. Хотя знал, что там, внизу, любимая девушка ждет. Инструктор даже ему ничего не сказал, только по плечу дружески так стукнул, подбодрил. И парень прыгнул. Как он потом был горд, что страх переборол.

И еще, гордость иногда рядом с чувством стыда ходит. Стыдно стало вот этому парню за себя — прыгнул, потом — заслуженная гордость. Если каждому рабочему будет стыдно за брак, недисциплинированность свою ли, чужую ли — марка заводская будет выше, значит, честь рабочего на высоте... Многого, думаю, начинается с самодисциплины. Слово «честь» одного корня со словом «честный». Честный не подведет, не соврет, хороший, в общем, человек. Хорошая гордость может быть, я думаю, только у хороших людей. Училище учит нас быть хорошими людьми, только чтоб ложной гордости не было. За два года я стал по-другому о многом думать, о жизни, профессии, причем, самостоятельной...

Здесь есть у кого учиться. Для многих встреча с мастером — одно из самых ярких событий на первом курсе. Не сразу, но верно входит в сердце рабочий принцип: «Человек, будь полезен...»

...Осталось добавить к разговору: ребячьи слова о чести, достоинстве, гордости внимательно и серьезно слушали директор завода, Герой Социалистического Труда, преподаватели... Здесь, на Челябинском трубопрокатном заводе и в СГПТУ-10, привыкли относиться серьезно к тому, что сам сказал и сделал, что сказали и сделали другие. Как в поиске, так и в труде повседневном.

**Записали
А. ЛЮБАРСКАЯ,
Ю. БОРИСИХИН**

*Фото
А. Лысикова*

НАД ОБРЫВОМ

**Евгений
СУВОРОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

Я появился на Ольхоне в конце лета не потому, что в это время здесь теплее, — в августе жене дали отпуск, а у моей тещи не болело сердце, и в маленьком самолете ей было так же хорошо, как омулю в Байкале.

Остров Ольхон покорила меня с самолета, и я, еще не приземлившись, ругнул себя, что всегда чуть не самым последним появляюсь в таких сказочных краях.

В Ольхонском аэропорту я решил не торопиться, чтобы хорошенько ко всему приглядеться, и через полчаса обнаружил, что все как-то умудрились на чем-то уехать в поселок Хужир, и жена с тещей взглядами, едва заметно, укоряли меня: «Ну вот, опять мы последние...»

К нам подошел невысокий, сильно помятый мужичонка, один из тех, которые вечно бывают с похмелья, и сказал, что довезет нас на мотоцикле. Казалось, что он следил за нами из-за деревьев, поухмылялся вволю над моей беспомощностью, подождал, когда отношения между мной и женщинами обострятся, и появился перед нами для того, чтобы выручить...

В Хужире с квартирой нам повезло: дом был большой, с новенькой баней, с широкой вымощенной оградой, и хозяин — единственный житель этого дома, 82-летний Михаил Васильевич Васьков, оказался прекрасным человеком, но в доме не было форточек, и по ночам, на берегу Байкала, мы задыхались без воздуха. Двери на ночь открывать не разрешалось: старик боялся простудиться. Сначала он пустил нас только переночевать, но за два часа, пока мы сидели и беседовали с ним в столярной мастерской, которую и выпрашивали под жильё (это был маленький домик с плитой и форточкой), мои женщины Михаилу Васильевичу понравились, и он, наперекор старшей дочери, жившей неподалеку и каждый день навещавшей его, пустил нас на квартиру.

Дней через пять я заикнулся о смене квартиры, потому что каждое утро вставал с головной болью. Женщины встретили мое предложение с возмущением: они потратили столько усилий, чтобы понравиться старику, тот из-за нас поссорился с дочерью. По рассуждению моих женщин, выходило, что мы и старика подведем, если перебежим на другую квартиру, и сами

будем выглядеть не очень-то красиво. Они также не хотели расставаться с Мохтей — добрейшим рыжим псом, который хоть и неловко, но достаточно высоко подпрыгивал на привязи, напоминая своими сосредоточенными плавными прыжками огромную белку в колесе.

Дочь старика откармливала его на унты. Мохтя, кажется, знал об этом и ел плохо. Он всегда восторженно встречал моих женщин: они любили играть с ним, хотели как-нибудь спасти его, и Мохтя кидался к ним изо всей силы; короткая цепь, привязанная к бане, возвращала его на место.

За домом Васьковых, через дорогу, сверкает белизной новая изгородь, защищающая огромное поле темно-зеленого молодого овса. Поле с трех сторон окружает старый сосновый лес с деревьями, разросшимися как им хочется — так много для них песка и солнца! Кажется: нет прекраснее уголка на земле, чем этот остров с пасущимися коровами и козами и лениво лежащими где им вздумается собаками! И в самом деле, не было бы счастливее уголка, если бы поминутно не сновали по песчаным дорогам и тропинкам, по лугу и лесу всех мастей мотоциклы. На мотоциклах здесь ездят все — дети, старики, женщины.

Все свободное время я старался проводить в лесу или на берегу Байкала. А в общем-то мне удавалось совместить и то, и другое: в одном месте недалеко от поселка лес подходил к самому берегу, только надо было пройти маленькую самую настоящую пустыню — с дюнами и редко виднеющимися уродливыми деревьями, лишь отдаленно напоминающими сосну или лиственницу. Я подолгу задерживался около иссохших, окаменевших, но все еще живых деревьев... Иногда мне казалось, что на сказочный остров медленно надвигается пустыня... И тогда я спешил к морю, чтобы увидеть не ярко-желтые, слепящие глаза застывшие волны, а живые — голубовато-зеленые, с шумом выбрасывающие на берег разноцветные водоросли, мертвую рыбу, бревна из разбитых плотов, обломки каких-то строений и лодок...

По утрам вместо физзарядки я колот старика дрова на зиму и уходил к берегу на час или на два позже моих женщин.

Однажды, разыскивая их, я спускался с косогора, подгоняемый первыми крупными каплями дождя, редкого здесь летом, почти всегда короткого, и следов которого через два часа не оставалось, — песчаная почва поглощала воду мгновенно, и от прошедшего недавно дождя оставалась едва уловимая радостная прохлада и яркое сияние зеленых трав и цветов, которые растут только здесь, на Байкале. Они кажутся диковинными, из какого-то другого, фантастического мира, о котором они робко напоминают. Такие цветы не хочется срывать — начи-

наешь думать, что с каждым сорванным цветком это далекое и фантастическое отодвинется еще дальше...

На середине косогора я остановился: спуск был крутой, я хотел выбрать дорогу полегче — и вдруг увидел, как ловко скользила между огромных валунов фигура девушки. Сначала я подумал, что это моя жена, но тут же понял: с такой ловкостью бежать по россыпям, среди огромных валунов, своим беспорядочным расположением создававших множество лабиринтов, может только тот, кто вырос здесь или часто приезжает сюда.

Гибкая, стройная фигурка, то исчезая, то появляясь, стремительно двигалась в мою сторону. Я, не понимая зачем, по самой крутизне шагнул навстречу, на миг устыдившись, что недавно хотел спуститься вдоль по косогору, где дорога хоть и длиннее, но зато безопаснее. Девушка бежала ко мне и делалась все старше, старше — и на глазах превратилась в старуху! Превращение произошло так быстро, правда и обман переплелись настолько, что мне продолжало казаться: передо мной не старуха в ситцевом платке, а девчонка, для чего-то играющая старуху... Я взглядывал на огромные валуны, на лабиринт ходов между ними...

«Может быть, — размышлял я, — между валунов бежала девушка, потом она исчезла — встретила с тем, к кому бежала, а старуха, когда я схватился за ветку кустарника, чтобы не свалиться с крутизны, появилась из-за ближних валунов и продолжала путь девушки?..»

Старуха смотрела на меня до жути внимательно и, казалось, своим взглядом впитывала меня. Я шагнул к ней. Она расцвела в улыбку.

— Ты меня с кем-то спутал, да?

Не мог же я сказать, что спутал ее со своей женой, которой едва минуло двадцать, и если бы сказал об этом жене, она бы сердилась на меня самое малое неделю.

— Я приняла тебя за инструктора... Он с такой же, как у тебя, тетрадью ходит...

Только сейчас я увидел в руках у себя блокнот, в котором я делал простым карандашом зарисовки гор. Ничего не понимая, я смотрел на старуху.

— Вчера меня обругал инструктор, — пояснила она. — За то, что я залезла до половины вон той скалы. Я бы и выше залезла.

Это было вчера — она сорвалась с уступа, пролетела метра два и снова начала карабкаться наверх... Издалека я видел, как она боролась с опасностью, но разве мог подумать, что на скалу карабкается не юная спортсменка, а старуха, которой где-то под семьдесят?!

«Это я старик... У меня и в мыслях ни разу не было вслед за смельчаками подняться на отвесную, почти вертикальную скалу...»

И еще я подумал:

«Ей недоступны те радости, которые доступны мне в моем возрасте, и она последние годы, а может быть, дни отважилась сделать опасными, хотя бы в чем-нибудь напоминающими молодость... А может, она смеялась над такими, как я, кто боится рискнуть лишний раз, а то и вовсе никогда не рисковал и по этой причине добивался своего только до половины, а потом оправдывал свою робость тем, что на большее и не был способен?»

Капли дождя ударяли о камни и листья, ярко светило солнце, над островом не смолкал жизнерадостный гул маленьких самолетов.

Старуха увидела, что я собираюсь уйти, и стала вглядываться в меня сильнее.

— Дождя боишься?

И она протянула мне свернутый в трубочку тонкий, как папиросная бумага, болоньевый плащ.

Я отказался, спросил, как ее зовут.

— Ниной звали,— сказала она улыбаясь, как будто ей и в самом деле было лет двадцать.

Ее голые ноги, обутые в старенькие домашние сандалии, были бронзово-черные от загара, в свежих царапинах и ссадинах... Она оглянулась, видимо, опасалась встречи с инструктором, легко переступила с ноги на ногу и, глядя мне в глаза, доверительно сообщила, как будто мы с ней были давно знакомы:

— Ты только не говори ему. Я ведь что выдумала: сижу вон там,— она показала на голубое синее пространство за обрывом.

— Где? — не понял я.

— Над обрывом,— весело сказала она.— Свешу ноги вниз и читаю книгу.

— Вы можете сорваться, и никакой инструктор тогда не поможет...

— А ну его,— сказала старуха.— Он грубый человек.

— Вежливость тут может навредить...

Я не мог обращаться к ней только по имени,— все-таки разница в возрасте была большая,— и довольно громко спросил ее отчество.

Старуха как будто не слышала моего вопроса.

— Я чувствую себя моложе, когда сижу над обрывом... Хочешь посидеть?

Я представил, как сижу на самой краешке отвесной скалы, по незаметным выступам которой высоко над землей делают невероятные прыжки домашние козы, и промолчал, вспомнив, как мы с берега с изумлением следили за ними... Чья-то большая, с белыми пятнами собака вместе с нами, только чуть поодаль, долго, замерев, смотрела за козами, пролетающими в воздухе, которых она, как и мы, наверное, приняла в это время за диких...

— Боишься,— без всякого укора сказала старуха.

Взглянув на скалу, я понял, что никогда не сделаю даже попытки карабкаться по ней. Зачем? Чтобы сорваться? Другое как будто было легче — сидеть, свесив ноги, на краю обрыва... В первый же день мы приходили сюда. Я стоял на краю пропасти, но, оказывается, это был еще не самый край — два шага земли, а точнее — скалы впереди оставалось... Мои женщины вскрикнули, испугавшись за меня, и я отступил, так как мне хотелось и эти два шага сделать... В тот раз я почувствовал, как тянула к обрыву какая-то непреодолимая сила...

Я слышал, что бездна притягивает, человек не хочет и делает в нее шаг... А иногда он делает этот шаг с восторгом, граничащим с безумием...

Проговорили мы с ней минут двадцать и разошлись каждый своей дорогой, и не начавшийся дождь был тому виной — ведь можно было укрыться среди валунов на берегу, под со снами да и возле заправочной можно было спрятаться от дождя под крышей...

Тогда мне как будто не надо было встречаться с нею, а почему же сейчас хочется и увидеться, и поговорить? Может быть, в тот раз ей нужно было поделиться какой-нибудь своей новостью, может, печалью, а может, радостью... А я торопился, застенялся чего-то, неловкость какую-то увидел, и уж самое никчемное, если дождя испугался... Она никак не хотела уходить, стояла в лучах солнца и дождя, похожая на колдунью, знавшая об этом мире и о себе какую-то тайну, о которой она, как я теперь понимаю, начинала рассказывать...

Я узнал, что она не любила ездить. Это у нее с войны. Предпочитала пешком. Когда кто-нибудь из колхозников предлагал место в телеге, она всегда отказывалась.

На Ольхоне она побывала один раз нечаянно и теперь каждое лето прилетает сюда на маленьком самолете...

Совсем недавно вдруг вспомнилась она мне — тоненькая, до черноты прокаленная солнцем, с сияющими молодыми глазами, умудренная жизнью,— и все думал: «Почему же она не исчезла из памяти, почему за такую короткую встречу оставила в моем сердце след, какую-то царапину, которая не исчезает и, наверное, никогда не исчезнет?»

Она сказала, что живет где-то недалеко от Усть-Орды, вырастила четверых детей. Было бы семь, и она жалела трех, неродившихся, «выбитых», как она сказала, буяннившим мужем.

Я думал о великом упорстве женщины, о ее неиссякаемой любви ко всему живому, дающей любовь даже тем, кто ее недостойн, и своей любовью помогающей укрепиться всему, что должно жить.

Отраженное солнце

Фотоэкспедиция «Уральского следопыта»
«ДАЛЬНИЙ ВОСТОК — ТИХИЙ ОКЕАН»

**Сергей
МЕЛЬНИКОВ**

На вкладке
фото автора

Нет океанов без островов. И если говорить об островах Тихого океана, то жемчужина среди них несомненно — Филиппины.

Специальный корреспондент «Уральского следопыта» действительный член Географического общества СССР Сергей Мельников продолжает свой фоторепортаж...

Самолет — над Филиппинами. Сплошная пелена облачности висела над Восточно-Китайским морем, закрывая острова Амами, известные своими огромными плантациями жемчужниц. Здесь их искусственно культивируют, получая первоклассный жемчуг.

Наконец Манила, столица государства, расположенного на многочисленных островах. Их здесь даже больше, чем в Японии. Единственный крупный морской порт и единственная железная дорога находятся на Лусоне — главном острове Филиппин. Железная дорога связывает Манилу с северным городом Сан-Фернандо и южным — Легаспи. Морской же порт связывает столицу со всеми странами мира, а выгодное географическое положение и одна из лучших естественных гаваней в мире сделали Манилу крупным развитым городом. Здесь есть и внутреннее море — Сулу, типично тропическое, с зарослями мангров, коралловыми рифами и коварными мелями.

В Маниле много китайских магазинчиков. Товарами филиппинцев снабжают в основном Япония, Китай, Америка. Цены на них высокие...

Цель моей поездки на Филиппины — ознакомление с подводным миром тропических вод. Место для съемок было выбрано удачно. Чу-

десная маленькая бухточка, справа от которой виднелись плантации сахарного тростника, а слева вплотную подступали заросли мангровых деревьев. В самой глубине бухты, на небольшом песчаном пляже, и была наша стоянка. На чистом коралловом песке не заметно никаких следов богатого и разнообразного подводного мира. Но уже в приливно-отливной зоне скалы сплошь усеяны устрицами и двустворчатыми моллюсками.

Надев маску, я поплыл вдоль берега. У меня перехватило дыхание при виде открывшегося зрелища. Расселины и камни, теряющиеся в бездонной синей глубине, поросли кораллами. Тучки мелкой рыбешки сновали между их веточек. Течение медленно шевелило мощные «опахала Венеры», среди которых резвились пестрые коралловые рыбки-бабочки. Проплыла и стайка изящных серебристых цезио.

Не спеша переплываю от одного куста коралла к другому, стараясь заглянуть в каждую щель. Вдали замечаю силуэт. Небольшая полутора метровая акула скользит вдоль рифового склона. А вот и вторая появилась со стороны открытого моря. Было как-то не по себе от этой встречи в незнакомом тропическом море. Но, к счастью, они не удостоили меня вниманием.

На следующий день я выбрал для съемок местечко Силон. Здесь скалы, нагроможденные друг на друга, обрывались прямо в океан.

Окончание. Начало см. в № 10.

Глубина подо мною была чудовищная, казалось, можно спускаться и спускаться до бесконечности. Отвесная скальная стена — сплошное коралловое поле. Сюда доходили волны океана, вызывая мощный прибой. И кораллы, деформированные им, были необычной формы. Преобладали мозговики с толстыми ветками, способными выдержать натиск прибо-
я.

Постепенно с глубиной краски блекли. Чудесные известковые кусты становились серыми и невзрачными. Но стоило лишь направить на них луч фонарика, как они вновь сверкали. В вечном мраке такие краски! У глубинных животных тоже броский наряд — в основном синего, красного и желтого цветов, что делает их незидимыми в глубине. Преобладает, конечно, синий цвет.

Проплывая мимо отвесной стены, я увидел интересную рыбу — шишколобого губана. Этот здоровяк килограммов на десять вылетел из соседней расселины и с силой боднул головой коралловый куст. Подхватив обломанную ветку, губан начал усердно перетирать ее своими внушительными зубами.

...Кораллы растут быстро — на 20—30 сантиметров в год. Через десять — двадцать лет они могли бы заполнить все тропические моря. И этого не случается лишь потому, что часть их губят некоторые обитатели подводного мира, а часть гибнет от неблагоприятных климатических условий. Часто то там, то тут можно было видеть иголки морского ежа, торчащие из глубины кораллового куста; на толстых ветках, в небольших углублениях, — каких-то моллюсков.

Некоторые виды коралла высоко ценятся за окраску. Таков, например, красный, или благородный, коралл, идущий на ювелирные украшения. Еще более редкий и дорогой — черный коралл, почитаемый мусульманами как священный.

Однажды поздним вечером я бродил по отливу на песчаном пляже в одном из диких уголков Лусона. Мое внимание привлекли какие-то существа, быстро выползавшие на песок. Подошел поближе — и окаменел! Живые мечехвосты! Удивленно взирал я на них в витринах музеев, а встретиться с живыми даже и не мечтал. Это единственный сохранившийся представитель группы водных хелицерных. Их насчитывается всего пять видов. Отряд этот примитивный. Тело выпролзшего мечехвоста достигало полуметра в длину и состояло почти из одних жестких щитов. Массивная головогрудь сочленялась с слитным брюшком, переходящим в длинную острую и подвижную иглу. Глаза у мечехвоста простые срединные и более сложные боковые, состоящие из множества глазков. Мне хоте-

лось рассмотреть его поближе. Пока раздумывал, услышал, как издали скрипит мокрый песок. Небольшой ксифозура выполз из моря и шествовал вдоль прибойной полосы. Когда я его перевернул, он ментально свернулся клубочком и замахал из стороны в сторону хвостовой иглой. Попытки развернуть его силой не привели к успеху. Этот набор кухонных досок сжимался все сильнее, пряча свои 10 клещей под щитом. Мне хотелось посмотреть, как эти неуклюжие с виду создания передвигаются под водой. Уже смеркалось, а темнота тропической ночи наступала удивительно быстро. Я поспешил в воду.

Минут пять ничего, кроме песчаного дна и проглядывавшей вдали стенки коралловых нагромождений, не было видно. Но вот появилось черное быстродвигающееся пятно. Это был явно мечехвост. Животное опустилось на песчаное дно. Несколько секунд оно лежало неподвижно. Игла, и та не подергивалась. Затем мечехвост развернулся и поплыл на спине, быстро суча лапками и как-то странно подергивая телом.

Мечехвосты в основном хищники, питаются моллюсками. Обитают у берегов Центральной Америки, Юго-Восточной Азии, Малайских, Филиппинских, Японских островов. Я считал, что мечехвосты даже в местах своего обитания — огромная редкость и увидеть их — все равно что поймать динозавра. Но на Филиппинах мне рассказали, что мечехвостов здесь до того много, что их отлавливают и перерабатывают на удобрение. Мукой из этих «редкостей» удобряют поля сахарного тропиника.

Незадолго до конца поездки мне удалось побывать на юге страны, где находились подводные плантации устриц. Плантации эти мало чем отличались от наших. На берегу на корточках сидели почерневшие от загара люди — рабочие плантаций. Они вскрывали груды зеленоватых раковин. У берега покачивались суда, напоминавшие каюэ, с длинными мачтами.

Жемчуг был известен людям с древних времен в Китае, Индии и странах Востока. Само слово «жемчуг» монгольское. Монголы сами позаимствовали его у китайцев, произносивших это слово как «чженьчу».

Почему же не во всех раковинах находят жемчуг. Прежде всего в раковину моллюска должен попасть инородный предмет, например песчинка. Это будущее ядро жемчужины. Образуется жемчужный мешочек, клетки которого откладывают слои перламутра. Жемчужины бывают правильной шаровидной формы и жемчужины-блистер, приращенные к раковине.

Специалисты оценивают жемчуг по многим качествам. Но главное — игра цветов, их переливы. У дорогого жемчуга преобладают розовые и голубые тона. Высоко ценится жемчуг необычных зеленовато-синих, черных и ярко-красных оттенков.

Самая крупная жемчужина в мире — «Жемчужина Аллаха» была найдена в Южно-Китайском море около острова Палван при следующих трагических обстоятельствах. Сын местного шейха, ныряя на мелководье с друзьями, нашел огромную тридакту. Сказав об этом друзьям, он нырнул и долго не показывался на поверхности. Ставшие искать его товарищи нашли тело мальчика с рукой, зажатой тридактой. Он утонул, не сумев вытащить руку из плотно сомкнувшихся створок. Когда раковину вместе с телом мальчика вытащили на берег и вскрыли, то в ней увидели жемчужину величиной... с детскую голову.

Сейчас жемчуг выращивают искусственно, несколько лет инкубируя моллюсков в ярусных сетках, опущенных в море. Преуспевает в этом Япония. Она поставляет на мировой рынок до 9 грузовиков отборного жемчуга в год.

На слайде читатель и видит настоящую жемчужину, попавшую к нам в качестве подарка от филиппинских друзей.

Жемчуг на Филиппинах ловят испокон веков. И вот какую историю поведали мне ловцы. Когда солнце только родилось и взойшло над морем, его лучи упали в открытые створки раковин, и образовалось в каждой из них по жемчужине. Многие раковины лежали тогда на поверхности рифов и за ними не нужно было нырять. Но людей обуряла жадность. Задумали вожди племен собрать весь жемчуг на рифах, а собрав, стали вести кровопролитные войны. И с тех пор не стало жемчужниц на рифах. Теперь за ними нужно глубоко нырять, и стерегут их акулы...

Вскоре я простился с гостеприимными островами.

Белоснежный коралл в музее «Уральского следопыта» напоминает теперь об этой поездке. Напоминает серебристый океан, вместе с ним же отраженного солнца.

Город и волны.

Это — корабельная рында.

Знаменитая акуля пасть

Видение силурийского периода:
живой мечехвост!

Атака на якорную цепь

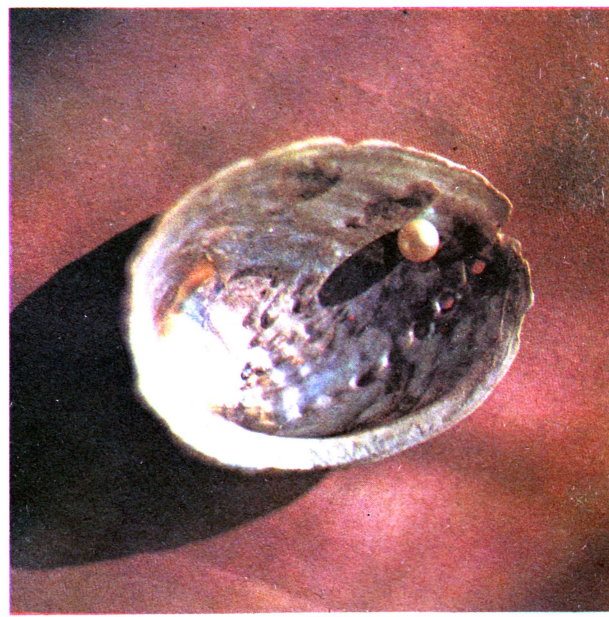

Полет морской черепахи.

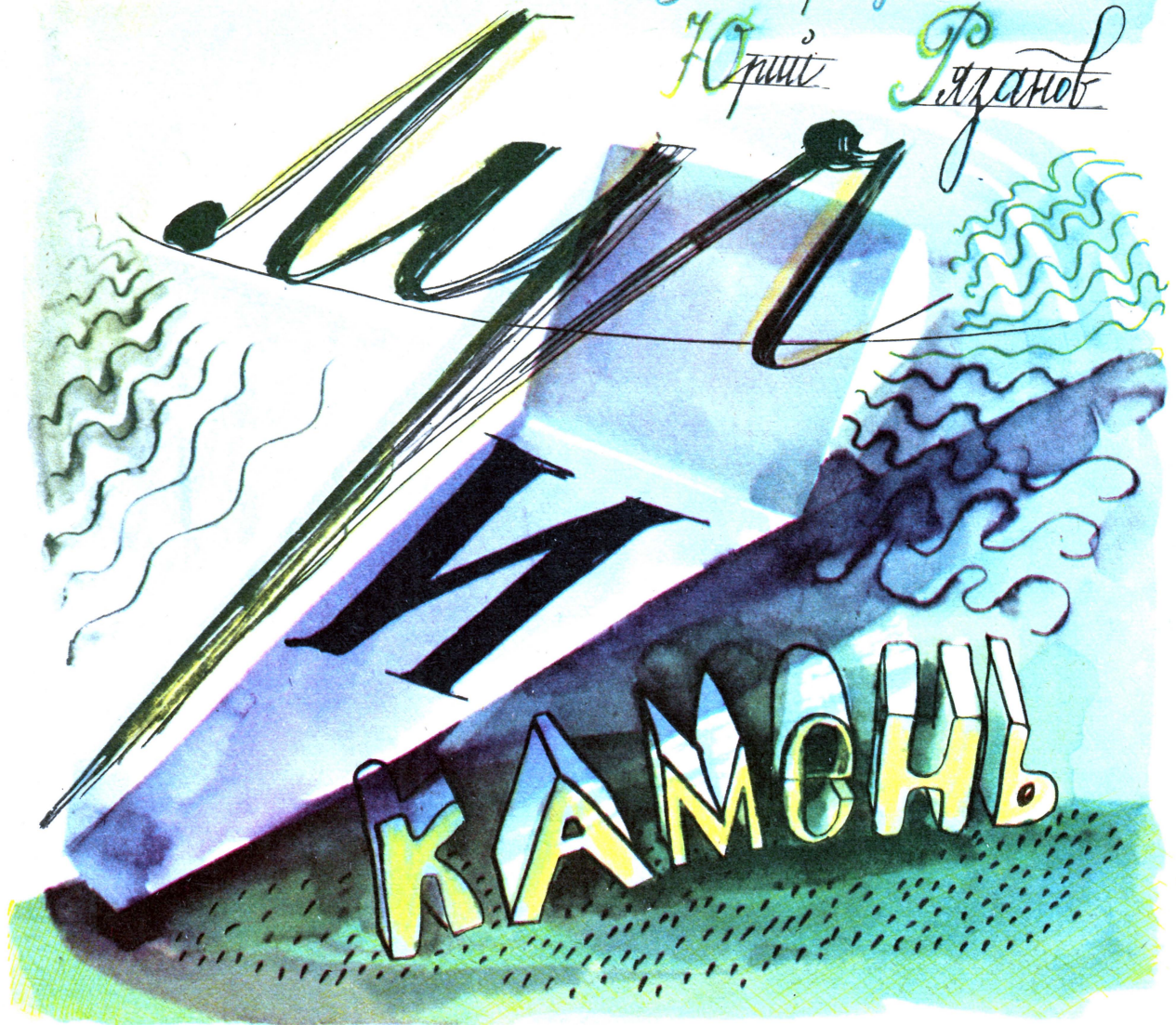

Как жар, горят доспехи аквалангиста.

Жемчужинка — слезинка моря.

Зильмира Феоктистова
Юрий Язганов

ЛЮБЫЕ ДЕТАЛИ ДЛЯ ЛЮБОГО СТАНКА
ОБРАБАТЫВАЮТСЯ ТОЖЕ НА СТАНКАХ.
И ДЕФЕКТЫ СТАНКА, ВОЗЬМЕМ ХОТЯ БЫ
ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ПРЯМОЛИНЕЙНОСТИ
И ПЛОСКОСТНОСТИ СТАНИН,
ПЕРЕДАЮТСЯ ИЗДЕЛИЮ...
КОНЕЧНО, СУЩЕСТВУЮТ ПРИБОРЫ,
КОНТРОЛИРУЮЩИЕ И ПРЯМОЛИНЕЙНОСТЬ,
И ПЛОСКОСТНОСТЬ ПОВЕРХНОСТИ
ТЕХ ЖЕ СТАНИН СТАНКА
КАК ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ ИХ,
ТАК И В ПРОЦЕССЕ ИХ ЭКСПЛУАТАЦИИ.
А ЧЕМ ПРОВЕРЯЮТСЯ ПРИБОРЫ!
ЧТО ЗА ВОПРОС — ПРИБОРАМИ ЖЕ,
НО БОЛЕЕ ВЫСОКОЙ ТОЧНОСТИ.
А ЭТИ ПРИБОРЫ ЧЕМ! ТОЖЕ ПРИБОРАМИ.
НО ДОЛЖЕН ЖЕ БЫТЬ САМЫЙ ТОЧНЫЙ!
О НЕМ-ТО И НАШ РАССКАЗ.

В Свердловске находится филиал Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии имени Д. И. Менделеева. Сюда пришло известие из Москвы. Государственный комитет СССР по стандартам — высшая инстанция — утвердил новый Государственный эталон, созданный группой свердловских ученых.

Следует отметить — эталоны создают не часто. В нашей стране их зарегистрировано до начала 1981 года всего 128. Они обеспечивают воспроизведение и хранение единиц физических величин, а также передачу их размера другим средствам измерений. Известны эталоны мер длины, веса, массы, времени и другие. Новый эталон, названный авторами «Трасса-5», именуется Государственным специальным эталоном единицы длины в области измерений отклонений от прямолинейности и плоскостности. Как он создавался?

Это был трудный путь длиной в пять лет. А началось вот с чего. На одном из крупных совещаний, проходивших в Свердловске, присутствовали ученые метрологического института. Заводские специалисты тогда посетовали, что для рабочих средств измерения прямолинейности и плоскостности выпускаемых изделий существуют образцовые приборы, которыми можно поверить их точность, а вот сами образцовые приборы уже неповеряемы.

За дело взялись сотрудницы лаборатории геометрических величин кандидат технических наук Л. Л. Медянцева и В. В. Горбачева. Они столкнулись буквально с хаосом. Около сотни тысяч единиц средств измерений, применявшихся в стране, приборы многих типов и уровней точности использовались зачастую без достаточных научных обоснований. Нужна была Государственная поверочная схема. Но прежде чем приступить к ее составлению, Лидии Леонидовне и Валентине Вениаминовне пришлось в своей лаборатории изучить один за другим приборы всех типов, и отечественного производства, и зарубежные. Это была многолетняя работа. Оказалось, что целый ряд неточных приборов оставался неповеряемым. Но необходимость создания эталона сначала открылась только

ученым лаборатории, занимавшимся составлением Государственной поверочной схемы. Именно в это время, к середине семидесятых годов, значительно возросла потребность в повышении точности приборов, измеряющих прямолинейность и плоскостность поверхности. Однако, как всякое новое дело, идея создания специального эталона нашла и преданных приверженцев и неутомимых противников. «Эталонщикам» предстояла упорнейшая, изо дня в день, работа, нужны были средства, материалы, поддержка сверху.

Не ошибемся, отметив ведущую роль в творческом поиске кандидата физико-математических наук заведующего отделом метрологии динамической механики В. В. Леонова. Он раскрыл себя многосторонне: и как специалист по прикладной математике, и как отличный организатор.

До сих пор неразгаданным выглядит совместное изобретение В. В. Леоновым и конструктором (он занимает теперь пост начальника отдела СКБ) Л. Л. Зейгманом прибора, с помощью которого, условно говоря, удалось «выпрямить» луч лазера. Уровень точности будущего эталона зависел от прямизны лазерного луча. Но этот луч имеет свойство расходиться веерообразно в воздушной среде. Чтобы «выпрямить» его, Леонову и Зейгману пришлось крепко подумать. Изобретенная ими система автоматически возвращает отклоненный луч в светоприемник. Как это ни покажется странным, они изобрели прибор благодаря своим «разным» специальностям: у Леонова — физика, у Зейгмана — радиотехника. Эталонная группа вообще состояла из метрологов, получивших в свое время различные специальности. Например, у Л. Л. Медянцевой — астрономия, у В. В. Горбачевой — физика. Всю сложную электронную аппаратуру смонтировал инженер отдела, проведший и отладку схемы, способный специалист-практик Борис Анатольевич Худяков. Разработкой конструкторской документации на эталон занималась группа во главе с главным конструктором проекта Юрием Алексеевичем Юрченко. Основным исполнителем разработки был ведущий конструктор Юрий Ми-

хайлович Мартинович. Вот такой был коллектив.

Как известно, ни в каком другом эталоне (кроме лазерного) свет квантового генератора не применяется. Относительно же «выпрямленного» луча, как бы струной туго натянутого над твердокаменным мостом, и проверяется, сравнивается прямолинейность и плоскостность эталонной поверхности.

Твердокаменным мостом назван гранитный брус длиной пять метров и весом четыре тонны, по форме — параллелепипед. Непросто было втащить его в полуподвал, водрузить на основание, не соприкасающееся с фундаментом здания и бетонным полом: обособленность твердокаменного моста гарантирует точность измерений.

Профиль поверхности гранитного бруса измеряется так: по ней движется каретка, которая как бы скользит по лучу лазера. Она считывает малейшие неровности полированной плоскости. Сведения об этом в итоге попадают в ЭВМ, которая и выдает информацию.

Итак: с Государственным эталоном сличают эталоны рабочие, а с рабочим эталоном — менее точные измерительные приборы. И уж они поверяются по степени убывания точности — вплоть до рабочих линеек, плит...

Ни в одной стране мира нет эталона с такими высокими метрологическими характеристиками, какой создан в Свердловске. Но сам по себе Государственный эталон не принесет ощутимой пользы, даже если его использовать круглосуточно, ведь сейчас в стране насчитывается несколько сот тысяч приборов, требующих регулярной проверки. Да и эталон очень быстро изнашивается, теряет самое ценное свое качество — высокую точность. Для передачи этой точности от эталона рабочим средствам измерений составлена Государственная поверочная схема. Эталон содержит такой «запас» точности, что удовлетворит растущие потребности народного хозяйства в этом виде измерений в течение ближайших 10—15 лет.

ЦАРИЦЫН

Кир **БУЛЫЧЕВ**

Дед порылся в бумагах, окинул строгим взглядом притихшую аудиторию и сказал:

— Начнем тем не менее с фольклора.

— Начнем,— сказал Андрюша и вытащил фотокамеру. Вид деда, лорнирующего фольклорную экспедицию, был экзотичен.

Окончание. Начало см. в № 10.

— Выдержку побольше сделай,— сказал дед строго.— Тут света маловато. А начнем с чистой сказки. Как звучала она в народе и как ее записал от моей бабушки Пелагеи случайный человек приват-доцент Миллер, добравшийся до наших мест из любознательности, свойственной положительному российскому немцу.

Дед извлек фотокопию журнальной страницы.

— Напечатано в журнале «Любитель Российской старины», номер шесть, декабрь 1887 года, на этом номере журнал прекратил свое существование. Найден мною в библиотеке Пермского института культуры. «Быль то или небылица» — так моя бабушка начала свой рассказ, типичный запов в наших краях.

— Типичный,— согласилась Элла.— Вы совершенно правы.

— «Быль то или небылица, летела птица, несла ялицы». Последнее слово отношу на совесть Миллера, бабушка моя никогда так не рифмовала,— сказал дед.

— Это невозможно,— снова согласилась Элла.— Сказительницы всегда берегли русский язык.

— Будем думать, что бабушка здесь обошлась без рифмы,— сказал дед.— Суть в следующем. Вначале идет обычный текст об Иване-дураке, который намерен отыскать лекарство для царевны. Встречает Иван старца. Теперь слушайте текстуально. «И сказал ему старец: за лесами, за морями, за высокими горами есть в лесу ключ, а вода в нем живая. Если дашь мертвецу испить, встанет мертвец, коли дашь больному испить, исцелится больной, коли дашь калеке испить, плясать пойдет».

— Так и написано?

— Повторяю, в записи немца Миллера. Продолжаю: «И сказал тогда Иван-дурак: пошли, царь-батюшка, за живой водой, вылечим мы твою царевну. Сильно разгневался царь-батюшка. Как, говорит, смеешь ты, крестьянский сын, мне указания делать? Возьми, говорит, роту солдат и следуй к ключу, найди его, принеси воды и вылечи царевну. Вылечишь, будет тебе царевна в жены и еще полцарства в придачу».

Дед отложил листок, пролорнировал фольклористов и спросил:

дом уме и памяти. Я тогда, конечно, про Миллера не знал, но мне-то бабушка говорила, что ключ живой воды находился в лесу за нашей деревней. Понимаешь, за нашей! Точ-на!

— А он там есть? — спросил Андрюша.— Или бродячий, как мельница?

— Вот это я и решил проверить. Тем более что с водой в нашей деревне неладно.

— В каком смысле? — спросила Элла Степановна, инстинктивно отстраняя чашку с чаем, чего никто, кроме Андрюши, не заметил.

— А в том смысле, что она у нас особенная. Чистая, добрая.

— Волосы отмываются, как в шампуне,— сказал Коля.

— Не в этом дело! От нашей воды здоровье улучшается, силы прибывают. Лучше боржоми.

— Ну уж, скажешь,— возразила Глафира.— Патриот он у нас, даже писал в Кисловодск, чтобы прислали специалиста.

— И пришлют,— сказал дед.— Спихватятся, пришлют.

— Нет смысла,— сказал Андрюша.— Сюда добираться трудно. Кто поедет? Моря нет, пейзажей мало.

— А вот и дурак,— сказал дед убежденно.— Потому что, оказывается, раньше люди были поумнее, чем ты, студент. Что имел в виду народный эпос под видом Ивана-дурака и его роты солдат? Нет ли здесь исторического объяснения!

— Правильно,— сказал Андрюша.— Пушка на площади, верстовой столб, фамилия Полуехтовы.

Дед повертел стопку бумаг, подвинув к себе некоторые, не спеша проглядел, хотя, видно, знал их наизусть.

— В середине восемнадцатого века царствовала на престоле злая баба, царица Анна Иоанновна, слышали о такой?

Элла кивнула.

— И под конец своего царствования занемогла она от дурости и невероятного обжорства. И каким-то неясным пока для нас путем узнала, что есть на Урале целебный источник. Полагаю, слух шел от промышленников, что за мягкой рухлядью сюда ходили. Ведь цари — они

КЛЮЧ

Повесть

Рисунки Е. Стерлиговой

— А часто ли Ивану-дураку придают роту солдат?

— Ну, это совершенно нетипично,— сказала Элла Степановна.— Герой в сказке всегда действует один.

— Вот видишь,— сказал дед Артем.— Я тоже так рассудил. А ведь должен тебе сказать, что историю эту я слышал от бабушки, хоть и после того, как немец Миллер здесь побывал, но еще когда бабушка была в твер-

как обыкновенные люди: заболеют, всему готовы поверить. Царица велела обязательно этот источник найти и сделать здесь курорт для своего величества.— Дед достал большой ветхий лист, свернутый в трубку, развернул.— «Мы, божьей милостью, Анна Иоанновна,— прочел он.— Без лупы не поймешь, я два месяца сидел, пока понял... Посылаем нашего войска секунд-майора Ивана

Полуехтова...» А дальше уж совсем ничего не разобрать. И знаете, где я эту бумагу нашел?

Дед сделал паузу, подождал, пока все откачают отряцательно головами, сказал тихо и торжественно:

— В сундуке моей бабушки. Ясно? Это оригинал. Может, где в архивах есть копия, но это — оригинал. И из него ясно, что царица послала в наши края одного секунд-майора. Тут уже сказка — не сказка, ничего не поделаешь. А вот, глядите, я из журнала «Русский архив» перелился. «Об одной забытой экспедиции XVIII века». Пишет некто Федоров-Гаврилов. Цель, сообщает он, экспедиции, которая в большой тайне была направлена из Петербурга на восток в декабре 1738 года, так и осталась невыясненной. Известно, что во главе стоял секунд-майор Полуехтов, отличившийся в Крымском походе с фельдмаршалом Минихом, — здесь все прописано как и что. И полагал Федоров-Гаврилов, что экспедиция была направлена для достижения берега Ледовитого океана или за золотом, и рассуждает на эту тему и говорит, что экспедиция так и не вернулась.

— Вот это здорово! — не удержался Андрюша. — А они, значит, сюда добрались!

— Больше того, без дорог, по тропе, они и пушку сюда дотащили, на одной армейской дисциплине. Дом построили, пушку поставили...

— Значит, они нашли источник? — спросила Элла.

— Полагаю, нашли наш ручей, — сказал дед. — Вода в нем хорошая.

— Хорошая, — сказала Глафира. — Но обыкновенная.

— А царице все хуже, — продолжал дед. — И спрашивает она своих биронов и остерманов: как там дела с моим срочным исцелением? А они отвечают — не имеем сведений, кроме как знаем, что добрался Полуехтов и дорогу кладет. А вода какая? — спрашивает царица. А про воду не можем знать, отвечают бироны. А ну-ка срочно узнать! — велит царица. Самого-то главного не выяснили! Засуетились здесь бироны и послали срочно лейб-медика Блюменквиста, чтобы проверил марциальные воды. И приехал сюда лейб-медик Блюменквист, который уж давно лечил царицу, да безуспешно. Я нашел его отчет о том, как он воду пробовал. Отчет по-немецки, но мне его добрые люди в Ленинграде перевели. Там заодно я и стереосистему купил, для прослушивания джаза... Так этот лейб-медик вот что сообщил: «По прибытии на место я обнаружил, что климат здесь дождлив и негоден для дыхания высших персон, а вода, кроме чистоты, иных достоинств не имеет».

— Что же он так категорически? — спросила Элла.

— Интриги, — ответил дед. — Зачитываю отрывок из личного дневника канцлера Остермана: «Помимо прочего отъезд императрицы из Санкт-Петербурга крайне нежелателен, ибо может привести к возмущению гвардии, особенно ежели императрица скончается или сугубо занеможет в трудном пути. Имел беседу с прибывшим с Урала лейб-медиком Блюменквистом, доклад которого о посещении марциальных вод должен быть благоприятен для наших планов и судеб России». Ясно?

— Ясно, — сказал Андрюша. — А дальше что было?

— Здесь и начинается самое интересное. Майору велели строительство курорта пресечь и вернуться до-

мой. А секунд-майор не отозвался. Слушайте, как сказка кончается. И говорит тут Иван-дурак: хоть казни меня, царь, хоть милуй, только обратно в стольный город мне пути нету. Будем мы с царевной здесь проживать и детей наживать. Избушку срубим, огород разобьем. Пошумел царь, позлился, да что делать — слово держать надо. Отдал он царевну Ивану. И остались они в лесу, избушку построили, детей народили, так наша деревня и на свет родилась. И до сих пор они живут, куда им помирать, живая вода рядом, хоть ведром черпай.

— То есть он остался здесь жить? — спросила Элла.

— Дорогая начальница, — сказал Андрюша. — Ясное дело, секунд-майор живет здесь до сих пор, только на одной воде не растолстеешь — вот и превратился в привидение.

— А в самом деле? — спросила Элла, проникшись доверием к детективному таланту старика.

— Точна! — старик торжествовал. — Имеем в деле документ номер девяносто три. Датированный восьмым сентября от Рождества Христова лета тысяча семьсот сорок второго! — Он потряс в воздухе исписанным листом. — Это последний штрих в моем научном поиске! Донесение сибирского губернатора о розыске пропавшего без вести секунд-майора Полуехтова с командой. Точна.

— Не томи гостей, — сказала Глафира. — Мы все знаем, что поговорить ты мастер.

— Все путем, — сказал дед. — Подготовка нужна... Оказывается, велели губернатору отыскать Полуехтова и вернуть в столицу. Да еще вернуть с кассой. Почему так произошло? А вы на дату поглядите. Прошло-то два года, пока спохватились. Представьте себе — Анна померла, Остерман из фаворы выпал, пришла к власти молодая царица Елизавета, которую собственное здоровье пока не беспокоило. И забыли в суматохе о нашем секунд-майоре. А он живет. Инструкций не имеет, ждет. И не знает, что живая вода объявлена обыкновенной.

— Моя бабушка, — вмешалась Глафира, — полагала, что приказ возвращаться был, только Иван его разорвал.

— Заваруха была, понимаешь, заваруха! — сказал дед. — Может, никому и дела не было до Полуехтова! А сам он на Елене женился.

— На ком? — спросила Элла Степановна.

— А вы в кружевную артель загляните, там два портрета висят. Один портрет — секунд-майора, а второй — Елены, ясно?

— Так она же возлюбленная Вени! — догадался Андрюша. — Точная копия Ангелины!

— Ничего удивительного, — сказал дед. — От ихней любви каждый второй в нашей деревне произошел.

— Кто она была? — спросила Элла.

— Местная, полагаю, — сказал дед Артем. — И в зимке люди жили, и из Согвинска мужики приехали, дорогу строили, дом для царицы. Я так полагаю, что и некоторые солдаты семьями обзавелись.

— Они очень друг друга любили, — сказала Глафира. — Про это у нас в деревне даже песни поют. И детей у них трое родилось. Петя, Константин и Елизавета.

— Но! — дед сделал паузу. — Такой союз неизбежно должен был обернуться трагедией. Это точ-на! Почему? Из-за зверских социальных условий, которые царили в те времена. Кем был секунд-майор? Он был дворянин. А Елена? Крестьянская дочь, низшее сословие. Нельзя было им обвенчаться. И предполагаю я, что жили они здесь в счастье, но в тревоге, что это счастье кончится.

— Чего предполагать, все знают, — сказала Глафира. — Про это песни сложены. И дети их были незаконные, и разлука их ждала...

— Неминуемая, — подхватил дед. — Не исключено, что у секунд-майора и другая семья была... Так вот, из отчета губернатора следует, что он получил в сорок втором году предписание отыскать секунд-майора с командой, вернуть его, а если он случаем преставился...

— То есть помер, — пояснил Коля.

— Тогда... Коля, не перебивай, уши оторву... тогда доставить в Петербург кассу, тринадцать тысяч рублей золотом и серебром, выделенные секунд-майору на приготовления к царьциному приезду.

— Так много? — удивилась Элла.

— Еще бы. Дорогу построить, дом, удобства... Ладно, что губернатор делает? Как и все губернаторы — отдает приказания. Шлет запрос из Тобольска в Екатеринбург, оттуда едет человек в Нижнесотвинск. Что за майор у вас, что за касса? Почему ничего не знаю? Губернатор-то новый был, а Ручьи от Тобольска ой как далеко! Из Нижнесотвинска ему сообщают — есть такой секунд-майор, живет с крестьянской девкой в деревне, детей прижил, хулиган с точки зрения дворянской морали, а деньги, наверно, все растратил.

— А он не растратил, — сказал Коля. — Он их в пещере спрятал.

— Что за чепуха! — возмутился дед. — Секунд-майор на них дом построил, дорогу проложил, четыре года солдат содержал — откуда деньгам быть? Не смей клеветать на своего предка!

— Он их спрятал, это все знают, только найти нельзя. Их привидение охраняет.

— Мне тоже говорили, — сказала Глафира.

— Глафира, окстись! — дед кипел негодованием. — Не уподобляйся корыстному и наивному Василию!

— А ваша теория? — спросила Элла.

— Не теория, а уверенность. Эти деньги в Нижнесотвинске подрядчики растащили. Майор-то человек военный, прямой, в тонкостях финансовых совершенно не разбирался. Но кто ему поверит, если даже вы, можно сказать, родные люди, не доверяете!

— Дальше, дальше! — воскликнула Элла.

— Все по порядку. Шлет тогда губернатор майору приказ — прибыть немедленно для отчета с кассой и солдатами. А майор не отвечает. Тогда губернатор направляет в Ручьи военную команду с поручиком во главе. Как узнал секунд-майор о приближении команды...

— Об этом песни сложены, — сообщила Глафира и вдруг запела со слезой, с чувством:

И собирается ясный сокол во лесную чащу,

И молвит ясный сокол молодой жене...

— Да не плачь, молодая жена, да не лей понапрас-

ну слез! — подхватил дед. И тут же оборвал себя, заговорил строго, деловито, прозой: — Воинская команда секунд-майора в деревне не застала. Ушел он в лес и не вернулся. Сгинул.

— Может, убежал? — предположил Андрияша.

— Нет, погиб он, это точ-на. Ворон Гришка прилетел, у Елены дома жил. Ворона этого он птенцом подобрал, выходил, всему научил, ну словно собака Гришка у него был. Никогда с ним не расставался... Солдат появлялись, в колодки забивали, деньги искали, всю землю перерыли. Губернатор отчет послал в Петербург — нет майора и нет кассы.

— Он к своему кладу пошел, — сказал Коля. — Его в пещере задавило. Вот он теперь и ходит привидением. Место знает, да не хочет показывать.

— Есть такое суеверие, — сказал дед. — Верят некоторые в привидение секунд-майора.

— А вы? — спросил Андрияша.

— Я тоже верю, почему не верить? Может, электрическое объяснение есть?.. Вот и сказка вся, — заключил дед Артем.

— Не вся. Сказка так кончается, что Елена, майорова жена, — заговорила нараспев Глафира, — выплакала все очи, его дожидаясь, а потом пошла через горы и реки, через лес и дубраву. И увидела она, неживой лежит, неживой лежит возле озера...

— Неживой лежит, от тоски иссох, — подхватил, не удержавшись на почве исторических фактов дед.

— От тоски иссох, без любви погиб, — запел Коля.

— И пошла она к ключу Царицыну. Как к тому ключу за живой водой... — пели Полуехтовы хором.

Дед прервал пение взмахом руки — как отрубил.

— В общем считается, что она его оживила и они стали жить в лесу. А это чепуха. Елена Полуехтова и все ее потомство благополучно проживали в деревне Ручьи в последующие годы, о чем есть церковные записи в храме села Красное.

— Жалко, если клада нет, — сказал Андрияша. — А Василий знает об этой легенде?

— Все знают, еще говорить не научатся, а уже знают. У нас бабки вместо сказок эту историю рассказывают.

— И вы думаете, что он для этого Гришку ловил?

— Уверен, — сказал дед Артем. — Только Гришка тайну не открывает.

— Какая наивность! — сказала Элла. — Вороны неразумны. Птица не может хранить тайн.

— Куда ей, птице, — неискренне согласился дед.

— И вообще мне Василий последнее время не нравится, — сказала Глафира. — Замкнутый стал, в городе пропадает...

— Василий только проводник чужих идей, — сказал дед Артем.

— Чьих? — спросила Глафира.

— Вот разберусь, скажу.

— С чем разберётесь, простите? — раздался голос от двери.

— Вечер добрый, — сказала Глафира, узнав Эдуарда Ивановича, остановившегося на пороге. — Заходи, чаю попьешь.

Андрюша проснулся от пушечного выстрела.

Вениамин тоже вскочил, сонно захлопал глазами. Некоторое время его лицо продолжало хранить испуганное выражение, но вдруг внутренний свет озарил его, и улыбка расплзлась по впалым щекам. Со двора донеслось звяканье ведра. Вениамин метнулся к окошку и прилип к нему.

— Она прошла с ведром в руках? — спросил Андрюша с некоторой завистью, потому что просто влюбленный смешон, а влюбленный, который пользуется взаимностью, почти не смешон.

— Доброе утро, — прошептал Вениамин в окно так громко, что, наверно, было слышно на площади.

— Доброе утро, Веня, — слышался в ответ девичий голос.

— Мы с нею будем к сочинению готовиться, — сообщил Веня.

— Элла тебе голову оторвет, если ты совсем забудешь о работе, — возразил Андрюша. — И будет права. Впрочем я тебе завидую. Хорошей белой завистью.

— Нет, — почему-то не согласился Веня. — Хорошей белой зависти не бывает. Зависть — это желание получить то, что есть у другого, но отсутствует у тебя. Поэтому зависть — чувство отрицательное.

— Не претендую я на твою Ангелину, — сказал Андрюша. — Я твой верный друг и пособник. Если надо.

— Спасибо, — прочувствованно ответил Веня.

Он никак не мог справиться со шнурками от ботинок. Андрюша с сочувствием наблюдал за его действиями. Бабочка-капустница с крыльями в ладонь влетела в окошко, и Андрюша сказал задумчиво:

— В детстве я отдал бы все сокровища за такой экземпляр.

— Ага, — сказал Вениамин, — бабочка.

— Тебе не кажется, что здесь все преувеличенное?

— Конечно, — сказал Веня. — А у нее на щеке родинка.

— Все ясно, — сказал Андрюша. — Иди, только не забудь поменять местами ботинки. Ты перепутал ноги. Будет жать.

— Чего же ты раньше молчал? — возмущился Вениамин. — А еще пособник!

Ковыляя в полунадетых ботинках, он выбежал в сени. Там загремел, налетев на какой-то тяжелый металлический предмет. Андрюша хотел пойти к нему на помощь, но в этот момент в окошко влетел комок бумаги. Андрюша развернул ее. «Андрей, — было написано там, — зайди ко мне. Быстро. Есть разговор. А.»

— Кто такой «А»? — спросил вслух Андрюша.

— Это дед Артем, — ответил детский голос.

На дворе под окном стояли Сеня и Семен, вымытые, бодрые, еще не успевшие перепачкаться.

Сеня с Семеном убежали. Ангелина вышла из сарая с подойником. У дверей ее ждал Вениамин. Он начал шарить по карманам, ища очки. Андрюша подхватил их со столика, выскочил на крыльцо и, подойдя сзади, надел на нос Вениамину. Тот ничего не сказал, только по-

правил очки, видно, решил, что так и надо, чтобы они сами надевались на нос. Андрюша окинул взглядом зеленый двор, крупных, гусиного размера кур, задумчиво глядевших на утреннюю встречу влюбленных, и тут его взгляд встретился с чужим глазом, вжавшимся в щель между досками забора. Кто-то подглядывал с улицы. Сеня? Семен?

Андрюша прошел к рукомоюнику, наклонился, и только тогда ему стало не по себе. Он понял почему. Глаз принадлежал взрослому человеку немалого роста. Андрюша выпрямился, обернулся. Ангелина и Вениамин все также глазели друг на друга, но глаз в щели пропал. И тут Андрюша увидел, как нечто большое и блестящее по крутой дуге летит в небо, сопровождаемое черным хвостом. Когда это большое уже подлетало к земле, он понял, что летит молочный бидон.

Бидон глухо бухнулся о землю, и вверх, разлетаясь, ударил черный фонтан спиртовой туши. Девушка и аспирант, стоявшие у крыльца, там, куда грохнулся бидон, превратились в черные сверкающие под утренним солнцем статуи, стоящие на блестящей подставке — на черной сверкающей траве.

— Василий! — закричал Андрюша, выскочил на улицу и увидел, что у ворот стоит грузовик, на котором сооружена грубая, но эффективная катапульта, а сам Василий уже лезет в кабину.

— Ну нет! — крикнул Андрюша. — Ты от меня не уйдешь!

Он побежал за грузовиком, который набирал скорость, бидоны с молоком в нем звякали и дребезжали. Из-за угла вышел медведь, с аппетитом уминая буханку белого хлеба, еле успел отскочить в сторону, замахнулся буханкой, но кидать не стал, пожалел хлеб.

Грузовик вильнул вокруг рожицы с пушкой, а медведь побежал туда, видно, решил выстрелить вдогонку.

— Ну, это уже переходит все возможные границы, — сказал Эдуард Иванов, возникший неподалеку. — Куда он помчался? Я полагаю, что пора поставить знаки ограничения скорости в нашей деревне. А вы, Андрюша, как думаете?

— Я думаю, что его пора в тюрьму посадить, — сказал Андрюша. — Пускай он только мне попадется!

— Что-нибудь произошло? — испугался Эдуард Иванов.

Андрюша ничего не ответил, повернул обратно к дому, Эдуард Иванов за ним. В калитке они остановились, Эдуард Иванов окинул взглядом ужасающую картину и сказал мрачно:

— Я заблуждался, выгораживая этого прохвоста.

18.

Андрюша поднялся на крыльцо, постучал. Его как будто ждали — дверь сразу отворилась. Дед Артем появился в проеме, борода закинута.

— Входи, заждался.

— Там Василий хулиганил, — сказал Андрюша. — Закинул катапульту бидон с тушью, Ангелину и Веню облил.

— Ревнует,— сказал дед.— Понятное чувство. Ангелина никакой склонности не высказывает.

Он распахнул дверь в горницу, и Андриюше по ушам грохнул голос Луи Армстронга. Большая стереосистема расплзлась по стенам, динамики дрожали от могучего голоса. На полированной крышке проигрывателя сидел, склонив голову, громадный ворон Гришка.

— Он тоже музыку обожает!— крикнул дед Артем.— Ты садись, садись.

— Может, потише сделать?— тоже крикнул Андриюша.

— Потише можно,— согласился старик и убавил звук. Ворон приоткрыл клюв, приглушенно каркнул.

— Недоволен,— сказал дед Артем.— Нервничает. Ему вчера всю нервную систему этот мерзавец расшатал. Кофе хочешь?

— Нет, спасибо,— сказал Андриюша, осматриваясь. Ящик с гайками, гвоздями, сопротивлениями и проводками на столе, покрытом вытертой плюшевой скатертью с тигриными мордами на углах, разобранная кровать, шатучая этажерка с книгами, обычные деревенские фотографии на стенах, обклеенных обоями в цветочек, большой поясной портрет Чарльза Дарвина между окон, гипсовый бюст певицы Эллы Фитцджеральд, стопки газет в углу, перевязанные веревками, сундук, окованный железными полосами, цветной телевизор...

— Я тебя позвал из-за твоей образованности,— сказал дед.— Мне моей не хватает. Языки изучаешь?

— Английский,— сказал Андриюша.— И древнеславянский.

— Вот! Английский нам и нужен.

Ворон расправил крылья, в комнате стало темнее, потряс ими, сложил снова и прикрыл глаза белыми пленками.

— Старый он,— сказал дед.— Трудно ему, да и забывает многое.

— Вы зачем привидением одевались?— спросил Андриюша.

— Я Васюку уже вторую неделю выслеживаю. Мне представляется, что в деревне у нас завелась шайка, чего раньше не было. Они на мельнице гнездо свили. А мельница ушла, и я ее искал, а Гришка мне помогал. Нашли, только Гришка, когда летел ко мне с сообщением, в сеть попался. Вот и пришлось мне бежать туда.

— А почему под видом секунд-майора?

Андриюша бросил взгляд на ноги старика, они были в сношенных валенках. А башмаки стояли у двери. Солнечный луч упал на позолоченную пряжку, отразился зайчиком на портрете Дарвина.

— Я рассудил, что в моем естественном виде шайка меня не испугается. Еще пришибить могут. А привидений они боятся... И правильно рассудил.

Дед подошел к сундуку, с трудом отвалил тяжелую крышку. Сундук был полон одежды— старик вываливал оттуда на пол женские длинные платья, кафтаны, сермяги, уходил все глубже в недра сундука, одежда становилась все старше модой и возрастом, высокие сапоги со шпорами ударились о пол, ворон вздрогнул, прыгнул с проигрывателя и клюнул шпору.

— Узнал... А где же камзол?— Дед хлопнул себя по лбу смуглой ладонью.— Маразм старческий! Ведь в другое место положил!— Он откинул одеяло, подушку. Под подушкой лежали зеленый камзол и треуголка. Дед натянул на голову старый капроновый чулок с прорезами для глаз, поверх надел треуголку.— Страшно?

— Я поверил, что привидение.

— Все было бы по-моему, если бы не настоящий секунд-майор.

— Вы второе привидение имеете в виду?

— Его самого,— сказал дед.— Пришлось отступить. Но я тебя чего позвал? Я тебя позвал, чтобы ты с Гришкой поговорил. Он по старости лет все больше на английском разговаривает. А может, и на немецком. Образованная птица, волнуется.

— Ну, он пока вообще не разговаривает,— сказал Андриюша.

— Он к тебе присматривается. Ты поговори с ним, поговори, что-то существенное он сказать хочет.

— Каррр!— сказал ворон.

— Это не по-английски,— сказал Андриюша.

— А мне в лес идти надо,— дед стащил с головы треуголку и чулок.— Там на мельнице ихние секреты. Я их разгадать должен.

— А если привидение?

— Оно днем не ходит, солнечного света не выносит. Так что поговори с Гришкой, может, поймешь.

— Галияэстомнисдивизаинпартистррррес!— вдруг заворчал ворон, широко открыв клюв, обнаружив белесую пасть размером с собачью.

— Видишь,— сказал дед, надевая камзол,— беседует.

— Это не английский. Вениамин, наверно, знает,— ответил Андриюша.— Он аспирант.

— Зови Вениамина, только скорей.— Камзол болтался на плечах деда, некоторых медных пуговиц не хватало.

— Как его позовешь? Он же сейчас моется. Он же черный.

— Вот незадача,— сказал дед.— А времени ни минуты. Мне бежать пора. Давай вот что сделаем. Я вас до дому провожу, точна! А сам в лес.

Они перешли улицу. Впереди шел дед в дождевике, из-под которого поблескивали пряжками башмаки, потом Андриюша. Над ними тяжело летел ворон, держа в клюве шпору, прихваченную в доме деда Артема.

19.

Андриюша с вороном нашли Вениамина в предбаннике. Он сидел черный, страшный, но веселый. За дверью мылась Ангелина, и он ждал своей очереди.

— Ты куда пропал?— спросил Веня Андриюшу, когда тот приоткрыл дверь.— Тут на нас нападение было.

— Я знаю,— сказал Андриюша.— Я за этим типом गयाлся.

В предбаннике было тепло, пар пробивался из-под двери.

— Мне не везет,— сказал Вениамин.— Я его на дуэль вызову.

— И не мечтай,— отозвался из-за двери голос Ангелины.— Без тебя справимся.

— А я все равно вызову.— Вениамин засмеялся, и зубы его показались ослепительно белыми на черном блестящем лице.— Ох, до чего кожу стягивает! Ты с воронем подружился?

Веня ничему не удивлялся и ничего не боялся. Его переродила любовь. Приди Андрюша с тигром, он бы и тигра принял как должное.

— Веня, ворон хочет сообщить нам нечто важное, но делает это на непонятном языке. Дед Артем просит твоей помощи.

— Говорите,— сказал Вениамин.— Я давно подозреваю.

Гришка надул грудь, положил на пол шпору и сказал оглушительно, в одно слово:

— Пераспераадасстрррра!

— Близко, близко! — закричал Вениамин.— Я слышал эти слова!

— Тем более,— сказал Андрюша.— Расшифруй, будь другом, может, мы наконец разгадаем эту проклятую тайну.

— Продолжайте,— сказал Вениамин, соскребая тушь с очков.

— Меакульпа,— тихо произнес ворон.

— Что?

— Омниапреклаарррррррррррра!

— Ага,— согласился Вениамин.— Я с тобой совершенно согласен. Геля, ты слышала, что он о тебе говорит?

— Почему обо мне? — спросила из-за двери Ангелина.— Он кричит на тарабарском языке.

— Нет,— сказал Вениамин.— Он говорит, что все прекрасное — редко. И что касается тебя, я убежден.

— Погоди,— сказал Андрюша.— Время не ждет. Что тебе сказал ворон, и почему ты это понял?

— Он говорит по-латыни. Странно, что ты не догадался.

— Эгзегимонументэрррреперрррениус! — завопил ворон, найдя благодарного слушателя.

Властным движением руки Вениамин остановил ворона и продолжал с выражением:

— Регаликве ситу пирамидальциус, нон кво имбер индекс, нонаквили потенс!

Ворон склонил голову и сказал:

— Славно, славно! Вижу родственную душу.

— Ты о чем с ним разговаривал? — спросил Андрюша.

— Я памятник себе воздвиг нерукотворный,— ответил Вениамин.— К нему не зарастет народная тропа, понимаешь?

— Это что, из Пушкина?

— Нет, первоисточник. Ворон читает Горация в подлиннике.

— Жаль,— сказал Андрюша.— А мы с дедом думаем, что он раскрывает тайну секунд-майора.

— Я этого не вынесу,— сказала заспанная Элла, возникая в дверях.— Почему никого нет дома?

— Простите,— сказал Вениамин, и Элла узнала его не сразу.

— Опять? — узнав, возмутилась она.— Сколько можно совершать необдуманные поступки?

— Ничего подобного,— сказал Вениамин.— Это было покушение.

— Он прав,— сказал Андрюша.— Покусители скрылись. Но прохожие узнали, что это был известный гангстер Василий Полуехтов.

— Он опять приходил? — спросила Элла.— И зачем?

— Ревнивец,— сказал Андрюша.— Мститель из-за угла. Экстремист.

20.

— Надежды не оправдались,— говорил Андрюша, собирая сумку.— Деда придется разочаровать. Ничего ворон не знает, кроме латыни.

— Ты куда так спешно собираешься? — спросила Элла.— Сегодня мы работаем, и твой магнитофон нужен.

— Я отработаю потом,— сказал Андрюша.— Возникла возможность вскрыть гнездо местных гангстеров. Я не могу упустить такую возможность. Песни подождут.

— Ох, Андрюша, если бы я была твоей матерью... Ворон слетел на край стола, поглядел на Эллу и сказал:

— Кррррасавица.

— Ну что вы,— ответила машинально Элла и смутилась, что на равных разговаривает со старым вороном. А Гришка подхватил с пола шпору, с достоинством взлетел на подоконник и исчез.

За окном послышался скорбный рев. Ангелина кинулась к двери. За нею, естественно, Вениамин и Андрюша.

— Что-то случилось с дедом Артемом! — закричал Андрюша.

Медведь Мишка стоял возле ворот, покачивая когтистыми лапами, и изображал всем своим видом скорбь и волнение. Он узнал Андрюшу, попятился, будто не ожидал увидеть здесь своего врага.

— Дед Артем в лесу? — спросил Андрюша.— С ним плохо?

Медведь подумал, доверять ли студенту, потом опустился на передние лапы и трусцой, покачивая толстым задом, побежал к околице. За ним бросились Ангелина, Андрюша и, конечно, Вениамин. Следом припустились оказавшиеся поблизости Сеня и Семен.

Бежать пришлось долго. Медведь не понимал, что люди бегают куда медленней, и умерил прыть, лишь когда Веня, совсем запыхавшись, остановился на миг, привалившись спиной к сосне, а ворон Гришка, сделав круг над людьми, крикнул что-то неразборчиво по-латыни.

Выбрались на лесную дорогу. По ней бежать было чуть легче, только крапива стегала по рукам и ногам. Веня преисполнился жалостью к Ангелине, которая подпрыгивала, когда крапива стрекала ее по краям, и крикнул, задыхаясь:

— Давай я понесу тебя!

Но Ангелина не отозвалась, лишь Андрюша засмеялся на бегу.

Дорога пересекала низину, до мельницы оставалось бежать еще минут пять, но бежать не пришлось — они встретили деда Артема раньше. И не одного.

Через прогалину, путаясь в высокой траве, мешая друг дружке, медведица и два медвежонка, семья Михаила, толкали большую бочку, ревели, стонали, изображали волнение и беспокойство.

При виде людей медведи отпустили бочку, она медленно покатила назад, и из нее послышался тихий стон.

Андрюша первым соскочил с тропы, догнал бочку, остановил:

— Есть кто живой?

— Я живой, — отозвался из бочки голос. — Это точ-на.

Бочка была заколочена — и никакого инструмента под рукой! Андрюша отломил сук, постарался поддеть им крышку, сук обломился. Остальные стояли вокруг, сочувствовали, но помочь не могли.

— Как вас угораздило? — спросил Андрюша.

— И не говори, — отвечал дед. — Ты скоро там? Задохнусь, ей-богу, задохнусь.

— Может, его до деревни докатить? — спросил Сеня. — Если вместе с медведями навалимся...

— С ума сошел! — сказал голос старика из бочки. — Еще двести метров, и от меня только фарш останется. Ты что думаешь, медведи гладко бочки катают?

Медведи взревели, обиделись за неблагодарность.

— Нет, это безнадежно, — сказал Андрюша в отчаянии, когда сломал второй сук. — Придется вам, ребята, до деревни бежать.

— Не дотерплю, помру, — сообщил дед из бочки. — Возраст у меня не тот.

В этот момент с высоты грозно каркнул ворон, нечто золотое пронеслось перед носом Андрюши и упало в траву. У ног его лежала шпора — идеальное орудие для откупоривания бочек.

Когда доски, одна за другой, со скрипом отлетели, из бочки, провонявшей тоскливым гнилым рыбьим запахом, вывалился дед. Чешуя пристала к камзолу привидения. Медведи, зажимая носы лапами, шарахнулись в стороны.

— Что же произошло? — спросил Андрюша.

— Разве я знаю? — сказал дед печально. — Обошли меня опять. Я до мельницы добрался — стоит она пустая, дверь притворена. Я внутрь. Вижу — бочки, ящики, всякое добро. Ну, думаю, сейчас я все исследую, акт составлю на ихнее логово. Вдруг слышу голоса снаружи. И, надо сказать, оробел. Решил, спрячусь и подслушаю их разговор, планы выведаю. Смотрю, пустая бочка стоит, как раз мне по росту. Только спрятался — входят. Один говорит: ты, говорит, мерзавец нерасторопный, ревнивец глупый, ничего, говорит, тебе нельзя доверить, я, говорит, тебя в милицию бы сдал, если бы ты не был нужен. А второй отвечает: я тебе нужен, без меня ты как без рук.

— Это Василий был, — сказал Вениамин. — Он и есть ревнивец.

— Не сомневаюсь. Но тут меня любопытство взяло — кто же второй? Главный кто же? Я из бочки вылез немного, по глаза, а они увидели.

— Так кто же это был?

— Привидение было, вот кто, — сказал дед. — Очень меня это огорчило. Зачем, думаю, привидению с Василием в союз входить?

— А вы его не узнали?

— Как узнаешь? У него на лице что-то надето было. Он как увидел меня, подпрыгнул, крышкой придавил, а Васька, чертов сын, гвоздями прибил. Выкатил из мельницы и говорит — своим ходом добирайся. Если бы не Мишка...

— Они там еще? — спросил Андрюша.

— Наверное, куда им деваться.

— Давайте к мельнице! — сказал Андрюша. — Мы их прихватим с поличным.

Поляна открылась почти сразу. Она была зеленой и светлой. Мельницы на ней не было.

— Опять двадцать пять, — сказал Сеня. — И в Волчьем логу ее нету, и в распадке ее нету!

— Чудеса, — подтвердил Семен. — В газету надо написать.

— Только что я тут был, — сообщил дед. — Если мельницы не было, значит, я в бочку сам себя заточил, как царь Салтан?

Трава, где стояла мельница, была измята, следы от нее не успели заполниться водой. Они вели к дороге.

— Прямо по лесу она не ходит, — сказал Андрюша. — Предпочитает передвигаться по дорогам.

— А это что? — спросила Ангелина. — Смотрите!

— А это следы грузовика, — сказал Вениамин.

— А грузовик в деревне только один, — сказал дед Артем.

21.

— Я устал от шуток Василия, — сказал Андрюша. — А Веня буквально почернел.

— Не шути, — сказал Вениамин, шагая по следам мельницы и грузовика. — Это уже не шутки.

— Какие там шутки! — От деда Артема все еще исходил тухлый запах. — Хватит. Это точ-на.

— Куда мы бежим? — спросила Ангелина. — Может, нам в деревне его подождать.

— Вот этого мы не знаем, — сказал дед. — Они мельницу так перепрячут, что с миноискателем не найдешь. А это, не забывайте, культурный монумент. Она еще до Полуехтова стояла.

— Не верю я в нечистую силу, — сказал Андрюша. — А машина с мельницей на прицепе далеко не уйдет. Да еще по такой дороге.

Григорий взмыл высоко в небо, распугивая коршунов, которые робели перед черной птицей таких размеров. Затем он несколько снизился и пошел кругами впереди.

Не прошло пяти минут, как дорога поднялась на холмик, у подножия которого было небольшое круглое озеро. Именно туда и направлялась мельница на буксире у отчаянно хрипящего грузовика. Мельница вздрагивала, продираясь сквозь кусты и крапиву, по кочкам, рытвинам и лужам. Троса издали не было видно, и потому казалось, что мельница, спотыкаясь, гонится за грузовиком.

Андрюша догадался, что хочет сделать коварный

Василий: подогнать мельницу к крутому обрыву и свалить в озеро — утопить.

Видно, та же мысль пришла в голову и старику Артему, потому что сзади до Андрюши донесся его крик:

— Концы в воду? Концы в воду? Не посмеешь!

И вот тогда на пути Андрюши встало привидение секунд-майора, самое настоящее, второе. Оно широко простерло руки и глухим, проникающим в сердце голосом возопило:

— Остановитесь, несчастные! Ваша гибель близка!

Появись привидение ночью или хотя бы в сумерках, эффект был бы более драматическим. Но сейчас светило солнце, и видно было, насколько потрепан и ветх мундир секунд-майора, а голос его заглушала тряпка, намотанная на лицо, чего привидения обычно не делают.

Андрюша, ловко уклонившись от угрожающих рук привидения, не замедляя хода, понесся дальше. Желтые бабочки с ладонь размером крутились над его головой, ворон Григорий ободряюще кричал из поднебесья, кусты старались отклониться с дороги, целая семья ужей ползла спереди, приминая траву, кроты взрыхляли кочки и холмики, чтобы Андрюша не споткнулся, сзади мягко, но настойчиво подталкивали в спину малиновки и соловьи.

Казалось, все обитатели леса встали на защиту мель-

ницы. Стрекозы и мухи роем вились перед ветровым стеклом, застывая Василию зрение, осы рвались в боковые окна, чтобы искушать его до полусмерти, бобры тащили палки и сучья, чтобы перегородить дорогу, а стая дятлов, не жалея усилий и клювов, пыталась перебить стальной трос...

Когда Андрюша, обессилев, готов был свалиться на землю, из леса выбежал могучий лось, который упал перед ним на колени, зайцы подтолкнули Андрюшу, и последние метры пути он скакал на лосе.

Василий не сдавался, он выжимал последние силы из грузовика, и тот уже начал скатываться вниз, к обрывчику. Оставалось лишь несколько метров, когда Василий, не обращая внимания на укусы, высунул из кабины, прикидывая, как развернуть машину, чтобы мельница завалилась в озеро. В этот момент рой насекомых раздался, и Василий увидел, что к кабине приближается могучий лось, а лежащий на его спине Андрюша делает руками угрожающие движения, намереваясь перескочить на подножку автомобиля.

Василий в панике нажал на газ, забыв, как близок он к обрыву, и грузовик медленно начал клониться вниз — его удерживал только трос, связывающий с мельницей. Бок машины задрался к небу, из кабины, лихорадочно

перехватывая руками, полез распухший от осиних укусов невменяемый Василий, прыгнул в сторону, покатился по траве. Грузовик еще несколько секунд висел над обрывом, и тут трос, расклеванный дятлами, не выдержал, с оглушительным звуком лопнул, машина подпрыгнула и нырнула в озеро, подняв столб воды. Мельница тоже повалилась было набок, но в последний момент бобры с риском для жизни успели подкатить под нее валун.

Василий на четвереньках, шустро, словно всю жизнь так бегал, бросился к лесу. Андрюша понимал, что Василий уходит от ответственности и надо бы бежать за ним, но сил больше не было. Он присел на порожек мельницы и стал ждать остальных, глядя, как уменьшается, тает в траве звериная фигура Василия, как он приближается к деревьям, вот-вот скроется среди них, но нет, не скроется — навстречу ему выходит бурый медведь. Василий пятится, прыгает к стволу, лезет наверх, и медведь садится у дерева и, скосив голову, любуется тем, как висит на суку, качается фигура шофера.

Из двери мельницы несло гнилой рыбой. «Что они там делали?» — подумал Андрюша. Прерывистое мелкое дыхание подсказало ему, что прибежал дед Артем.

— Ах, стервец, — сказал дед. — Ну, хорошо, что ты успел!

Треуголка в кулаке казалась тряпкой с золотым галуном, один башмак где-то потерялся. Дед все-таки не лишился силы духа, сразу кинулся внутрь мельницы.

— Ну вот, — кричал он изнутри, — так я и думал! Но у Андрюши не было сил глядеть.

Подбежали Сеня с Семеном.

— А привидение твоего очкарика забило! — закричали они.

— Что? — вскинулся Андрюша.

— Со страху, наверно, — сказал Сеня. — Он как увидел, что на него Веня твой бежит, морда черная, глаза в очках, да как дрыном по нему долбанет, а сам в кусты!

— Где Веня? — Андрюша вскочил на ноги. — Seriously?

— Кровь идет, жутко! Ангелина убивается.

— Андрей! — раздалось из мельницы. — Ты чего не идешь?

— Привидение на Веню напало.

— Погоди... Ты смотри! — из дверей мельницы показался дед Артем. Он протянул вперед сложенные горстью ладони, полные черной зернистой икры. Икра медленно проливалась между пальцами и шлепалась на порог. — Там две бочки икры, понимаешь? Так я и знал, так и знал! Какая уж тут экология! Я их под суд!..

— Веня ранен! — повторил Андрюша. — А вы об икре! И он помчался к другу, который лежал на траве, лоб рассечен, алая кровь на черной коже, глаза закрыты, над ним рыдающая Ангелина. Веня приоткрыл глаза и спросил:

— Ты победил? Ну и хорошо. Обо мне не беспокоиться.

Подбежал дед Артем, руки измазаны икрой, сказал:

— Обопришь о нас с Андреем. Как-нибудь доберемся.

22.

Веню привели в дом к Глафире и положили в горнице. Глафира с Колей еще не вернулись из района.

— С одной стороны, — сказал Эдуард Иванович Ангелине, которая взяла в свои руки уход за Вениамином, — требуется полный покой и тишина. С другой — его лучше отвезти в район. Вызовем вертолет, а?

Эдуард Иванович был сконфужен событиями в деревне и время от времени, когда окружающие не слышали, говорил Элле:

— Ах, как неприятно, что экспедиция столкнулась с объективными трудностями! Моя вина, должен был предугадать.

— Ну при чем тут вы? — отвечала Элла. — Кто мог предположить!

— Я видел неблагоприятные тенденции и не принял их во внимание... это ужасно, это невыносимо...

— Погодите, — слабо произнес Веня. — Ну, упал я, ушибся, при чем тут вертолет? — В голосе его была такая внутренняя сила, что Эдуард Иванович смеялся и сказал:

— Может быть, пролома и нет и даже трещины нет, но ушиб существует. Все равно в Красное ехать надо. Милиционер там. И трактор, чтобы грузовик вытащить.

— Зачем милиционер? — спросил Вениамин. — Акт составлять?

— Принять меры по отношению к этому мерзавцу, опозорившему всю нашу деревню. К Василию Полуехтову, воплотившему в себе худшие черты дворянского прошлого.

— Дворянское прошлое ни при чем, — сказала Ангелина. — Вы знаете, что дед Артем в мельнице отыскал?

— Нет. Я даже не знаю, что он мельницу отыскал, — сказал Эдуард. — В порядке ли этот памятник народной архитектуры?

— Покопался, но в порядке. Дед Артем там нашел две бочки черной икры. Вот куда рыба шла! — сказала Ангелина.

— Какая рыба? — удивился Эдуард Иванович. — Прости, Гелечка, я здесь не первый день живу и уху обожаю, но ни осетров, ни белуги в нашей речке испокон веку не было.

— Не было, а икра есть. Да вот дед идет, у него и спросите!

Вошли Андрюша с дедом Артемом. Андрюша устал, волосы свалились, но вид у него был победоносный. Дед ковылял сзади, в одном башмаке, вместо второго — найденный где-то валенок.

— Как здоровье? — спросил Андрюша у Ангелины.

— Завтра встану, — ответил сам Вениамин. — Попадись мне это привидение! Я сам виноват — испугал его.

— Привидение? — спросил Эдуард Иванович. И взгляд его уперся в порванный зеленый камзол деда Артема.

— Не я, — сказал дед, — другой призрак. Истинный. Если не притворяется. — Он кинул на стол связку ключей. — Сходи в погреб. Знаешь, за клубом? Мы этого преступника и спекулянта там заперли с Андрюшей.

— Мне сказали, что он грузовик утопил, — сказал Эдуард. — Вы не представляется, какое чувство стыда я испытываю из-за его грязных поступков.

— Якшался с ним, — сказал дед Артем, — а теперь осуждаешь.

— Я искренне надеялся его перевоспитать, — сказал с чувством Эдуард Иванович. — Нет безнадежных людей.

— Тогда бери ключи, осмотри его, раз уж ты фельдшер.

— Как войдете, не пугайтесь, — добавил Андрюша. — По дороге домой его Мишка раза два корябнул. Да и осы искушали. Глаза не открываются.

— Его немедленно надо вывести из подвала, — сказала строго Элла. — Как можно большого человека держать в сырости и холоде?

— Ничего, — сказал дед Артем. — Под замком ему полезно посидеть. И охладиться.

— Дед Артем совершенно прав, — сказал Эдуард Иванович. — Совершенно, абсолютно. Василий может представлять опасность для общества. И эти две бочки с икрой меня очень насторожили.

— Это точ-на, — сказал дед Артем. — Погодя надо будет сходить в мельницу снова, все обрешивать, опечатать помещение. А ты, — обратился он к Эдуарду, — бери йод, или зеленку, или какой там пластырь и отправляйся в тюрьму подвального типа. Если боишься — возьми с собой Андрея.

Андрюша вздохнул — он уже час мечтал, как ляжет и вытянет ноги... такая усталость владела им. Но он понимал, что заменить его некем. Веня — инвалид, остальные мужики на сенокосе.

— Пойдем, — сказал он и подобрал ключи со стола.

23.

Дед Артем поглядел им вслед, присел у кровати.

— Скажи мне, дорогой, — попросил он, — никакой надежды на узнавание?

— Какое узнавание? — не понял Вениамин.

— Привидения.

— Нет. Все так быстро произошло.

— Уж лучше бы я ему попался, — вздохнул дед Артем. Помолчав, добавил: — Надо на мельницу снова идти. А то привидение все следы заметет.

— Я пойду с вами, — сказал Вениамин слабым голосом.

— Молчи, — сказала Ангелина. — Тебе говорить вредно.

— Нет, пойми, деду одному идти нельзя. Мы не знаем, чего привидению хочется.

— Хулиганить ему хочется, вот что, — сказал дед. — Я пока Мишку оставил у мельницы. Пускай побережет.

— Скоро должен Колька вернуться,— вспомнила Ангелина.— Он тебя на мотоцикле подвезет. Или хоть Андрюша подожди.

— Это, конечно, правильно,— сказал дед Артем.— Я бы и подождал, если бы не тайна, которая в голове вертится, а не укушу.

— Что еще? — спросил Веня.— Если филологическая, я могу быть полезен.

— Нет, гастрономическая,— сказал дед.— Я все о двух бочках с черной икрой. В наших краях никогда осетров не водилось.

— Вы думаете, они ее откуда-то привезли? — спросила Элла.— Ведь в магазине ее не бывает?

— У нас в магазине крупа бывает,— сказал дед.

— Это, наверно, контрабандисты,— сказал Вениамин.— Они ее переправляют дальше. Ниточка, понимаете, от Каспийского моря к Ледовитому океану.

— Через горы без дороги икру волочить? Нет, тайна не в этом. А в том, что икра черная бывает, красная, а вот желтой не бывает. А я в мельнице и бочку с желтой видал.

— Бывает,— раздался голос от дверей. Там стоял Сеня.— Вы не рыбаки, не знаете. Это селедочная икра.

— Селедочная? — старик задумался.— Конечно, глупая моя голова! Конечно, как я сразу не понял!

— Это Васька ловил,— сказал Сеня.— И мы ему иногда ловили. Все ребята. А Васька в озерах глушил и в речке.

— Селедка у нас крупная,— раздумывал дед,— больше метра, весьма крупная, другой такой нигде нет, эндемик. Я Джеральду Дарреллу на остров Джерси об этом уже сообщал. Но чтобы селедочную икру собирать...

— И красить,— сказал мрачно Вениамин.— Вот зачем ему черная тушь в таких количествах.

— Точ-на! — возразился дед.— Селедочную икру красить и за осетровую выдавать. Вот это преступники! Их производство в мельнице тысячи рублей дохода дает! Недаром привидение там ошивалось, особенно если ему кассу компенсировать хочется.

Вернулся Андрюша, распаренный и усталый настолько, что провалились глаза. Бросил куртку на стул, напилсья воды.

— Ну, как там? — спросила Элла.— Как Василий?

— Обойдется,— сказал Андрюша.— Травма у него в основном психическая. Он Эдуарда даже не узнал сначала. И говорить не может. Рычит и прячется под подушку.

— Андрюша, свет мой,— сказал дед жалобно.— Устал ты, небось, ужасно?

— Есть немного,— ответил Андрюша, усаживаясь на скамью и вытягивая ноги.

— А вот надо снова на мельницу сходить. Надо.

— Нет,— сказал Андрюша.— Не надо.

— Надо, Андрюша,— поддержал деда Вениамин.

— Может, не стоит? — вмешалась Элла.— Подождем милицию. Там преступники и медведи.

— Милицию не дожидаться,— сказал дед.— Потому что ее еще и не вызывали. Да и медведя сменить надо, благородно животное держать так долго на посту.

— Может, вы Эдуарда позовете?

— Какой из него помощник,— сказал дед,— он чужой.

— А Андрюша?

— Андрей человек военный,— сказал дед,— строевой.

Андрей не был военным человеком, но доверие деда, выраженное в столь странной форме, почему-то польстило. Он молча поднялся.

24.

Еще за километр от мельницы они увидели столб черного дыма.

— Ах ты,— крикнул дед,— там же медведь! Как бы чего не вышло!

Они в молчании добежали до края поляны.

Мельница горела, как аккуратно сложенная поленница дров, ровным свечным пламенем. Видно, за столетия древесина просохла и прокалилась — таких дров нарочно не сыщешь.

Они подбежали ближе — пламя отражалось в озере и на крыше кабины утонувшего грузовика. Неподалеку, в траве, оскалившись, но не зло, а удивленно, лежал убитый Мишка.

Дед не смотрел на мельницу, присел на корточках рядом со зверем.

— Как часовой,— сказал он,— до последней капли крови.

— Опоздали,— вздохнул Андрюша.

— Я виноват,— сказал дед.— Мне думать надо. Эта липовая икра больших денег стоит.

— Но Василий сидит в погребе, я сам видел, мы с Эдуардом Иванычем недавно там были...

— Разве это так и важно?

— Важно,— сказал Андрюша.— Настоящие привидения не стреляют. Никогда не поверю.

— Поверишь в привидение, в остальное уж легче,— сказал дед.— Закопать его надо. А то кто-нибудь захочет шкуру снять...

Пламя от мельницы смешивалось с солнечным светом, накладывалось на него, и было неправильно, что пожар происходит в середине дня, а над Мишкой вьются мухи.

— Надо бы кому-нибудь здесь остаться,— сказал Андрюша.

— И пулю в лоб? Да, пулю в лоб? — спросил дед, поглядел на медведя и добавил: — Может, и лучше бы мне, дураку, эту пулю.

Вдали, на краю леса, зло ревела медведица. Но не подходила.

25.

Вениамину вроде бы полегчало. Ангелина прибежала с фермы, пыталась уговорить его поесть, но Веню тошнило, от еды он отказался. Дед Артем, когда они с Андрюшей, закопав медведя, без сил приплелись из леса, спрятался у себя дома, сказав, что больше ничего не хочет и лучше помрет. Зато прилетел Гришка, сидел на

окне, смотрел на Веню и говорил ему латинские фразы. Веня переводил их слабым голосом, и ворон кивал, одобряя правильность перевода. Элла сказала:

— Гриша, может, хватит отвлекать Вениамина? Ему нужен покой.

— Он мне не мешает,— возразил Вениамин.

— Никогда,— сказал ворон.

Андрюша, еще в запале и на нерваном взводе, вдруг вскочил, бросился к погребу, присел на корточки перед маленьким окошком.

— Василий, ты знаешь, что мельницу сожгли?

— Ууу,— сказал Василий в ответ. Он был в нервном шоке.

— Кто это сделал? — спросил Андрюша.— Лучше от-
веть сразу. Шуточки кончились. В деревне находится
маньяк с ружьем.

Василий внимательно слушал, не перебивал, а потом вдруг ответил грубым словом и завыл снова. Больше Андрюше ничего добиться не удалось, но, когда он уходил домой, показалось, что вслед из погреба донесся смех. Может быть, показалось.

А еще через час вернулся Эдуард Иванович, который на велосипеде укатил было в Красное, чтобы вызвать вертолет и милицию. Его встретили у околицы мальчишки и принесли за ним велосипед. Ему не повезло. Километрах в десяти от деревни, у моста со львами, он на повороте не удержался и упал в кювет. Переднее колесо отлетело — спицы наружу. Вот и тащил три часа обратно велосипед на себе.

— Понимаете,— сказал он,— велосипед не мой. Я не мог оставить его на дороге, где каждый может его похитить.

Эдуард Иванович был пропылен, волосы слиплись, косо приклеились к черепу. Он сидел у постели Вениамина, страшно расстроенный неудачей. Элле было жалко его.

— Вы поступили как настоящий медик.

— Я давал клятву Гиппократу. Другого морального пути у меня нету.

Эдуард Иванович поднялся, поманил Андрюшу на крыльцо. Там, понизив голос, сказал:

— Лично я,— усики его чуть шевелились под носом, как живые,— лично я не верю в местный фольклор. Но иногда начинаю сомневаться. Вороны говорят, медведи стреляют...

— О медведе не беспокойтесь,— горько сказал Андрюша.— Медведь погиб. Его застрелили.

— Как это случилось?

— Он мельницу защищал, а мы с дедом опоздали.

— Прискорбно. Они заметали следы. Преступники. Но кто они — вот главный вопрос. Завтра здесь будет милиция, и тогда Василий во всем сознается. Вы ведь тоже думаете, что он был не один?

— Думаю,— сказал Андрюша.

Над деревней опускался мирный вечер, коровы расходились по дворам, пастух оттянул кнутом, и хлопок показался Андрюше новым выстрелом. Солнце садилось в сизое с оранжевой оторочкой облако.

— Погода портится,— сказал Эдуард, проследив за взглядом Андрюши.— Кстати, где ключи от погреба? Мой долг осмотреть его.

— У деда ключи,— сказал Андрюша.— Но я думаю, дед спит.

— Ну, тогда я попозже, хотя меня не прельщает возможность вновь встретиться с этим бугаем.

Вернулись в дом. У Вени оказалась повышенная температура — тридцать семь и пять. Не очень большая, но все-таки... Эдуард решил сходить за аспирином, а Элла вызвалась его сопровождать — ей хотелось на свежий воздух. Облако, в которое село солнце, постепенно закрыло половину неба, поднялся ветер. Ангелина вдруг расплакалась и ушла из комнаты. Ей было жалко медведя.

— Здесь больше странностей, чем положено деревне,— сказал Вениамин.— Весь день думаю об этом.

— Ноги гудят,— отозвался Андрюша.— Я слишком часто бегу по лесу. По крайней мере двумя странностями с сегодняшнего дня меньше.

— Элла не зря говорит, что ты циник,— сказал Веня, морщась от боли.— Ты имеешь в виду мельницу и медведя?

— Да, прогресс цивилизации сильно бьет по сказкам. Сказку, как видно, можно эксплуатировать. В хороших ли, плохих целях, но эксплуатировать. Медведь стреляет из пушки, а из селедки делают осетровую икру. Главное, чтобы никто не удивлялся. Был бы дракон, сторожил бы колхозный амбар.

В комнате разливались голубые сумерки. Далеко-далеко раскатился гром, потом на мгновение комнату осветило зарницей.

— Свет зажечь? — спросил Андрюша.

— Не надо. А если это не сказка? — сказал Вениамин.— Если ей есть физическое объяснение?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Андрюша. Ему хотелось спать и не нравилось, как блестят глаза Вениамина. Ангелина звенела посудой — мыла ее на кухне.

— Марциальные воды,— сказал Вениамин.— Эти загадочные марциальные воды для императрицы.

— Которые были развенчаны коварным медиком Блюменквистом.

— Но если в восемнадцатом веке до Петербурга докатился слух, он должен был на чем-то основываться!

— Кто-то хотел выслужиться и сыграл на царицыном суеверии,— сказал Андрюша и задремал. Слова Вени достигали его сознания, но путались с дремой, с началом сна.

— А если этот источник существует? На верстовом столбе у пушки есть надпись: «До Царицыного ключа 9 верст». Подумай, какие здесь бабочки, рыбы, ягоды. Гришка наконец. Разве бывают такие крупные вороны?

— И молоко,— откликнулась Ангелина из кухни, голос ее был далеким-далеким: Андрюша вновь бежал за грузовиком...— Есть ключ,— приближался девичий голос.— В горах, в лесу. Никто туда не ходит: ход завалило, секунд-майор как сгинул, так и завалило. Откуда у нас в реке вода такая хорошая? Дед Артем говорит, санаторий надо ставить. Она же откуда-то течет? Живая вода, живая вода — в этом есть смысл!

Живая вода текла и текла перед глазами Андрея, сияя на солнце и переворачивая маленькие камушки.

— Елена туда ходила,— сказал кто-то,— майора

водой поливала, а царице не досталось. Смешно, правда? Царские сатрапы остались с носом.

Андрюша так и заснул, облокотясь о стол, и спал, пока рука не ушла в сторону и голова не ткнулась носом в скатерть. Показалось, что секунд-майор ударил палкой по лбу его, а не Веню... В комнате горел свет. Эдуард Иваныч с тревожным, смущенным лицом склонился над кроватью. В одной руке держал чайную ложку с таблеткой аспирина, в другой — стакан воды.

— Выпей,— говорил он Вениамину.— Это проверенное средство. Поможет обязательно.

— Ему бы укол сделать,— сказал со сна Андрюша.

— Зачем?— глаза Вениамина агрессивно горели. У него начинался жар.— Мне лучше. Мне лучше с каждой минутой.

Таблетку он все-таки проглотил.

— Я тоже устал за сегодняшний день,— сказал Эдуард.— Испытания, выпавшие на мою долю, когда я не жалея сил мчался в село Красное за помощью! Нет, я не набиваю себе цену...

— Мы так не думаем,— сказала Элла, глядя на него с сочувствием, которое раздражало Андрюшу. Он подошел к окну. Гром гремел чаще, и ветер уже насканивал на дом так, словно хотел померяться силой со стенами. Андрюша прикрыл окно, и Веня сказал:

— Не надо, Андрей, душно.

Элла положила ладонь на лоб Вени.

— Ну-ка,— сказала она,— давайте еще разок поставим градусник.

Веня не сопротивлялся, глаза его горели, он что-то шептал.

— Что такое?— спросила Ангелина.

— Шучу,— прошептал Веня,— шучу, не обращайтесь внимания.— Он улыбнулся, но глаза смотрели отрешенно.

Дверь открылась. Вошел дед Артем.

— Большая непогода,— сообщил он, оглядев сидевших в комнате.— А вы лекарства ему давали? Нужны антибиотики.

— Виноват,— сказал Эдуард.— Но ведь это первый случай в нашей деревне за два года. Я лекарств давно не выписывал.

— Он ездил на велосипеде в Красное,— сказала Элла.

— Небось, не доехал,— усомнился дед.

— Велосипед сломался,— сказал Эдуард.— Можете посмотреть, колесо пополам. Чуть живой остался. Была бы еще одна жертва.

— Хватит жертв,— сказал дед, все еще стоя над Вениамином.— Ему бы живой воды.

— Неплохо бы,— сказал Эдуард Иваныч.— Но лучше вертолет.

— Я пойду в Красное,— сказал Андрюша.

— Ты не дойдешь до утра,— сказал Эдуард Иваныч.— Тридцать пять километров, под ливнем и в бурю. Ночью.

— Я не могу позволить,— сказала Элла.

Три старухи, из тех, что сидели вчера перед клубом, а потом пели для Эллы, вошли рядком, сели, поклонившись, на скамью у двери, отказались от чая.

— Ты не пришла,— сказала одна из них Элле.— Вот мы и пришли.

— Спасибо,— ответила Элла.— У нас несчастье.

— Знаем,— сказали старухи. Они были разные, но схожи с Ангелиной полуехтовскими глазами, чистотой кожи и статью.

— Спасибо,— сказал и Веня, окинув их лихорадочным взглядом.— Вы пришли петь? Пойте, вы мне не мешаете.

— Плох,— сказала одна из старух.— Жар повышается.

— А у Эдуарда, конечно, антибиотиков нету,— сказала вторая.

— Мне они были не нужны. Здесь все здоровы. Я даже их не заказывал.

— За живой водой надо,— сказала первая старуха.

— Я пойду в Красное,— сказал Андрюша.— Вызову вертолет.

— Вертолет — это хорошо, но лучше бы его не трогать,— сказала вторая старуха.— Живая вода лучше.

— Живая вода, живая вода, пожилая вода,— мелодично и тихо запел Вениамин.

— Чувствует,— сказала первая старуха.

— Нуждается,— подтвердила третья, а вторая напомнила:

— Девушка должна идти. Любящее сердце.— И все обернулись к Ангелине. Та покраснела, сказала серьезно:

— Я бы пошла, но пути не знаю.

— И никто не знает,— сказала первая старуха.— Но ходили.

— Туда же ход потерян, завален обвалом,— сказал Эдуард.

— Ход потерян,— согласился дед Артем,— я проверял.

— Проверка — это, конечно, современно,— сказала первая старуха,— а моя бабка старика своего выходила, когда его волки задрали. Помирал ведь...

— А как она туда ходила?— спросил Эдуард.

— Незнамо,— ответили старухи. Потом третья сказала:

— Верно, Гришка дорогу знает к Царицыну ключу.

— Нет дороги,— сказал дед Артем.— Останемся, бабы, на почве исторической правды.

— А ты, баламут, молчи. Тоже мне, привидение! Не твоя колготня, стояла бы мельница,— сказала первая старуха.

— Стояла бы? А вы знаете, что там селедочную икру в черню красили?

— Красили,— согласилась старуха.— На той неделе Иванов, милиционер, обещался приехать. Без шума.

— Все-то вы знаете, бабы,— сказал дед с отвращением.

— Знаем,— согласилась вторая старуха и кивнула Элле на деда Артема.— Шебутной он, выдержки маловато. За архивным документом человека не видит.— Старухи захихикали.

— Хорошо,— вдруг сказала Ангелина,— я пойду. Пойду!

— Добро,— сказала первая старуха.

— Постыдитесь,— возразил Эдуард.— Ты же комсомолка, кончала училище, готовишься в вуз.

Резкий порыв ветра распахнул окно, молнии сверкали совсем близко. На подоконник уселся Гришка, скопил глазом в комнату.

— Сведешь девку к живой воде? — спросила вторая старуха.

— Омниампрекларррарара! — воскликнул ворон.

— Закрой окно, — сказала строго Элла. — У Вени жар.

— Рук нету, — ответил ворон, захлопал крыльями, взмыл, смешался с синевой вечера, молниями и черными облаками.

Элла бросилась закрывать окно.

— На рассвете пойдешь, — сказала первая старуха, — он покажет. Не отказался.

— Старый стал, — сказала, поднимаясь, вторая.

Скрипели ступеньки, старухи спускались с крыльца.

Ангелина проводила их, вернулась. Было тихо. Потом Андрияша глупо улынулся — он умел сказать бестактность:

— Геля, если пойдешь, возьми меня, заодно кассу захватим.

— Глупец, — сказал дед Артем. — Кассы не существует.

Эдуард Иванович молчал, поглядывал на всех, был бледен.

26.

— Ничего страшного, — сказал серьезно Вениамин. — Стакан живой воды поставит меня на ноги. Разве не так?

— Спать, спать, — Эдуард Иванович поднялся. — Мне, к сожалению, еще одного пациента навестить надо. Долг прежде всего.

— Может, его на ночь выпустить из погреба? — сказала Элла. — Он же простудится.

— Нет, — сказал дед Артем, — и не подумаю. Делайте со мной, что хотите. После того, как мельница сгорела и Мишка погиб, нет ему пощады — это же банда, которая сама никого не жалеет!

— Я с вами полностью согласен, совершенно, абсолютно, — сказал Эдуард. — Но я гуманист и ничего не могу с собой поделаться.

— Пошли вместе, — сказал дед. — Я послезу. Передай-ка мне ружье, Андрияша.

— Это лишнее, — сказал Эдуард Иванович, — вы устали, вы пожилой человек. Я с ним справлюсь.

— Не знаю, как уж и справишься, а вдвоем лучше. Пошли, пока дождь не хлынул.

— Идите, — согласился Вениа.

Температура у него была тридцать девять и шесть.

Когда дверь за ушедшими закрылась, засобирился и Андрияша.

— Пойду в Красное. Ничего со мной не случится.

— Куда ты пойдешь? — возмутилась Элла. — На тебе же лица нет!

— Хорошо, — сдался Андрияша. — Тогда я иду отдыхать. Через час прошу меня разбудить. К тому времени, надеюсь, и гроза пройдет. Дайте слово, что меня разбудите. — И он твердым шагом, хоть ноги и ныли от дневных хождений, прошел в холодную горницу, рухнул на постель и тут же заснул.

Андрияша не слышал, как бушевала гроза. Он проснулся от тишины, слагавшейся из ровного и густого шума дождя, который был постоянен и потому неслышен.

Андрияша вскинулся, соскочил в полной темноте с кровати, выбежал в сени. Ему показалось, что дом опустел, что все покинули его.

Но в щель под дверь в теплую половину пробивался свет.

Андрияша распахнул дверь, щурясь заспанными глазами. На ходиках было половина второго. Вениамин спал. Он был пятнист — черное с красным. Дышал часто, ворочался, сучил во сне руками. Возле кровати на стуле дремала Элла.

— Что случилось? — прошептал отчаянно Андрияша, злой на весь свет, оскорбленный предательством близких, а еще более — предательством собственного тела, которое потратило на сон четыре часа. — Почему никто не думает о Вениамине?

— Ах, — вздрогнула Элла. — Ты проснулся?

— Каждая минута на счету, — сказал Андрияша.

— Причешись, — сказала Элла. — Ты дико выглядишь. Мы тебя не будили, ждали, что пройдет дождь.

Вениамин забормотал во сне. Вошла Ангелина со сложенным мокрым полотенцем, положила на лоб Вене.

— Какая температура? — спросил шепотом Андрияша.

— Сорок, — сказала Элла.

— Эдуард приходил? Что говорит?

— Нет, пропал куда-то, — сказала Элла. — Он тоже устал.

— У вас есть сапоги? — спросил Андрияша.

— Погоди... — Ангелина принесла резиновые сапоги и брезентовый плащ. — Впору будут? — спросила она.

— Впору, — сказал Андрияша, переобуваясь. — Ну я пошел.

— Иди, — сказала Элла. — Только будь осторожен.

Андрияша пересек двор, скрипнула калитка. Почему-то ему показалось, что ливень на улице сильнее, чем во дворе. Струи дождя сразу нашли путь за ворот, и плащ отяжелел. Как я дойду до Красного, подумал Андрияша. Тридцать пять километров лесом. Пять километров в час... Семь часов. Главное, не терять темпа.

Он огляделся. Было темно так, что глаза с трудом, лишь по тусклому блеску луж, находили дорогу. Небо было затянуто тучами. Силуэты домов и заборов угадывались лишь потому, что были темнее окружающей темноты. Дождь сыпал мельче, но густо и занудно. Собаки молчали, все в деревне молчало.

И сквозь этот бесконечный молчаливый шорох дождя до Андрияши донесся крик, приглушенный, еле слышный, и были в этом крике отчаяние, одиночество и безнадежность. Андрияша побежал, скользя по лужам, к площади. Крик заглох. Андрияша остановился, и ему стало страшно, страшно посреди деревни, и сознание этого заставило его содрогнуться от мысли, как он будет идти по тайге.

Крик возник вновь и вновь оборвался.

Андрюша упал, но он уже так промок, что это не имело значения. Плащ налился свинцовой тяжестью, и все было как в кошмаре, и хотелось открыть глаза, чтобы увидеть хоть какой-нибудь свет.

— Помогите! — донеслось сквозь дождь и оборвалось вновь.

— Иду, — сказал Андрюша, и голос его оказался тих, сорвался, не хватило воздуха.

И вдруг крик раздался снова — совсем рядом.

Глаза ли привыкли, или в тучах был просвет, но Андрюша вдруг догадался, что стоит возле погребца, куда заточили Василия. И его взяла злость — оказывается, бежал на помощь негодяю.

— Помогите! — голос был тонким. Василий притворился немощным, чтобы вызвать жалость у прохожего. Но какой здесь прохожий?

— Молчи, — сказал в сердцах Андрюша, намереваясь повернуть обратно. Сколько времени потерял...

— Андрюша! — голос был близко. — Андрюша, счастье ты мое!

— Дед Артем? Почему вы здесь?

— Прелестно, великолепно, — раздался второй знакомый голос. — Мы никак не рассчитывали на вашу помощь. Это замечательно!

— И вы, Эдуард Иванович?

— Наша вина, наша вина, — сказал Эдуард. — И эта гроза, все за заборами, адский шум, ничего не слышно. — Пленники говорили сквозь маленькое окошко, голоса их доносились глухо.

— Обманул он нас, — объяснил дед Артем. — Притворился спящим, а потом ключи схватил и бежать. И замкнул.

— Мы виноваты, ах как мы виноваты! — сказал Эдуард. — Теперь он уже в лесу, в безопасности.

— Найдем, — твердо сказал дед Артем. — Отмыкай.

Андрюша нащупал замок. Амбарный замок, крепкий.

— А где ключ? — спросил он.

— Ключа нету, — сказал дед Артем. — Унес он.

Андрюша попытался сбить замок кирпичом, найденным рядом. Кирпич раскололся пополам.

— Не открывается, — сообщил он.

Все было мокрым. Весь мир был мокрым и холодным.

— Иди домой, — сказал дед Артем. — Топор возьми, ничего не поделаешь.

— Глупо, — сказал Андрюша. Он хотел было добавить, что каждая минута на счету, а тут два... гм... человека дали запереть себя в подвале. Но сдержался, понимая, что все равно надо их спасать. — Иду, — сказал он и вдруг увидел, что из темноты на него глядит яркий тигриный глаз. Он сжался, колени стали мягкими... Но нет, это не глаза хищника — это фара. Кто-то ехал по дороге.

— Эй! — закричал Андрюша, как кричат моряки, завидя парус после года, прозеденного на необитаемом острове. — Эй, стойте!

Мотоцикл ослепил Андрюшу. Голос Глафиры спросил:

— Что вы тут делаете?

— Это ничего, — донесся голос из погреба. — Это хорошо. Не плачь, Эдуард, спасение пришло.

28.

Элла сопротивлялась, утверждая, что мальчику Коле одному ехать в Красное после трудного дня в такую темнень совершенно невозможно, но Коля был как камень. Поедет, и все тут, только заправится — в сарае есть запасные канистры. Расстроен Коля был смертельно: такой день, столько событий, а его не было. Он был глубоко убежден, что, будь он в деревне, и мельница не сгорела бы, и медведь бы не погиб, и Веня не пострадал. Но дело прошлое, теперь же спасение зависело от Коли, и тут все препятствия были несущественны.

Веня проснулся, он был в сознании, но сильно страдал. Элла с Глафирой хлопотали возле него, а Коля с Андрюшей пошли в сарай.

— Василию не завидую, — сказал Коля. — Мы с милиционером Ивановым его с утра возьмем. За ним еще дела найдутся.

— Может, с тобой поехать, чтоб не скучно было?

— Только машину перегрузишь, — сказал Коля. — Лучше за женщинами присмотри. Ты один тут мужик остался. От похвалы стало приятно, хоть исходила она от мальчика.

— Как же этот Васька их скрутил? — рассуждал Коля. — Достань-ка мне масло с полки, ты повыше будешь, акселерант.

— Он на Эдуарда кинулся, зарычал, Эдуард струхнул, споткнулся о ящик, деда свалил. Остальное — дело техники.

— Это так, — согласился Коля. — Ну, я поехал.

Андрюша помог выкатить мотоцикл за ворота, закрыл их, привычно ежась от дождя, глядя, как тает в струях воды красный огонек.

Напротив горел свет у деда Артема. Дед переживал. Был унижен. Может, навесить его?

Переходя улицу, Андрюша вдруг понял, что видит уже и дорогу, и темный забор деда. Три часа — начинает светать. Здесь рано светает. А спать не хочется. Дождь вроде бы стал потише, хотя за лесом все еще вспыхивали зарницы и перекатывался гром.

Короткий звук догнал Андрюшу: во дворе хлопнула дверь. Кто-то вышел. Звуки разносились далеко и гулко. Снова тишина. Потом осторожные шаги по доскам, скрипнула калитка. Андрюша замер у дедова забора.

В калитке образовалась тень. Ангелина стояла, словно не зная, что делать дальше, куда идти.

— Эй, — тихо сказала она. — Ты где?

Андрюша не откликнулся. Человек обычно чувствует, что зовут не его. И горькое подозрение мелькнуло в голове юноши — она зовет Василия? Переживает за него, ждет, а все разговоры о живой воде, все сказки, ключи и компрессы — так, развлечение. Все равно мы здесь чужие, думал Андрюша. Вот приехали, уедем, а деревня будет жить дальше, по своим странным законам... до тех пор, пока не построят здесь санаторий, не понаедут отдыхающие, которые обволокут своими, новыми и неинтересными легендами пушку на площади и странное название — «Царицын ключ».

Черная тень пронеслась по светяющему небу, захо-

пали крылья. Ворон опустился на забор рядом с Ангелиной, четкий силуэт его громоздился над девушкой.

— Гришка! — обрадовалась Ангелина. — А я боялась, что ты не прилетишь! Нам спешить надо.

Ворон взмахнул крыльями, будто стряхивал с них капли дождя.

— Подожди здесь; я сапоги надену, банку возьму.

Стукнула калитка. Андрюше стало стыдно, что он подглядывает. В это время тонкий длинный скрип раздался сзади. Андрюша оглянулся. Приоткрылось окошко, и он угадал голову деда Артема. Вдруг стало темнее — у деда погас свет.

— Ты чего здесь стоишь? — Дед разглядел Андрюшу.

— Я Колю провожал. Потом хотел к вам зайти, а тут Гришка прилетел.

— Ты не мешай, — сказал дед, — нельзя мешать. И за ней не ходи. Все испортить можешь.

— Вы же не верили, — сказал Андрюша.

— Я и сейчас не верю. Но мешать нельзя, понимаешь?

Снова стукнула калитка. Ангелина в тонком плаще и высоких резиновых сапогах, с бидончиком в руке вышла на улицу.

— Пошли, — позвала она.

Ворон тяжело поднялся с забора и полетел к площади. Ангелина двинулась за ним — захлопали по лужам сапоги. И все стихло.

— Ну вот, — прошептал дед, — нам и спать можно. Иди домой.

В голосе деда был приказ. И Андрюша подчинился приказу.

Перейдя улицу, он оглянулся. Белая борода деда вновь возникла в загоревшемся окошке. Андрюша вошел во двор, притворил калитку. И остановился. Он предста-

вил себе, как Ангелина одна идет сейчас к холодному мокрому лесу... А Василий или его сообщник? Ее могут выследить. Разве ворон — защита?

Дед не велит. Но дед относится к этому, как к сказке, а если вспомнить, что сейчас конец двадцатого века, что сказок не бывает, а случаются необъяснимые, вернее — объяснимые, но еще не разгаданные физические явления? Почему Ангелине будет хуже, если кто-то поможет ей, если кто-то будет ее охранять?

Андрюша рассуждал так и думал, как бы выбраться из двора, чтобы дед не заметил. Ведь можно идти поодаль, только охранять ее, не приближаться... На улице плеснула лужа. Прижав глаз к щели в воротах, Андрюша увидел, что дед, в ватнике, в высоких сапогах и мятой треуголке, стоит у своего дома, прислушивается. Ах ты, хитрец, подумал Андрюша, а сам-то решил идти за Ангелиной...

Дед вышел, прикрыл осторожно калитку и засеменил по лужам к площади. Все ясно, это снимает с меня моральные обязательства, подумал Андрюша. Где резиновые сапоги? Больше ничего не брать — только сапоги.

Он перебежал двор, ворвался в сени, стал шарить в темноте.

Дверь из комнаты приоткрылась, выглянула Элла.

— Кто там? — прошептала она. — Это ты, Андрюша? Тише, Веня заснул. А Коля уехал?

— Все нормально. Я к деду Артему схожу.

— Три часа ночи, что за хождения? — сказала Элла скорбно. — И куда пропал Эдуард? Андрюша, если ты собираешься выходить на улицу, добеги до его дома. Может, он не спит... он обещал что-нибудь найти. Как ты думаешь, этично его разбудить?

— Этично, — сказал Андрюша. — Совершенно этично.

Он выбежал на улицу и, не скрываясь, не таясь, поспешил к площади. Да, надо заглянуть к Эдуарду. А может, не заглядывать? Пользы от него никакой, фельдшер он липовый, только переживает. Но, с другой стороны, Элле спокойней, если он рядом... Ладно, постучу ему в окошко, сказал себе Андрюша. Передам и пойду дальше.

Он миновал деревья, скрывавшие пушку. Кто же из нее будет утром стрелять? Если старик не вернется, то впервые за много лет пушка не выстрелит. Так гибнут традиции. Не выстрелит раз, два, потом забудут и научатся вставать под будильник. Или вообще не встанут завтра утром? И птицы не будут петь, и коровы не дадут молока? Андрюша внутренне улыбнулся, но тут же вспомнил, как лежал, раскинув лапы, медведь возле мельницы...

У клуба он остановился. В окне Эдуарда горел свет. Андрюша приподнялся на цыпочки, заглянул — там никого не было. Из-под застеленной кровати выглядывало что-то синее. Андрюша постучал по стеклу. То ли подождать — может, Эдуард вышел по нужде, то ли бежать дальше, пока дед с девушкой не затерялись в лесах? И тут он услышал тихие голоса, доносившиеся из-за угла дома.

— Чего, — спросил знакомый высокий голос, — тебе чего не сидится?

— Она пошла, — ответил низкий бас. Василий? О чем он разговаривает с Эдуардом? Неужели они уже помири-

лись? — И старик поперся. Треуголку надел и поперся. — Старика мы пугнем. Старик нам не страшен. Так что иди быстро, не выпускай ее из виду и не догоняй. Псннятно?

— Понятно, да не приятно. В лесу медведи ходят.

— Нет твоего медведя, пришел я его.

— Все равно, лес... — басил Василий.

— Девчонке в лесу не страшно, а ему страшно? Икру по твоей тупости всю потеряли, теперь и золото прозеваем. Оставайся, жди милицию, она по тебе плачет.

— Ты меня не пугай. Если так дело пойдет, я скажу, кто был моим инициатором.

— Слово выучил! А доказательства? Я в лесу не был, я не хулиганил, у меня все в порядке, комар носу не подточит.

— Римма в магазине скажет.

— Не скажет. Это ты ей икру привозил, ты ей лекарства передавал и рыбу — все ты.

— Все равно посадят.

— Да иди ты скорей! Надоел, зануда.

— Я тебя подожду.

Эдуард грязно выругался и бросился в дом. В окно Андрюша видел, как он скинул пиджак, вытащил из-под кровати синий мундир, натянул его, выхватил треуголку из ящика стола — и на голову. Андрюша стоял не дыша, не двигаясь, — совсем рядом, за углом, слышалось тяжелое дыхание Василия.

Вот тебе и тихий фельдшер, интеллигентный человек. Значит, это он убил медведя и сжег мельницу...

Эдуард-привидение метнулся по комнате, вытащил из шкафа складной зонтик. Все, к Вениамину он не пойдет, большие его не интересуют... Андрюша переступил с ноги на ногу — и чуть не попался: дыхание Василия прервалось, но тут стукнула дверь, свет в комнате погас. Эдуард был на улице. Андрюша вжался в стену.

— Пошли, — сказал Эдуард. — А куда идти, знаешь?

— Знаю, к Волчьему логу. Куда же еще?

Две темных фигуры отделились от угла здания и поспешили к лесу.

Андрюша понял, что выхода у него нет — только за ними! И не выдавать себя, пока возможно. На его стороне — внезапность...

29.

Сначала Андрюша шел быстро — ему показалось, что если все те, кто идет впереди него, свернут на какую-нибудь тропинку, то он проскочит мимо, и придется тогда плутать по незнакомому лесу... Он спешил, боясь отпустить от себя Эдуарда и Василия.

Они уже вошли в лес, где под деревьями было совсем темно, и Андрюша чуть не налетел на них, выскочив из-за толстого ствола. Совсем рядом скользнула луч фонарика, он шастал по листве и стволам, потом метнулся вбок, осветил позумент на камзоле и погас. Эдуард и Василий решали, видимо, по какой тропе идти. Андрюша зажмурился и услышал, как, перекрывая неровный стук капель, срывававшихся с листьев, запела первая пти-

ца. Услышав ее, принялась выводить несложную мелодию вторая, третья. Начинаясь утро.

Андрюша старался держаться сзади, а на разных участках дороги отставал настолько, что силуэты преследующих сливались с сеткой дождя. Эдуард с Василием тоже шли осторожно, приостанавливались на поворотах.

Так прошло более часа. К пяти в лесу совсем рассветло, дождь почти перестал. Вот-вот должно было взойти солнце, приближение его ощущалось в растущем буйстве птичьих голосов.

Лесная дорожка, кое-где заросшая, кое-где протоптанная плотно и широко, вывела к узкой и длинной долине, по которой протекал ручей. В зарослях тростника просвечивала вода, взрябленная дождем. Дорожка выбежала на берег и шла по опушке, но Андрюша не решился выйти на открытое место и потому пробирался кустами по краю леса, где с каждой ветки за шиворот сыпались ледяные капли.

Что-то тяжело вздохнуло в тростниках, взлетели утки, и сверху Андрюша увидел скользкую черную спину какого-то чудовища, которое медленно пробиралось к полюсе открытой воды. Эдуард с Василием тоже заметили чудище и остановились. В тишине до Андрюши донесся высокий голос Эдуарда:

— Крокодил!

— Не,— ответил Василий,— крокодилы у нас не водятся. Сом это, о нем давно известно, что здесь обитает. Только ничем его не взять. Даже пулей.

— И не нужно,— сказал Эдуард.— Мясо у него несъедобное.

— И мясо паршивое,— согласился Василий.

Сом на секунду выставил из воды тупое рыло с маленькими тусклыми глазками, пошевелил усами в метр длиной и ушел в глубину, взбаламутив воду. Тростники долго еще покачивались, а утки летали над водой, не решаясь опуститься.

Дорожка подвела к самой воде. Здесь, в узкой горловине, ручей бурлил горным потоком, и переходить пришлось по скользкому бревну. Затем тропинка ушла в сторону от ручья, вверх, в светлую и прозрачную березовую рощу. Андрюша перебежал от ствола к стволу, солнце неожиданно выскочило из-за горизонта, разорвав облака, его лучи ворвались в рощу, прорезав ее насквозь.

Эдуард и Василий остановились перед громадным серым валуном. Фельдшер наклонился и пошел вокруг камня. Василий закурил, потом зашагал дальше. Эдуард догнал его.

Когда Андрюша достиг того же места, он увидел на валуне слова «Царицынь Ключь», выбитые глубоко, резко.

У камня дорожка кончалась, и Андрюша понял, почему Эдуард бродил вокруг,— он искал следы.

Эдуард с Василием почти скрылись за деревьями. Высокая мокрая трава доставала до колен, и Андрюша шел по узкой тропинке, протоптанной недавно. Тропинка вновь привела к ручью, к тому же, что впадал в тростниковое озеро. За ручьем к берегу, отороченному полосой камней и песка, подходили строем мрачные ели. Там и скрылись Эдуард с Василием.

Черный еловый лес не хотел пропускать, словно сторожил заколдованную страну. Стволы стояли тесно, сухие ветки, тонкие, колючие, хлесткие, с оттяжкой били по рукам и по лицу, и уже через несколько шагов Андрюше показалось, что он заблудился навсегда и безнадежно. Он остановился и услышал, как впереди трещат сучьями, продираются вперед, ругаются преступники. Вскоре он не только догнал их, но чуть не налетел на Василия. Шофер бился, дергался на небольшой прогалине, и Андрюша не сразу сообразил, что же произошло. Потом понял— Василий угодил во владения лесного паука, затянувшего седой, сверкающей каплями дождя сетью-занавесом ход между елями. Василий плясал, дергался, матерился, выдирая руки из клейких цепей. Паук, размером с блюдец, сидел на краю паутины и ждал, когда же его жертва уgomонится.

— Эдик! — вопил Василий.— Кончай гоготать! Он же ядовитый!

Эдик не гоготал, просто от страха у него изо рта вырывались странные кудахтающие звуки.

— Я,— выговорил он наконец,— я пауков боюсь.

— Режь! — закричал Василий.— Режь, говорю!

Эдуард Иваныч поднял зонт, как шпагу, сделал несмелый выпад.

— Коли! — вопил Василий.— Он же меня гипнотизирует!

Паук и в самом деле рассматривал свою жертву. Может быть, ему давно не попадались люди.

Эдуард, зажмурившись, принялся молотить зонтом по паутине, и в конце концов она покачнулась, нити обвисли.

— Да ты меня-то не бей! — кричал Василий.

Паук, поняв, что завтрак упущен, исчез за темным стволом. Василий начал отрывать от себя прилипшие нити, а Эдуард сказал:

— Пошли дальше, а то упустим.

— Ты первый иди,— сказал Василий.— Не знаю, сколько их тут повешено.

Поспорив, они пошли рядом, плечо к плечу. Фельдшер не выпускал из рук зонта, размахивал им, обламывая сучья.

Андрюша двинулся следом. Нагнулся, проходя под рваным занавесом паутины, миновал его, оглянулся. Паук выполз на ветку и начал чинить сеть. Он взглянул вслед Андрюше, и тому показалось, что паук подмигнул ему. Чего, конечно, быть не могло.

Темный еловый лес внезапно поредел, и Андрюша вновь увидел Эдуарда и Василия. Они стояли у сгнившего, некогда полосатого шлагбаума, упавшего на камни неширокой, мощенной булыжником дороги, возле покосившейся маленькой будки, покрашенной в черную с белым елочку. Дорога начиналась от елей внезапно, будто выскочила из-под земли. А на холмике у самой дороги, на солнышке, сидели рядом дед Артем и Ангелина. Перед ними был расстелен на траве белый платок, лежало полбуханки хлеба, несколько яиц и огурцы. Поодаль на суку, нависшем над дорогой, сидел ворон. Из клюва торчал кусок хлеба.

Андрюша присел за кустом и пожалел, что ему не пришлось в голову взять с собой съестного.

Видно, та же мысль посетила и Эдуарда.

— Проголодался я,— тихо сказал он Василию.— А у меня дома еще банка икры осталась... Выкинуть надо бы, а жаль, я в отпуск хотел съездить к бывшей теще в Ялту. Взял бы с собой.

— Дай поесть,— сказал Василий.— Я в подвале сидел.

— Потерпи,— прошептал Эдуард,— прошу, потерпи.

— И выпить бы. Надоело. Всю жизнь терплю. Всех убью!

— Возьмем клад, будет полная свобода.

— А вдруг денег мало? — спросил Василий, и у него громко заурчало в животе. Он сердито стукнул по животу кулаком, ворон Гришка заглотнул хлеб и взлетел с сука.

— Ты куда? — спросил дед Артем.

— Сейчас,— ответил ворон и полетел назад, осматривая дорогу. Василий с Эдуардом нырнули в кусты, замерли. Андрей сжался. Ворон сделал круг над кустами и вернулся обратно.

— Там есть кто? — спросил дед.

Ворон открыл пасть, щелкнул клювом, Ангелина кинула ему кусок хлеба.

— Идти бы надо,— сказала она,— солнце уже поднялось. Парит.

— Сейчас,— сказал дед.— Он насытится и полетит.

— Только ты, дедушка, снаружи подожди. Может, и в самом деле надо, чтобы я одна пошла?

— Подожду, подожду, хоть и не верю я в это.

— А чего пошел тогда?

— Тебя одну оставлять не хотел. А вдруг Васька тут ходит.

Ворон поднялся и медленно полетел вперед. Артем и Ангелина собрали остатки еды в платок, дед сунул узелок в заплечный мешок.

— Не доели,— сказал Василий с ненавистью.— Зажрались...

Преступники кралась по кустам, а дед с Гелей шли неравномерно: то быстро, если ворон припускал вперед, то медленно, если он поднимался выше и кружил, припоминая дорогу. Иногда до Андриюши доносились обрывки их разговора.

— Это его дорога,— сказал дед Артем.— Ее мой отец видал...

— А почему не достроил? — спросила Ангелина.

— Может, указание получил, что не придет императрица, а может, деньги кончились...

Перебивая слова деда, до Андриюши донесся злой шепот Василия:

— Слышишь, кончились деньги! А мне за что в тюрьму садиться?

— Врет все дед,— успокоил его Эдуард.— Потому и не достроил майор, что деньги спрятал. Дураку ясно.

Дорога пошла вверх между крутыми каменистыми холмами, снова вышла к ручью, он стал теперь узким, тек круто, звенел хрусталем по камням. В бочажке лениво кружились хариусы метровой длины. Андриюше пришлось выйти на дорогу, потому что она шла вокруг большой скалы: отвесный склон слева, справа — обрыв.

На скале на большой высоте были выписаны белой краской метровые буквы: «Сандро Шейнкманишвили. Одесса, 1973».

— Смотри,— долетел возглас деда.— И сюда турист добрался!

— Они везде проникают,— сказала Ангелина.— Помню, проходили через деревню, пели про дикий Север, про моржей, иконы спрашивали.

— Экологическая угроза. Обязательно лес спалят!

Дед с Ангелиной исчезли за поворотом, и больше ничего не было слышно, кроме пения птиц да журчания ручья внизу.

30.

Перевалив через горб горы, дорога покатила вниз, в тесную долину, окруженную зубами темных скал. Ручей исчезал в яркой зеленой траве и появлялся вновь уже по выходе из долины. Попасть туда было нелегко. Сверху Андриюша видел, что дорогу, прорезавшую полукольцо скальной стены, перегородил обвал. Перед баррикадой глыб, как перед закрытой дверью, остановились Ангелина с дедом. А где же бандиты? Ага, вот они, приехали за скалой метрах в двадцати от завала.

Дед и Ангелина глядели на Гришку, который поднялся высоко вверх и кружил, будто забыв, куда двигаться дальше. Андриюше видно было, как старик первым полез вверх, положив на дорогу мешок с едой, чтобы не мешал. Ангелина взобралась следом, вот они уже смотрят сверху на зеленый стакан долины. В небе появились черные точки, они росли, приближаясь к Гришке, и тот нырнул вниз, видно, испугавшись,— к нему приближалась целая стая громадных летучих мышей. Они окружили Гришку, закрутили, потом от стаи отделилось черное пятно — распростерши крылья, ворон планировал, рывками приближаясь к земле. Он исчез за завалом, а стая, сделав круг, повернула обратно... Дед и Ангелина, спотыкаясь, бросились вниз. И тут же из-за камня поднялась неуклюжая фигура Василия, он бросился к завалу, схватил мешок с едой, потащил к себе. Эдуард, поднявшись, шипел на него, махал руками:

— Брось, тебе говорят, брось, увидят!

Мешок был, видно, плохо завязан, раскрылся, из него посыпались на дорогу куски хлеба, покатались яйца и огурцы. Василий кинулся подбирать добро. Он заталкивал в рот яйца и огурцы, чавкал и рычал так шумно, что, видно, дед услышал — его голова вновь оказалась над завалом. Эдуард нырнул за камень, а Василий продолжал ползать по дороге. Голова деда тут же исчезла, Эдуард кусал ногти и топал ногой.

— Все пропало! Увидел он тебя, понимаешь, увидел!

— А они и сами не найдут,— невнятно сказал Василий.— Гришку-то пришили. Нельзя туда ходить, понял?

Андриюше сверху было видно скрытое от Эдуарда: там, за завалом, по узким остаткам дороги, прижимаясь к скале, спешили прочь дед и Ангелина. Ангелина прижимала к себе Гришку, дед нес пустой бидон. Они осторожно спустились с обрыва и начали пробираться по краю зеленой поляны, перепрыгивая с камня на камень. Однажды дед оступился, и нога его ухнула в зелень. Андриюша понял, что зелень эта — трясина.

Ангелина с дедом обогнули половину зеленой топи

и приближались к дальней стене долины, где из трясины торчали пальцами деревянные столбы — остатки моста. Эдуард уговорил Василия проползти вперед, забраться на завал. Увидев, что старик с девушкой ушли далеко, Василий вскочил на ноги и крикнул:

— Стойте! Вы куда?

Его крик достиг беглецов, но не остановил. Они оглянулись и исчезли в узкой расщелине среди скал. Василий скатился вниз, к зеленому полю.

— Стой! — крикнул ему Эдуард. — Меня подожди!

— Еще чего! — огрызнулся Василий. — Без тебя доберусь!

Он влетел в зелень большим прыжком и не сразу сообразил, что почва не держит его — жидкая грязь брызнула из-под ног, пачкая салатную траву. По инерции пронесся еще два шага, завяз по колено, вырвал с трудом ногу, рванулся дальше... Уйдя в трясину по бедро, Василий повернул назад и только тут обнаружил, что до берега уже метров шесть.

— Эй! — крикнул он Эдуарду. — Дай руку!

— Как же я дам? — Эдуард понял, в чем дело, и замедлил спуск к болоту. — Сам выбирайся. Убежать от меня хотел! — Василий рванулся к нему и погрузился по пояс. — Ты чего? — вдруг испугался Эдуард, увидев тоску в глазах шофера. — погоди!

Андрюша побежал со своей горы вниз, к завалу, и через несколько шагов потерял людей из виду. Когда он снова увидел их, Эдуард метался по берегу, протягивая Василию зонтик. Андрюша оглянулся — нужна какая-нибудь палка, шест, но вокруг топи не было ни единого деревца. Лес остался далеко позади.

Василий погрузился по шею, глаза его вылезли из орбит.

— Не могу! — крикнул ему Эдуард. — Прощай, товарищ! Не в силах помочь... Храни человеческое достоинство!..

— Эдик, — хрипел Вася. — Спаси, я тебе все деньги отдам, и клад себе бери, только спаси меня!

— Я бы рад... — расстраивался Эдуард. — Я бы рад...

— Вылезу, убью! — зарычал Василий.

— Прощай, — развел руками Эдик. — Ты не мучайся, сразу ныряй.

— Нет, сволочь! — отказался от совета Василий. — Я на твердом стою! — Жижя подобралась ему к подбородку.

— Стоишь? — переспросил Эдуард. — Ну и ладушки. Это изумительно. Это восхитительно. Замечательно. Стой.

— Эдик! — закричал Василий. — Я тебя под суд подведу!

— Не надо, — Эдуард концом зонта стряхнул с майорского сапога грязь. — Ничего это тебе не даст. Стоишь ведь, не тонешь? Я за ними сбегаю, клад отберу — и к тебе. А ты подожди. — И Эдуард пошел по краю трясины, с камня на камень, вдоль стенки, как недавно шли дед с Ангелиной.

— Эдиик! — несло ему вслед. — Эдиик — погибну! Вернись! А то скажу, как лекарствами торговал! И где иконы лежат!

— Молчи, подонок! — Эдик подобрал ком земли и кинул так, что он упал в воду рядом с Василием, колых-

нул топь и обрызгал шофера до затылка — голова стала бурой от грязи и без слов хрипела с ненавистью вслед фельдшеру. — Терпи, — сказал Эдуард, — твой вид отвратителен. — И легко, с камня на камень, поспешил к расщелине.

Андрюша подождал, пока он скроется, и перебрался через завал. При виде его Василий заморгал глазами, всхлипнул с надеждой:

— Стуудент... Студент, спаси, я все скажу!

— Стой, — сказал Андрюша без жалости. — Чего мне тебя жалеть? Грязь для тебя оптимальная окружающая среда.

— Студент! — шипела голова. — Интеллигентный человек!

— Я тебя буду спасать, а Эдуард в это время на Ангелину нападет? Он же бессовестный.

— Студент! — упрямылся Василий. — Я с тобой поделюсь. У меня облигации есть... Не хочешь? Убью!

Из трясины возникла лягушка, большая, зеленая, с белым гладким пузом. Приняв голову Василия за камень, вспрыгнула на нее и удобно уселась. Как шляпа. И плялила бессмысленные глаза на Андрюшу. Под тяжестью лягушки Василий ушел в воду еще глубже, даже подбородок скрылся в трясине. И он замолчал, чтобы не наглотаться.

— Я вернусь за тобой. Если он обманет, я вернусь, — сказал Андрюша и направился к глубокой темной расщелине.

31.

Шаги в расщелине раздавались гулко, по стенам скакала вода, вливаясь в ручеек, что журчал по дну. Воздух был удивительно чист, пахло озоном, словно тут недавно ударила молния.

Скалы над головой сомкнулись, стало совсем темно, но через несколько шагов впереди забрезжило пятнышко света. Свет исходил из фонаря Эдуарда. Тот стоял перед новым завалом из рухнувших сверху глыб и шарил по нему лучом, разыскивая щель.

— Не может быть, — бормотал Эдуард дрожащим голосом. — Они завалить не успели бы... — Свободной рукой он раскачивал камни, ища тот, слабый, которым был закрыт путь. Раздался грохот, сверху посыпались новые глыбы. Фельдшер отпрыгнул назад. — Ногу! — взвыл он. — Ногу зашибли, сволочи!

Андрюша вдруг понял, что не хватает привычного звука — пропало журчание ручейка, под ногами было сухо. И повернул обратно.

Услышав впереди журчание, Андрюша провел рукой по стене и обнаружил у самой земли дыру, меньше метра диаметром, из нее и изливалась вода. Было страшно. А вдруг отверстие сузится? А вдруг и в самом деле обвал случился только что?.. В отдалении снова раздался грохот — Эдуард продолжал ворочать камни.

Андрюша сунул руку в низкую щель, и пальцы нащупали что-то мягкое. Птичье перо. Большое птичье перо.

Сомнения исчезли. Нагнувшись, Андрюша втиснул-

ся под низкий свод. Пришлось передвигаться ползком, перебирая руками в ледяной воде. Острый край сталактита полоснул по ладони... Ход шел вверх, но не сужался. Андрияша уже и не боялся, что он сузится. Но путешествие казалось бесконечным, саднила рука...

Наконец в лицо ударил ослепительный солнечный свет. Андрияша зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что свет пробивается сквозь зелень листвы. Здесь уже можно было встать на четвереньки, еще немного — и он поднялся и раздвинул мягкие ветви.

Он стоял на краю небольшой зеленой долины, заросшей деревьями и кустами, замкнутой с дальней стороны отрогами высокой горы.

Здесь было тепло и сухо. Только звенели комары, принявшие его за долгожданный обед. Андрияша отмахнулся от них и увидел свою ладонь — она была располосована, из открытой раны текла кровь. Чтобы смыть ее, Андрияша опустил руку в ручеек, который исчезал в черной пасти скалы. Кровь розовым облачком унеслась с водой, края царапины побледнели. Он вытащил из ледяной воды руку и увидел, что кровь уже не течет, а рана затягивается на глазах.

Андрияша вымыл в ручье лицо и снова взглянул на свою руку. Рана окончательно затянулась, лишь светлый шрам напоминал о ней.

— Сказка, — произнес Андрияша и пошел дальше, вверх по ручью, не глядя еще по сторонам, потому что не мог оторвать взгляда от собственной руки. — Нет, — сказал он, остановившись через несколько шагов. — Этого не может быть.

— Что делать, — отозвался знакомый голос. — Я тоже не допускал такой мысли, а ведь являюсь коренным уроженцем!

Андрияша раздвинул кусты и оказался на прогалине, где стояла белая мраморная скамья, а на скамье сидели дед Артем и ворон Гришка, живой, здоровый, но насупленный.

— Я, понимаете, руку раскроил, — сообщил Андрияша.

— А Гришка успел подохнуть, — сказал дед, — то есть находился в состоянии клинической смерти.

— Винивидивичи, — хрипло сказал ворон.

32.

— Где Геля? — спросил Андрияша.

— За водой пошла, к ключу. Там она в чистом виде.

— Зачем вы ее одну отпустили?

— Ей захотелось. Хоть и суеверия, зачем портить картину?

— А Василий в болото попал, — сказал Андрияша.

— Потонул? — спросил дед спокойно.

— Нет, по шее сидит. Надо будет на обратном пути захватить. На Эдуарда надежды мало.

— На кого? — удивился дед.

— Эдуард Иванович, фельдшер ваш. Разве непонятно? Они с Василием заодно, он и есть второе привидение. Это он все организовал, и с икрой тоже, и лекарствами торговал, и молоко они разбавляли. У него даже икра дома осталась, целая банка, теще хочет отвезти в Ялту.

— Улика, значит, — сказал дед. — Это удачно. А они что, выследили нас?

— Я потому и пошел, что испугался — их двое.

— Ага, их двое, а нас четверо, — дед шлепнул Гришку по крылу. — Ах, мерзавец, ах, хитрец, даже в погреб со мной остался! Васюку выпустил, а сам остался! Все рассчитал, мерзавец...

— Дедушка! — послышался крик Гели. — Иди сюда. Я воды набрала.

— Идем, — откликнулся дед. Гришка хотел было возразить, но потом махнул головой, соскочил со скамьи и пошел впереди пешком, поглядывая на небо. — Опасается, — пояснил дед. — Летучие мыши здесь вместо сторожей. А Гришка с их позиции предатель.

— Филлантэрроп, — откликнулся ворон.

— Ну, как знаешь. Я же тебя не осуждаю. А где Эдик-то?

— Он в пещере заблудился. У завала застрял.

— Это точ-на, — сказал дед. — Мы тоже сначала чуть не промахнулись. Дорога хитрая, видно, завал еще майор устроил.

Трава раздалась, открыв дорожку, выложенную плитами, аккуратно, одна к другой. Дорожка раздвоилась, уткнувшись в прудик, окруженный мраморным бордюром. Камень кое-где раздался, осел, между плитами тянулась трава.

По ту сторону пруда виднелась каменная ротонда, которую берегли львы, мирно положившие морды на лапы. Внутри стоял мраморный медведь в натуральную величину, из его пасти бил небольшой фонтан воды. Что это живая вода, Андрияша догадался сразу, потому что увидел, как к источнику направляется крупный заяц, держа на весу пораненную лапу. Кося глазом на Ангелину, стоявшую поодаль с бидоном в руке, заяц подскокил под фонтан и замер. Вода смыла с лапы кровь, заяц промок, Ангелина засмеялась. Гришка гаркнул, отгоняя зайца, и тот громадным прыжком сиганул через резные каменные перила между колоннами. Ангелина увидела Андрияшу.

— За нами шел? Ах ты, любопытный!

— Он охранял тебя, — сказал дед серьезно. — Там не только Васюка, там и его дружок, Эдуард.

— Этот тоже? А раков вы видели?

Раки сидели в прудике, их было три: Зеленые, метровые, глупые, они таращили глаза на пришельцев сквозь прозрачную воду. Вокруг раков медленно плавали золотые рыбины.

Андрияша увидел за деревьями темную крышу. Бревна, из которых был сложен маленький домик, давно уже проросли, и он стал похож на кипу деревьев. Ржавая, крытая железом крыша чудом удержалась в буйном переплетении ветвей.

— Я пойду, — сказала Ангелина. — Мне надо спешить.

— Идите, — согласился Андрияша. — Я вас догоню. Он пожалел, что не взял с собой фотокамеру. Едва ли он вновь попадет сюда. Не потому, что путь труден или далек: может, дорога все-таки заколдована? Открылась по сказочному велению и закроется вновь, пока через сто или двести лет не понадобится еще одной Ангелине спасти своего возлюбленного...

— Санаторий здесь построим,— сказал дед Артем.— Корпуса, травматологическую лечебницу, ванны...

Ангелина поглядела на поляну, на ротонду, на глупые морды раков и сказала:

— Жалко.

— Жалко,— сразу согласился дед и пошел вслед за Ангелиной.— Значит, так,— продолжал он.— Устроим здесь заповедник союзного значения и проведем отсюда трубопровод... и будем отправлять бутылки за границу.— Голос старика глухнул в зарослях, треуголка его мелькнула еще раз над листвой...

Андрюша заглянул в домик. Там было сумрачно и пусто, застарело, извечно пусто... Когда-то здесь жили люди, да давно ушли. На скамейке валялся медный ковш, две плоские бутылки забыты на полуразвалившейся печке. И еще одна треуголка... Андрюша протянул руку, и треуголка рассыпалась, а он подумал — вот здесь, на-

верно, и скрывался секунд-майор от царских посланцев, здесь и умер, забытый всеми. Может, где-то возле дома лежит его скелет — если не погиб он в лесу... Ржавая шпага без ножен торчала рядом с широкой лавкой. Шпагу Андрюша решил взять с собой, отдать деду. Пускай лежит она в корпусе санатория или в правлении заповедника под стеклом.

Андрюша наклонился, чтобы достать шпагу, и увидел под лавкой сундучок. Потасил сундучок на себя. Тот был окован железными полосами и закрыт.

— А вот и клад,— подумал Андрюша вслух и понес сундучок наружу.— Тоже передам деду,— решил он.

Так он и выбрался из домика-дерева — сундук прижат к животу, за ремень заткнута шпага с позолоченной гардой. Но далеко не отошел, потому что услышал знакомый и неприятный слуху голос

— Руки! — повторял этот голос занудно.— Руки!

Андрюша увидел, как по дорожке к ротонде пятаются Ангелина и дед. Дед держит обе руки кверху, Ангелина — одну, во второй — драгоценный бидон. Под ногами у них путается, тоже отступает ворон, а шагах в десяти надвигается невероятная фигура со сложенным зонтом в руке, оборванная до удивления, в клочьях камзола, без треуголки, страшная, одичавшая, задыхающаяся.

— Где клад? Где клад, я спрашиваю?

Дед и Ангелина молчали.

— Клад где? Убью, мне терять нечего! Ставь бидон на землю! — Ангелина опустила бидон на дорожку. — Назад! Еще назад!

Эдуард достал ногой до бидона, толкнул его, вода хлынула по дорожке, растеклась по камням, и тут же в щелях между ними полезли вверх тонкие зеленые ростки.

— Где клад?

— Эдик, — сказал дед, — не нужен нам твой клад. Оставайся здесь и ищи, сколько твоему сердцу угодно. Отпусти нас. Нам живую воду отнести нужно. А ты ее разлил.

— Хватит, — сказала вдруг Ангелина. — Надоело мне!

Она спокойно шагнула вперед, подобрала бидон.

— Не смей! — крикнул Эдуард.

Андрюша все эти долгие секунды никак не мог распутаться в сундуке и шпаге — сундук он не догадался поставить, и тот, тяжелый и неудобный, мешал вытянуть шпагу из-за пояса.

— Стой, подлец! — сказал Андрюша. Ему показалось, что говорит он значительно и веско, но голос сорвался на высокой ноте.

Эдуард оглянулся и увидел сундук. Он не увидел ни шпаги, ни Андрюши — он видел только сундук.

— Мой! — крикнул он и кинулся к нему.

Он налетел на Андрюшу, как бешеный бык, схватил сундук, рванул на себя, не удержал, тот упал, щелкнул, раскрылся, и из него стайей голубей разлетелись листы бумаги. Эдуард прыгнул вперед и накрыл собою сундук. Ожесточившись, Андрюша сделал выпад шпагой и с размаху воткнул ее в зад фельдшера. Тот взвизгнул, но добычу не выпустил. Андрюша уже понял, что сундук пуст — серебряная монета выкатилась из него, побежала, сверкая на солнце, по дорожке к круглому пруду и улеглась на бордюре.

— Так я и думал! — сказал дед, подобрав один из листов. — Это отчет. Об израсходовании государственных средств.

— Значит, денег нет? — спросил Андрюша.

— Откуда им быть? Наш предок реабилитирован! Посмертно!

— Я пошла, — сказала Ангелина. — Веня ждет. — Дед собирал листы отчета. — Ты справишься? — спросила Геля Андрюшу.

— Справлюсь, — ответил тот, отбрасывая ногой в сторону зонтик. — Идите. И вы вставайте, Эдуард Иванович.

Эдуард не отвечал. Одной рукой он держал себя за уколотое место, второй шарил внутри сундучка, все не веря, что тот пуст.

— Подлец, — сказала Ангелина, проходя мимо. — Еще Ваську простить можно, а вас никогда.

— Где деньги? — кричал Эдуард, не видя никого вокруг.

Монета, сверкающая на краю пруда, попала в его отчаянному взору. Эдуард пополз к ней по дорожке. Зеленые раки удивленно глазели на него — думали, свой. Неловко дернувшись, Эдик свалил монету в воду и тут же рухнул вслед за нею и сам, а раки подняли клешни, словно желая защитить сверкающее сокровище.

— Я за Ангелиной побежал, — сказал дед. — Вдруг там Васька?

— Не бойтесь, — сказал Андрюша. — Он теперь тихий.

Эдуард барахтался в прудике живой воды, сражаясь с раками, и победить в этой схватке никто не мог. Любая рана, любая травма затыгивалась тут же, оторванная лапа отрастала у рака на глазах, наверно, если бы кто из врагов откусил Эдуарду голову — и она отросла бы заново. Но голову раки фельдшеру не откусили, и тот вырвался из их объятий, вылез на берег, голый, белый, в свежих шрамах, и пополз обратно к сундучку, сжимая в кулаке серебряный рубль.

Андрюше надоело смотреть на фельдшера. Он сунул шпагу за ремень и огляделся. Увидел заросшую по дорожником тропинку. Пройду по ней немного, решил он. Пять минут ничего не меняют.

Раздвигая ветви розовых кустов и лопухов, схожих с бананами, увернувшись от здорового шмеля, Андрюша миновал домик.

Заросший мхом склон холма не пружинил, был твердым, но твердым иначе, чем камень, — эту разницу нельзя было выразить в словах или даже в мыслях, но она была. Андрюша опустился на корточки, оторвал пальцами слой мха — и увидел неровную, шершавую поверхность металла. Железная гора, подумал он, и взобрался на вершину этого небольшого крутого холма. Буйная зелень долины вокруг источника осталась внизу, здесь дул ветерок и было прохладней. Отсюда была видна крыша домика секунд-майора, скрытая зеленой шапкой листвы, белый купол ротонды и темный изумруд прудика... Андрюша огляделся. Долина Царицына ключа была кругла и ровным дном похожа на большой кратер, а металлический холм горбился как раз в центре этого кратера. И Андрюша понял, что, вернее всего, сюда в незапамятные времена упал огромный метеорит. Принесенные из глубин космоса странные соединения тамошних, неизвестных веществ пропитали родник, бьющий из земли, сказочной силой, и вода здесь приобрела свойства, которых нет больше нигде на свете.

А может, и не это? Может быть, эта металлическая глыба рождена в недрах земли и выдавлена оттуда сжатием или вулканическим взрывом? И сила ее — в сочетании элементов, родивших живую силу воды?

Дальше, за откосом, что-то светлело. Спустившись туда, Андрюша увидел на холмике, поросшем короткой травой, покосившийся крест. Трава там знала, что нельзя подниматься высоко, нельзя скрывать в буйстве своем память о том, кто здесь похоронен.

Рядом скамеечка, словно кто-то приходил сюда.

На кресте прибита табличка. Надпись почти выцвела, но под ярким солнцем Андрюша смог прочесть:

«Ея Императорского Величества Пресображенского полка секунд-майор Иван Полуехтов скончался декабря 8 дня 1762 года.

Мир праху твоему, отец и муж».

Андрюша присел на скамейку. Значит, он жил здесь, и сказка лгала, потому что сказки придумывают люди, которые не все знают. Никому в деревне не открыла Елена, что майор не погиб, а остался у своего ключа и жил тут еще долгие годы...

И вдруг Андрюша понял, что он — это не он, не Андрей Семенов, студент из Свердловска, а секунд-майор Иван Полуехтов, изгнанник и отшельник. Осенний ветер дует над этим холмом, майор думает о том, что то ли когда-то этот железный холм упал с неба, подобно огненным камням, и принес на землю тайну и живительную силу со звезд, то ли вылез из земли, а эта живая вода — само естество нашего подлунного мира... Тоска и одиночество владели им — тешила лишь надежда, что придет Лена, придет и останется здесь на неделю, скажет в деревне, что поехала к родным в Пензу. Обещала любезная пожить с ним, малыша возьмет, младшего, других нельзя, проговорятся...

Майор сунул руку в карман камзола, вытащил серебряный рубль — нужны ли кому эти деньги, оставшиеся от царской казны? Ясное дело, никто не поверит, что он все истратил на работу, не крал, не обманывал, не утаивал. Не докажешь... Секунд-майор поглядел на рубль с профилем императрицы, кинул вдалеке, в траву, а сверху спустился камнем верный Гришка, подхватил монету и унес. Может, поднятись сейчас, вернуться в Петербург, там жизнь, там балы и маневры, разговоры о политике и дворцы на набережных. Но нужно ли это тебе, Иван Полуехтов, ты же сидишь, годы проходят в забвении и ничтожестве, ждешь одного — как послышатся шаги у порога твоего домика. Придет твоя Елена, уже немолодая, растолстела, руки огрубели от работы, одна свой позор несет — мужиков нету, а она от кого — от духа святого третья дитя в люльке качает? А верна, через лес по дыре черной ходит и ходит к своему Ванечке, а Ванечка, хоть и не хворый — как тут захвораешь, если вода живая, только от тоски пропадешь, — но стареет Ванечка, сварливый стал.

Елена говорила — убежим, уйдем на юг, на Волгу, на Кубань. Но не тянет уже к людям, да и не может бывший секунд-майор заниматься разбойничьим делом или крестьянским трудом. Лучше останется он до смерти, как часовой на посту, у живой воды.

Порой станет совсем невмоготу, выходит тогда секунд-майор к людям в парадном мундире при шпаге, идет лесом, близко к домам не подходит, но на дымы глядит, на ребятишек играющих — на своих в особенности. Ребята крепкие — еще бы, вода живая в речке подмешана немного, а для здоровья хватает.

Иногда в лесу кого встретит... И люди уж знают, но считают его за неживой призрак, опасаются, бегут. Иногда медведя встречает знакомого, его еще в бытность в деревне учил из пушки стрелять. Медведь все ходит к пушке и, видно, медвежат научил.

Помру я, подумая спокойно майор, куда денешься? Помру. Пускай Елена здесь меня похоронит, отсюда вид

хороший, далеко на горы смотришь, на холодные вершины, на облака бегущие, на солнце, на птиц перелетных. Птицы опускаются у родника, раны лечат. И пройдет много лет, и попадет сюда какая душа, увидит мой крест и поймет мою печаль, и поймет, что эти годы жил я одной любовью, и без нее давно бы помер без следа и без могилы...

Крест стоял на зеленом косогоре, покосившийся крест, одинокий, как тот майор. Впрочем давший начало целой деревне — и Кольке, и Глафире, и Ангелине...

Надо идти обратно. Фельдшера оставлять нельзя, напакостит чего-нибудь, будет деньги искать, ротонду разрушит.

33.

Может быть, думал Андрюша, подгоняя сквозь черную пещеру присмирившего Эдуарда Иваныча, назовут санаторий или заповедник именем майора Полуехтова. Да вряд ли — он фигура как бы внеисторическая, не борец, не мститель. А жалко... Эдуард постанывал. В одной руке нес крышку сундука, в другой сжимал серебряный рубль с портретом толстой остроносой бабы с грудями, как жернова.

— Украли, — повторял он иногда и вздыхал. — Мошенники, грабители. Я же хотел для народа.

Когда они вышли из расщелины и впереди показалась трясина, Эдуард заволновался и сказал:

— Надо оказать помощь Василию. Мы гуманисты или нет?

— Гуманисты, — сказал Андрюша. — Сейчас принесете палку и вытащите.

Но палка не понадобилась. Они увидели, что Василий все так же стоит по горло в трясине, а на берегу сидит на корточках дед Артем с бумагой на коленях, рядом длинный шест. И пока они шли вокруг топи, Василий монотонно перечислял свои и Эдуардовы грехи, а дед в паузах приободрял его:

— Давай, давай, преступная твоя физиономия, все выкладывай, а то не видать тебе берега! — И Василий продолжал исповедь.

Он увидел Эдуарда, только когда они подошли к деду.

— Вот он! — забулькал Василий. — Он мной руководил. А я по глупости слушался. Где клад? Где деньги?

— Это легенда, только легенда, — сказал Эдуард. — И я спешил сообщить тебе об этом. И помочь выбраться из болота. Прости, что не смог сделать этого раньше — помогал Ангелине.

— Ну и подлец ты, Эдик, — сказал дед Артем.

— Это что у тебя? — спросил Василий, показывая глазами на крышку сундучка. — Клад?

— Сувенир, — быстро сказал фельдшер. Он был почти гол и прикрывал живот этой крышкой. — На память об историческом прошлом нашего края. Артемий Никандрыч, не верьте ни единому слову этого мерзавца и подонка. Он хочет меня оклеветать...

— Ничего, — сказал дед Артем, — разберемся.

Василия вытащили с трудом, пять потов сошло, пока

трясина отпустила его. Эдуард бегал вокруг и давал советы, когда же Василий вышел на берег и бросился в неудержимом гневе на своего учителя, тот так припустил по дороге, что догнали его только в лесу.

А еще шагов через сто увидели и Ангелину. Она уморилась, и Андрюша взял у нее бидон.

34

Вертолет стоял сразу за околицей, шагах в ста от дома. Рядом — пустые носилки. Вертолет медленно крутил лопастями.

— Улетят! — закричала Ангелина, бросаясь к нему. — Скорей, Андрюша!

Они побежали по улице.

— Эй! — крикнул Андрюша, увидя в кабине пилота. — Остановитесь! Мы живую воду принесли!

Ангелина приподняла бидон, чтобы пилот увидел.

Тот понял не сразу, потом выключил мотор, и лопасти отвисли, замедляя кружение.

— Чего? — спросил пилот. — Чего принесли?

— Живую воду, — сказала Ангелина.

— Прости, — сказал пилот. — Намек понял. За рулем не пью.

— Мы не вам, — сказал Андрюша. — Мы больному.

— Так и несите ему.

— Так он не на борту?

— Нету его.

Ангелина чуть не выронила живую воду. Из бидона плеснуло, и в том месте начала бурно расти трава, зацвели большие синие колокольчики, и пилот уставился в полном изумлении на это зрелище.

— Нету в каком смысле? — спросил Андрюша, чувствуя, как у него холодеют руки.

— Видите носилки? Как его донесли сюда, он с них и в кусты. В его состоянии это верная смерть. Ищут по кустам. А он в бреду.

В кустах возникло шевеление, и оттуда вытащили сопротивляющегося Вениамина. Повязка сползла набок, пропиталась кровью. А рядом бежал врач и норовил наполнить шприц, чтобы сделать больному успокаивающий укол.

— Веня! — закричал Андрюша. — Не суетись. Все в порядке!

— Веня! — Ангелина бежала к нему, прижимая бидон к груди.

— Вернулись? — Веня говорил быстро, глаза его лихорадочно блеснули, но он был в полном сознании. — Прости, Геля, я не мог улететь без тебя. Ты ради меня пошла ночью в лес, я же понимаю, и я не могу улететь, как дезертир... Поймите меня, — он обратился к врачу, — и простите, что заставил волноваться.

— Все хорошо, — сказал врач. Он воспользовался тем, что больной успокоился, и быстро всадил ему в руку шприц.

— Вот это лишнее, — заметил Вениамин. — Я уже покорился. — Он сам улегся на носилки.

— Вы можете умереть, — сказал врач. — Это безобразно.

— Ты пришла, Геля, спасибо тебе. Вода — это сказка, я понимаю, но ты пошла в ночь...

— Вода здесь, — сказала Геля. — Все в порядке. Она действует.

— Она действует, — подтвердил Андрюша. — Проверено.

— Товарищи, не задерживайте нас, — попросил врач. — Каждая минута — дополнительный риск.

— Доктор, — крикнул пилот, — вода действует, я видел!

— Ну какая еще вода!

Глаза Вени смежились, он засыпал со счастливой улыбкой, держа за руку Гелю.

— Дайте платок, — сказала Геля.

Она сказала это таким голосом, что Глафира без слов сняла с головы белый платок. Геля окунула его в бидон.

— Этих, фальшивомонетчиков, не видел? — спросил Андрюшу милиционер.

— Вон идут, — сказал Андрюша.

По улице поднимались парой Эдик и Василий — руки за спиной связаны, чтобы не передрались, — дед веревку в мешке нашел, — и лаiali друг на друга. Сзади кучером шагал дед Артем, держа их, как на вожжах.

Ворон Гришка поднялся в воздух, сделал круг над вертолетом, который, видно, принял за соперника, вторгнувшегося на его территорию. Спикировал на вертолет, больно клюнул в стекло кабины. Потом поднял гордо голову и сказал:

— Омниапрекларрарара!

Из леса вышла медведица. Она вела медвежонка учиться стрелять из пушки.

ПОБЕЖДАЯ, ЖИТЬ...

Борис
РЯБИНИН

Сколько же этих конвертов — белых, коричневых, голубых, с картинками и без, с марками знакомыми и незнакомыми! На конвертах — штемпели почти всех городов нашей страны, почтовые знаки Бельгии, ФРГ, Болгарии, Польши, Чехословакии... Нет, не стоит и перечислять, откуда приходят тысячи писем. «Свердловск. Писателю Рябинину».

Конечно, это можно объяснить тем, что Борис Рябинин — писатель широко известный. С 1936 года он издал около 80 книг. Его книги переведены на латышский, эстонский, украинский, грузинский, белорусский, английский, немецкий, французский, испанский, польский, финский, венгерский, румынский языки.

Можно объяснить популярность Рябинина и миллионными тиражами его произведений. И тем, что его творчеству присуща жанровая и тематическая многоплановость, разные проблемы близки перу писателя.

Но все же самое широкое читательское признание ему принесли статьи и книги об охране природы.

Их наполняет знание жгучих проблем современности, неистребимая любовь к природе, страстная гражданская позиция защитника всего живого на Земле, готовность вмешаться в конфликтные ситуации, чтобы помочь природе — основе основ жизни человечества.

Острое перо публициста обращено против всех, кто бездумно, потребительски, варварски подходит к природе.

Недаром статьи и книги Бориса Рябинина никого не оставляют равнодушными, они получают или горячее одобрение, или вызывают споры, даже попытки критикой ответить на критику.

И очень часто по произведениям Бориса Рябинина принимаются меры. Спасена от загрязнения, а значит, и от гибели река Чусовая в результате «Операции «Ч», которую проводил журнал «Уральский следопыт». Одним из инициаторов этой операции и активным участником ее был Борис Рябинин. Впоследствии свои очерки и статьи он объединил в книгу «Операция «Ч».

Таких фактов много.

Б. С. Рябинин — член Центрального правления Всероссийского общества охраны природы, он награжден высшим почетным знаком этого общества — «За охрану природы России».

Читатели видят в Рябинине одного из последовательных защитников природы в нашей стране.

Вот строчка из письма жительницы города Копейска Анны Кузьминичны Кичет: «Как где что случится (убивают зверей), сразу разные люди говорят: «Надо Рябинину написать».

Вот строки из письма Галины Серебряковой: «...прочла залпом вашу книжку «Человек должен быть добрым». Побольше бы такой подлинно гуманной литературы».

Вот письмо из Софии от Пехливановой: «Мы, многочисленные любители всего живого, читатели ваших книг и ваши почитатели, будем очень счастливы встретиться с вами и содействовать распространению ваших идей».

Свой первый очерк — о Каме — Борис Рябинин напечатал в «Уральском следопыте» в 1935 году, через год появилась его первая книга — «Каменные загадки», а еще через год была издана книга «Мои друзья», которая принесла писателю непроходящее читательское внимание. Она много раз переиздавалась в Москве, помогла рождению многочисленных книг о животных: «Твои верные друзья», «Рассказы о верном друге». «Вы и ваш друг Рэкс», «Ниггер», проблемных книг о природе — «О любви к животному», «Я — егерь», «Человек должен быть добрым», «Диалог о природе».

Годы не властны охладить сердце Бориса Рябинина. Он по-прежнему молод душой, крепок телом. Жизнь его буквально проходит на колесах и на крыльях. Откликаясь на призывы читателей, он летит то в Ленинград, то в Киев, то в Хабаровск, то на север Сибири, выезжает в командировки по просьбам «Литературной газеты» и «Литературной России»...

А ведь Б. С. Рябинину исполнилось нынче 70 лет. Но для него семидесятилетие — рубеж, за которым — новая большая работа. Будут новые произведения — значит, будут новые читательские письма с короткой надписью: «Свердловск. Писателю Борису Рябинину». Письма, которые говорят, что он нужен людям, нужен своей стране.

Лев СОРОКИН,
председатель правления Свердловской
организации Союза писателей РСФСР.

1.

Да, все-таки болото — не лучший способ существования... Он, боец Шубин, это сказал или кто другой вместо него, пытаясь иронией придать себе силы и выносливости? А стужа такая, что кажется, все тело превратилось в ледышку, и удивительно, что голова что-то еще сообщает. Потянуло дымком, немцы, что ли, развели костерок, тоже забыли, небось... Да нет, навряд ли, стерегутся всего, понимают, что костер может демаскировать их. Откуда же дым? Э, разве мало сейчас всякой гари, пожарщик. Всю землю спалили, гады! А пробирает как! Невтерпеж, право, ну, совсем невтерпеж: зубы выбивают быструю чечетку и все тело сотрясает мелкая знобкая дрожь; но терпеть надо, иначе — смерть. Тихо, товарищ Шубин, цыц, возьми себя в руки, сидел и сиди, сам залез в эту болотную черную жижу! Ты, солдат, должен жить, вопреки всему бороться, чтоб побеждать врага.

Газеты писали: когда в Сталинграде рухнули пять верхних этажей большого каменного дома, из нижнего этажа которого советские бойцы вели огонь по врагу, боец-киргиз, упорный парень, глянув на потолок (цел еще? не обзалился?), заметил: «Город устал, дом устал, камень устал. Мы — не устал...» А кто написал? Корреспондент. Значит, и он был там. Интересно, остался жив? Тоже, видать, лихой парень... Сейчас Алексей заимствовал для себя силу и мужество других. Снова и снова твердил себе: жить ты должен. Обязан! Иного не дано и быть не может. И ведь ты — уралец.

Снова вспомнилось, теперь совсем недавнее: прервалась связь во время боя, связисты восстанавливали ее, под огнем противника переправляясь через реку. Вода кипела от взрывов и обжигала ледяным смертельным холодом. Много наших побили тогда, многие ушли на дно, но кто-то каждый раз подхватывал провод, и доплыл... Вот и он тоже тянет связь: с переднего края, даже, по сути, из расположения неприятеля, собрав необходимые сведения, и доставит их командованию чего бы то ни стоило.

Кажется, стало немного теплее, или уже притупилась чувствительность, наваливается и давит какое-то безразличие ко всему, жизнь или смерть — не все ли равно? Каждому умирать когда-то, все живущее смертно. Нет, нет! Прочь слабодушие, это — предательство!

Немного анкетных данных.

Родился в Свердловске, работал в драмтеатре ведущим электросветителем. Когда разразилась война, ему дали броню. Нужный человек в театральном производстве, обязан оставаться в тылу. А он хотел на фронт, не раз приходил в горвоенкомат с документами, все как полагается. Его почти без слов заворачивали: «Годами не вышел, подрасти!» Раз вроде получилось. Приняли, пошел в казарму, остригли, в баню ходили группой. После построили и — на старый вокзал, получили продукты и — в вагон. Вдруг кричат его фамилию. Появился капитан, начальник эшелона. «Шубин!» — «Я!» — «Не я, а есть. Забирай мешок и следуй за мной.» Вышли. Первое, что увидел, — машина знакомая из театра. — «Садись и больше нос никуда не суй».

И только в конце 1942-го ему повезло — направили в авиатехническое училище, в Троицк, в Челябинскую область. Но через месяц училище расформировали, курсантов отправили на фронт (был тяжелый, переломный период), а новиков — домой. Что ты будешь делать!

После — опять ходил и ходил в горвоенкомат. Он хотел-таки своего добиться и добился. Отправили в Камышлов, в военное училище. Тут прибыла комиссия из Москвы — отбирали разведчиков. Предварительный отбор: проверяли реакцию, задавали вопросы. Отбрали. Внезапно опять застопорило: семилетка, мало знаний... И вдруг общее построение училища, начальник объявляет приказ: три четверти личного состава училища должны немедленно выехать на фронт. Все свершилось в одну минуту.

Не забыть, как у начальника дрогнул голос: «Сынки, кто считает, что не готов к фронту, может написать рапорт».

Уже шло сражение на Курской дуге. Танковый корпус, куда он попал, за трое суток вышел из строя, осталось три танка. Так начался фронт для рядового разведывательного батальона Алексея Шубина...

...Сорок четвертый. Осень. Наши с ходу взяли Луцк, а он, выбитый и отогнанный враг, потом окружил. Задача разведчиков была — помочь танковому корпусу прорыва. Разведчики один за другим уходили в расположение врага и не возвращались. Настал черед Шубина. Хорошо прошел почти всю дорогу. Да напоролся на фашистов. Те, похоже, тоже выясняли обстановку. Близился вечер, темнело уж, и все-таки увиде-

ли. Он уходил от них перебежками и вот тут попал в болото, в черную застывающую жижу с редкими пожелтевшими и увядшими кустиками рогаза. Осень, зелень отошла, хоть не больно надежное, а все же было прикрытые, маскировка. Надо дожидаться темноты. Решил дожидаться, не рисковать зря. Однако теперь встал вопрос физической выносливости, закалки, как выдужить. Не двигаться — превратиться в ледяную мумию, а двигаться — выдашь себя, убьют... Долго ли он сможет это выдержать? И сколь вынослив и долготерпелив, главное — вынослив, стоек и мужествен должен быть советский воин, чтоб свершилась победа?...

2.

Он пришел ко мне сам, предварительно позвонив по телефону. Представился: «Шубин Алексей Александрович». Тысячу раз извинился («оторвал от дела»).

Когда говорит, волнуется, наверное, пережитое встает перед глазами, напоминает о себе. Возраст? Около пятидесяти (после, в разговоре, уточнилось — пятьдесят шесть).

Отрекомендовался: председатель областной федерации по закаливанию организма холодом и зимним плаванием. «Моржи». Слыхали? Сразу сказал, что плоховато слышит: последствия войны. Да и со зрением тоже не все в порядке, по той же причине.

Что его привело ко мне?

Он — «морж»... И принялся горячо, заинтересованно пояснять: знаете, что это такое — купанье в любую стужу в проруби? Собственно, по его глубокому убеждению, это даже не спорт, а очень важный метод излечения, необходимый для тех, кому выпали на долю серьезные испытания, чей организм, здоровье, а отсюда и вся жизнь оказались в кризисном состоянии.

Но, может быть, прежде он завершит свою историю с сиденьем глубокой осенью сорок четвертого года в болоте, под дулами немецких автоматов? Да, да, конечно, затерпелся он...

3.

...Надо напрягаться, чтоб не замерзнуть, а он, наоборот, весь распустился, обмяк. Ждал, когда немцы уйдут, а они не уходили. Очень

трудно заставить себя что-то делать в такой обстановке. Трудно принудить себя вылезти. Наконец решился, вылез. И немедленно затрещали выстрелы. Правильно делал, что отсиживался.

Он опять стал делаться перебежками. Кольцо врагов раскололось, они бросились вперед, а он — назад. Вдруг поднялась стрельба с обеих сторон. Час от часу не легче. Пули — туда и сюда, жужжат, как осы. «Близко свои, кричу им, а они бьют», — рассказывал он. Все-таки вышел, добрался благополучно до своих. «В штаб, в штаб», — говорил задержавшим его. Разведчикам особый код давался. Его узнали. Но тут кончились силы, его всего било, и он не мог ни согреться, ни сдержаться этой проклятой дрожи. «Чувствую, теряю сознание. Физическая и нервная перегрузка. Рука вся искусана. Кусал, чтоб не потерять сознание». Посадили в машину, увезли. Пришел в себя в расположении части. Натерли спиртом. Вроде порядок...

А через сутки — опять болото. Попали под обстрел. Одна мина не взорвалась, другая тоже, все на том же болоте. Оно убивало, оно и спасало. Вся жизнь в мыслях, чувстввах прошла на этом болоте.

В том же, сорок четвертом, все это начало сказываться. Не выдержал организм непомерной, нечеловеческой нагрузки. К простуде прибавились контузии. Попал в госпиталь. Лежал, глаза закрыты — живой неживой, тыкали иголкой, ничего не чувствовал. Уколы, бесконечные уколы-инъекции... Врач-полковник из ставки главного командования учил бороться — психически, заставить себя; вставал на ноги благодаря этому. А то уж порой начинало казаться: все, не встану, конец.

В ноябре 1946-го демобилизовали. Из Берлина. Там окончился его ратный путь. Худой, одежда болталась, как на вешалке. Мучила гипертония. Приехал домой. Отец тоже больной. Надо работать, самое последнее дело — бездельничать; пошел в театр, на прежнюю должность. Приняли как героя, рады были, что вернулся.

А в военкомате, когда оформляли документы, сказали:

— Сейчас мы тебя комиссуем, будешь инвалидом второй группы...

— За меня ни одна девушка замуж не выйдет!..

Тот, кто сказал про инвалидность, засмеялся (нашел над чем смеяться). Алексей схватил чернильницу да в него, не владел собой. Прибежали солдаты, держат его, а он будто и совсем не он, не похож на сдержанного Шубина. Недели

через две пришли двое, отвели в одно учреждение, там допросили: почему он швырнул чернильницей в работника военного комиссариата, что хотел этим выразить? Нелепый вопрос.

В театре к молодому осветителю относились хорошо, как к ветерану войны и заслуженному человеку. В голозу лезло — зачем так мучиться, лучше умереть. Он начал сидеть, на лице обозначились глубокие морщины. Ничто не радовало, все существо пронизывало одно — боль, боль, боль. Вот оно, болото, когда сказалось. Где взять силы, чтобы жить, продолжать жить?

Иссякли силы, кончалась уверенность в себе, в способности преодолеть недуг. Сколько раз подумывал о самоубийстве...

Однажды знакомая девушка принесла фотоснимки: бутылка, а в бутылке она. Брат снимал. Ловко сделано. Алексей всегда любил всякие поделки, увлекало мастерство. («Я рукодел. Что-нибудь да делаю. Мастерским надо было родиться»). Рассматривал снимки, восхищенно покачивая головой; и как уж у нее вырвалось, наверное, и сама не знает:

— Не надо, Алеша. Не сиди тут. Иди...

Ничего особенного не сказала, но это послужило толчком. Сколько раз потом мысленно он благословлял ее имя, благодарил за сказанное: «Иди...»

Получилось вроде болеутоляющего допинга, ослабляющего страдания и придающего силы... Надолго ли?

Дома у рукодела устроено все своими руками — и электропроводка, и ванная; тоже лечебный фактор — поработаешь руками, и как-то спадает нерваная тяжесть, на какое-то время приходит общее облегчение. Одно время узлекался радиолобительством, пробовал всякие непросые вещи (что такое акупунктура, знаете?), пытался обратиться к иглотерапии — китайской медицине, хотел снять головные спазмы, не помогло. Делал разные приборы, испытывал на себе, тоже с лечебной целью, и тут же рядом мастерил для ребят разные вещицы. Любит детей. А дети чувствуют душу человека, тянутся к нему. Чем-чем, а их вниманием он не обижен (лучшая характеристика!).

Как ни жаль было расставаться (привык, полюбил; полюбил даже тишину пустого зрительного зала перед спектаклем, дышать воздухом сцены, — испытывал от всего этого величайшее наслаждение), но покинул театр — пошел на ВИЗ. В лабори-

торию. Потом перебрался на другой завод, уже в качестве начальника лаборатории. Начал учиться. Учиться было тяжело. Все ничего, и вдруг свет уходит из глаз. Снова боли. Такие нестерпимые, что хочется завывать волком, кричать на весь белый свет. Нет мочи терпеть. Все-таки за что судьба так жестоко обошлась с ним?

Закончил радиотехнический техникум, год проработал, поступил в УПИ — Уральский политехнический институт. На радиофак. Хорошие люди помогали всем чем могли. Но с радиофака пришлось уйти. Боли учащались; в голове зашевелилось: стоит ли жить дальше? Если никак не наступает улучшения, не лучше ли ускорить развязку? Он хзатался за голову, зажимал уши, словно кто-то продолжал нашептывать: хватит, хватит...

В какой-то мере помог ауто-тренинг; стал усиленно заниматься им, а в 196... году (точно не помнит) случайно услышал разговор в трамвае. Двое мужчин беседовали: «Вот я купаюсь, потому и крепкий». Почувствовал глухую зависть. А разве не может купаться он? Из дальнейшего разговора понял, что речь идет о зимнем купании. Как раз в ту же пору прочитал в газете (теперь он точно помнит: в 1965 году) про первый слет «моржей»-одиночек в Череповце. Думал, это те, кто начинал закаляться с детства (статья была: в семье детишки босые бегали по снегу и хоть бы что). Самому не попробовать ли? Терять все равно нечего. А, была не была. На стадионе «Динамо» записался в группу здоровья. Появились новые знакомые, друзья, тоже одержимые недугами, как и он, среди них — Курнев, уралмашевец, слесарь. Работал в цехе крупных узлов. Того к «моржеванию» подтолкнул радикулит. Познакомились. Курнев был одним из первых «моржей», занимался самостоятельно; потом на Уралмаше возникла своя группа, лечение Курнева дало толчок. Но это произошло позднее.

Первое купание... Первый раз — в холодную воду, поздней осенью. На городском пруду.

Курнев командовал себе: «Давай, давай!» У него был принцип самовнушения.

Врач: «Да вы с ума сошли!» Сойти и вправду, пожалуй, было от чего.

Лед стал, пошли, сделали небольшую прорубь, на мелководье, чтоб было по грудь. Чоб двое с боков держали.

— Кто желает?

Пошли двое. Их опустили и тут

же выдернули. Всплеснула вода, мелкие пузырьки разбежались по поверхности. У испугавшихся, точнее, окунутых был такой вид, будто они побывали на том свете и вернулись живехонькими. Даже не верится...

— Почему? Почему мелко и так быстро? — запротестовал Шубин. — Хочу глубже!

Окунулся с головой. То ли от ожидания чего-то необычного, сверхъестественного, то ли от нервного напряжения, а холода не почувствовал. Почувствовал победу над собой.

Вот так же он почти не почувствовал в первый момент холода там, в болоте, но тогда было совсем другое.

После — регулярные купания, три раза в неделю. Впрочем не надо думать, что все так легко и просто.

Показательные цифры: записалось в группу 120 человек; анкеты сданы — 65; приступили к занятиям — 50. К финишу пришло — 30, четвертая часть...

И все же. И все же. Те тридцать не пожалели, что не сдрейфили. Кому как, а он будто заново родился. Воскрес из мертвых. Да, да! Давно ли врач предупреждал: на втором этаже живешь, так на площадке постой, передышку дай. А то сердце не выдержит. И вдруг будто заново начал жить! Идешь домой, легко все, ясным взором озираешь вокруг, смотришь на окружающее.

А то «скорая» увозила домой с работы. Уходил на работу на своих двоих, возвращался на колесах.

Болели ноги. Забыл думать о ногах. Прекратились припадки. Сразу пошли в гору и дела: стал ведущим конструктором-электронщиком. Он на пенсию вышел с этой должности. Вот оно, чудо-«моржевание». Впрочем поразительное оздоровляющее влияние зимнего купания известно исстари. Известно, что Гиппократ купался, «моржевал», но Шубин преодолел себя, свою хворь — в этом главное.

4.

И все-таки, что привело его ко мне? Изведав все на собственном опыте, он захотел помочь другим людям, таким же страдальцам, каким в недавнем прошлом был сам. А ведь их, увы, не так уж мало. Много! Ветераны войны, которым пришлось вынести нечеловеческие испытания, увечные, наконец просто больные люди, от рождения стра-

дающие теми или иными недостатками или пороками организма. Надо им помочь! Знает по себе, как это тяжело, когда тебя не понимают или смотрят как на совершенно нормальное, обычное явление, что ты — инвалид, нетрудоспособный и вообще ни на что не способный, что с тебя взять? только охать да стонать способен. Вот он и пришел, чтоб поделиться своими мыслями и соображениями, попросить написать, чтоб о том стало известно всем...

Как хорошо, до чего чудесно, изумительно прекрасно, когда мы здоровы, когда все в нашем организме находится в равновесии, в том волшебном равновесии, которого на протяжении миллионов лет добивалась и добилась природа, когда ты почти не ощущаешь своего тела — так в нем все сбалансировано («легки телом и душой»), не ощущаешь и не задаешься вопросом, как действует тот или иной орган — все работают в удивительной синхронности и взаимосвязанности. Вот тогда и твоя работа ладится, всякое дело по плечу, не раздражают окружающие. Вообще человек здоров, пока он не чувствует своих органов, не задумывается над тем, что у него есть сердце, печени-селезенки и всякое прочее естество, необходимое для его существования. Великая вещь — здоровье! А если нездоровье?..

Но ведь еще наш великий соотечественник И. П. Павлов утверждал: «Для человеческой личности открыты чрезвычайные возможности не только направлять и совершенствовать свои привычки, но и в значительной степени регулировать природную силу или слабость». Замечательные слова! Значит, хочешь быть здоров — и будешь здоров, если захочешь по-настоящему. Раньше говорили: в здоровом теле здоровый дух. А может, при здоровом духе — здоровое тело?

Настоящие моржи — могучие морские животные — всю жизнь проводят у воды и в воде. Обитатели северных широт, они превосходно приспособлены к капризам сурового климата. Почему бы человеку хоть чуточку не позаимствовать у них?

Однако требуется соблюдение определенных условий.

— Самое главное, зачем я к вам пришел, — произносит Алексей Александрович, — это предостеречь от неправильных представлений и ошибочных поступков. Ледяная купель — чудесное, исцеляющее средство. Однако не всегда и не для

всех, это надо учитывать, чтоб не навредить себе. Некоторые поступают слишком лихо, раз — и в прогубь; а лихости не должно быть, ни в коем случае. Но это вовсе не значит, что надо отчаиваться. «Моржевание» — неправильно. Что значит «моржевание»? Закаливание, так будет правильнее и по сути и по форме. Тут, конечно, необходима врачебная консультация, постоянный надзор и совет знающих людей. Кому-то запрещено купаться, он ходит делает упражнения; солнце, ветер — тоже закаливание. Главное — не сидеть, не бездействовать и не ныть. Больше веры в себя! — Он умолкает, но видно, что ему хочется сказать еще очень много. Например, он мог бы сказать о своих взглядах на хатха-йога, чем, по его мнению, она уступает нашему методу закаливания. Хатха-йога не терпит никаких нарушений в режиме питания, труда и отдыха, а разве при нынешнем нашем образе жизни возможно достичь такого «железного» режима. Нереально! Хочешь не хочешь, а всегда могут быть отклонения. Нет, нет, он не хает хатха-йогу, а все ж...

Да! Мы не все сказали о нашем герое: он давно женат (женится в 1948 году), у него взрослый сын (живет отдельно, поскольку обзавелся собственной семьей), есть внучка — выходит, он уже и дедушка. Так что жизнь продолжается, друзья...

Любопытные могут справиться...

**Александр
НИКИТИН**

Каждый, кто впервые открывает страницы «Медного всадника», читает маленькое предисловие Пушкина: «Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. Н. Берхом».

Сопоставим эти строки с записью, сделанной в 1819 году пермским летописцем Федором Прядильщиковым: «Английский капитан по фамилии Кокрен проходит пешком из Петербурга в Камчатку. Отдохнув два дня у советника Пермской казенной палаты Берга, когда-то служившего волонтером на британском флоте, путешественник пустился дальше, не зная ни языка, ни обычая русской земли».

Не одно ли и то же лицо Берх и Берг? Звуки, а значит, и буквы х и г в русском языке легко заменяют друг друга. Но это, конечно, не доказательство. Мало что говорит о Берге и примечание, сделанное издателями Прядильщиковой летописи: «Берг известен многими литературными трудами, преимущественно исторического содержания. Пермской губернии касаются: «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей» и «Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии».

Обе книги отпечатаны в Петербурге в 1821 году.

Может быть, и нет смысла сравнивать и сопоставлять? Ведь Василий Николаевич Берх, как говорится в новейшем издании Большой Советской Энциклопедии, был русским историком флота и географом, а безымянный Берг — наверное, местным жителем, хотя и с морским прошлым, исследователем уральских древностей. В библиографии сочинений Берха энциклопедия не упоминает ни одного из названных выше пермских трудов, зато перечислены солидные сочинения о путешествиях в полярные страны, об открытиях Алеутских островов, о русской экспедиции Беринга. И как венец всех трудов названы «Жизнеописания первых российских адмиралов, или опыт истории российского флота», изданные в Петербурге четырьмя частями в 1831—1836 годах.

Эта первая попытка сопоставления, возможно, и оказалась бы забы-

той, если бы не случайная находка в Хмыровской коллекции газетных и журнальных вырезок столетней давности, хранящейся в Публичной исторической библиотеке в Москве. В папках с материалами об Урале в глаза бросилась извлеченная из восемнадцатой книжки петербургского журнала «Сын отечества» за 1819 год статья «О следах русских древностей в Пермской губернии». Там же значилось, что ее сочинитель — В. Н. Берх. Это был краткий рассказ о поездке автора в Чердынь и Соликамск... Сомнений не оставалось: советник Пермской казенной палаты Берг и автор «известия» Берх, на которого ссылается Пушкин в предисловии к «Медному всаднику», — одно и то же лицо.

Сохранившаяся в Хмыровской коллекции журнальная статья была напечатана как раз в 1819 году, когда к Бергу в Перми явился английский капитан Кокрен. Разыскал путешественник пермского советника, как теперь увидим, далеко не случайно. В том году в журнале «Сын отечества» напечатан «Отрывок из I части Истории Российских географических открытий, сочиняемой В. Н. Берхом».

Наверное, не найдя автора в Петербурге, англичанин узнал его пермский адрес и встретился с Бергом в пути. Речь в журнальном отрывке шла о походах казачьего головы Афанасия Шестакова и майора Павлутского, державших в двадцатых годах XVIII века путь в те же края, что и капитан Кокрен, — на Камчатку и дальше к Чукотскому полуострову. Так что двухдневная встреча и беседа могли быть очень кстати...

Но как моряк Берх попал в Пермь? Чем здесь занимался? Ответить на вопросы помог архив пушкинского друга, литератора и библиографа С. Д. Полторацкого. В отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина сумели собрать и сохранить даже мельчайшие заметки его. Среди бумаг и оказался написанный в 1834 году текст некролога, посвященного Берху. Из него следовало, что Василий Николаевич родился в Москве в 1780 году, долгое время жил с отцом в Риге...

В год рождения Пушкина Берх уже мичман, окончивший Морской кадетский корпус. И с тех пор в морях лежали его дороги: «Замечатель-

но, что из 9-летней своей гардемаринской и мичманской службы он только два с половиной года был на берегу. Остальные же шесть с половиной лет провел в походах на разных судах и морях». А один из этих походов стал пенсине великим в истории русского флота. В 1803—1806 годах Берх участвовал в первом кругосветном путешествии россиянина на корабле «Нева» под командованием Лисянского. Побывал Берх, наверное, и в Новом Свете, поскольку «сочинил карту Российско-Американских владений», за что в 1803 году был удостоен бриллиантового перстня от Александра I.

Однако тревожная жизнь на зыбкой палубе парусного корабля отомстила Берху. Пошатнувшееся здоровье заставило моряка сойти на берег: «...С 1810 по 1821 год служил советником Пермской казенной палаты, хозяйственного отделения». В Перми Василий Николаевич женился, завел немалое семейство. Казалось, бросил моряк якорь на всю жизнь. Но прозаическая служба не мешала ему мечтать о лучших временах. Впрочем не только мечтать, но и готовиться: «Берх знал английский язык совершенно, немецкий и французский очень хорошо; объяснялся на них свободно. Он любил читать и следовать за ходом просвещения; участвовал во многих литературных предприятиях».

Сообщаемое пермским летописцем Прядильщиковым сведение о том, что Берх был волонтером английского флота, не находит подтверждения в бумагах Полторацкого. Возможно, именно отличное знание английского языка и «веселый характер» Василия Николаевича этому причиной? Брошенная им шутка могла дойти, скажем, до летописца как заслуживающий доверия факт.

А какова настоящая фамилия моряка: Берг или Берх? Опять неточность летописца? Нет, наверное, Прядильщиков тут показал себя человеком точным. Можно предположить, что второй вариант фамилии носил скорее характер литературного псевдонима, постепенно закрепившегося за Василием Николаевичем. Косвенное доказательство тому — его сын, Николай Васильевич, московский писатель и переводчик, унаследовавший от отца все-таки фамилию Берг.

Поправив слегка на Урале свое здоровье, В. Н. Берх (Берг) в двадцатые годы переезжает со своим семейством из Перми в Петербург и служит в адмиралтейском департаменте по гидрографической части. И когда 7 ноября 1824 года произошло наводнение, Василий Николаевич составил наиболее полное известие об этом знаменитом происшествии. Мало того, Берх добавил все, что сумел найти в адмиралтейском архиве, и о прекрасных. Книга, изданная им в 1826 году,

называлась так: «Подробные известия о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге». Вот на эту книгу и ссылался поэт.

Александра Пушкина во время наводнения в северной столице не было: он отбывал ссылку в Михайловском. Поэтому ему и понадобились точные сведения очевидца и знатока. И непременно — опубликованные. Почему? Цензура не пропускала в печать новые трагические подробности кошмарного наводнения. А Берх был тогда уже авторитетным историком и географом.

Однако при жизни Пушкина «Медный всадник», кроме маленького отрывка, не был напечатан. «Высочайший цензор» поэта, Николай I, возвратил рукопись для переделки. Во многих местах стояли знаки вопросов. Царь не пропускал слово «кумир». Были вымараны образные поэтические строки, известные ныне каждому школьнику:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царцей
Порфиросная вдова.

Пушкин не хотел печатать поэму в урезанном виде или переделывать на николаевский вкус. Об этом своеобразном противостоянии поэта и царя знали многие современники, хотя и не все разделяли, вернее, не все понимали пушкинскую позицию. Относительно недавно найдены дневники сенатора Н. М. Смирнова, мужа хорошо знакомой поэту фрейлины Александры Осиповны Россет. Дневниковая запись о Пушкине относится к 1834 году:

«Не знаю почему, только, верно, из каприза лишает он в сию минуту нас поэмы «Медный всадник» (монумент Петра Великого). Я видел сию рукопись. Пушкин заставляет сумасшедшего... грозить изображению Петра Великого и за что? За основание города на месте, подверженном наводнению. Государь, зная, что Пушкин очень знаком с женою (бывшею тогда еще моею невестою в 1831 году), часто говорит с нею об нем и передает ему свои мнения через нее. Он прислал ей сей манускрипт со своими замечаниями...»

Что сенатору Смирнову казалось чуть ли не капризом, для Пушкина имело глубокий драматический смысл, было своего рода пружиной действия. Убрать или ослабить ее — значило бы нарушить масштабы восприятия трагической беззащитности маленького человека как перед стихией природы, так и перед стихией самодержавия.

Лишь после смерти Пушкина «Медный всадник» был напечатан в журнале «Современник» (1837, т. V, № 1). Вынужденные цензурой исправления сделал Жуковский. Особенно пострадал образ Евгения из-за того, что пришлось сократить эпизод

его бунта против «самодержавного великана», то есть бронзового всадника-царя. Полностью поэма опубликована только в советское время.

Однако и сокращенный вариант поэмы произвел на пушкинских современников огромное впечатление. Описание наводнения поражало воображение читателей. Белинский отмечал: «Картина наводнения написана у Пушкина красками, которые деною жизни готов был купить поэт прошлого века, помешавшийся на мысли написать эпическую поэму «Потоп»... Тут не знаешь, чему больше дивиться — громадной ли грандиозности описания или его почти прозаической простоте, что, вместе взятое, доходит до высочайшей поэзии».

Но указанное Пушкиным в предисловии «известие» Берха — не единственный источник поэмы. Еще в 1937 году литературовед В. Л. Комарович заметил некоторое влияние произведений Шатобриана на творческий замысел «Медного всадника». Критик привел отрывок из «Начезов» Шатобриана. Герой его, Шактас, блуждая по одному из Азорских островов, обнаруживает статую верхом на бронзовом коне, правая рука всадника указывала на запад:

«Я приближаюсь к этому необычайному памятнику. На его омытом пеною подножии выгравированы были неизвестные знаки; мох и морская селитра разъедали поверхность античной бронзы; альциона, сидящая на шлеме колосса, время от времени испускала томные звуки; к бокам и гриве скакуна прилипли раковины, и, казалось, если приблизить ухо к его расширенным ноздрям, будет слышен неясный ропот. Не знаю, являлось ли когда-нибудь что-либо более странное взору и воображению смертного».

Тогда же исследователь обнаружил идейное влияние произведений прогрессивного французского писателя и на некоторые другие пушкинские творения, в том числе на «Заметки о русском дворянстве», где также речь идет о Петре Великом. Говоря, что «Петр I одновременно Робеспьер и Наполеон», Пушкин очень близко подошел к характеристике русского царя-преобразователя и тирана. По мысли Шатобриана, идеальный диктатор должен быть «одновременно Вашингтоном и Бонапартом».

Однако эти истоки замыслов «Медного всадника» пока изучены недостаточно полно. А потому, как писал Пушкин, «любопытные могут справиться...».

Н. Н. Колосовский

Стахановец науки

Кирилл
НОВОСЕЛЬСКИЙ

«Свердловск УФАН Деменеву — считаю необходимым принять УФАН экономистом Колосовского старшего научного сотрудника института экономики АН тчк лично знаю высоко ценю тчк телеграфируйте ваши соображения — Бардин»

10 августа 1941 года, когда Красная Армия с тяжелыми потерями отступала на восток, эти лаконичные строки передал московский телеграф под диктовку академика Ивана Павловича Бардина, председателя президиума Уральского филиала Академии наук¹. Известен и текст ответной телеграммы, написанный Н. В. Деменевым, заместителем Бардина: «Принять согласны». И Колосовский выехал на Урал.

Спустя восемь месяцев вышел указ о присуждении группе ученых, в том числе и Николаю Николаевичу Колосовскому, Государственной премии I степени за работу «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны».

Мы не знаем обстоятельств знакомства Бардина с Колосовским, так что слова «высоко ценю» могли в равной степени относиться к его работам по проектам Урало-Кузнецкого комбината и сибирской сверхмагистрали, по размещению и проектированию медно-химического комбината на Южном Урале и изучению возможности строительства промышленных комплексов в бассейне Ангары, к его деятельности как профессора Московского университета и сотрудника академических учреждений.

Николай Николаевич Колосовский родился 19 сентября (1 октября по новому стилю) 1891 года в Нижнем Новгороде в семье секретаря ярмарочного управления. В роду у него были и инженеры, и рабочие-сормовичи, и служащие в небольших чинах.

С детства у мальчика стала проявляться склонность к естественным дисциплинам, поэтому после окончания частной подготовительной школы он поступил в реальное училище. Семья жила трудно, заработка

отца и стипендии Николая не хватало, чтобы прокормить еще двух братьев и трех сестер. Николаю — самому старшему из них — приходилось давать частные уроки. Но такая нагрузка не помешала ему все семь лет учиться охотно и легко, быть одним из лучших в классе.

Хотя основными в реальном училище были естественно-математические дисциплины, Николай увлеченно пишет реферат на постороннюю тему — «История общественного движения при Александре I». Этот «шаг в сторону» был сделан, возможно, не без влияния семьи большевиков Свердловых, с которыми Колосовские были в тесной дружбе.

Осенью 1909 года Николай успешно сдает конкурсные экзамены в Петербургский институт путей сообщения. Здесь кроме институтских дисциплин Колосовский с увлечением штудировал философию и политэкономию, особенно «Капитал» К. Маркса, историю и теоретическую физику.

Изучение этих наук стало для Колосовского не временным отклонением от основного пути, а шагами в одну сторону.

А за несколько месяцев до смерти, уже после инфаркта, перенесенного при обсуждении его доклада на заседании Географического общества, Колосовским была написана блестящая по силе научного обобщения работа о необходимости единства знаний для изучения и преобразования Земли.

События 1917 года застают Н. Н. Колосовского на строительстве одной из железных дорог в Забайкалье, где господствовали эсеры.

В апреле семнадцатого года он участвует в организации Совета рабочих и красноармейских депутатов и в установлении связей с большевистскими Советами на соседних горных промыслах. А в восемнадцатом Центросибирь¹ отзывая молодого инженера в Иркутск и поручает ему изучение транспортных связей с Ленским золотопромышленным районом, а затем и руковод-

¹ Сокращенно УФАН; ныне Уральский научный центр Академии наук СССР (УНЦ).

¹ Так назывался Центральный исполком Советов Сибири, под руководством большевиков осуществлявший строительство Советской власти в огромном крае.

ство Восточно-Сибирским округом шоссейных дорог.

Транспорт на бездорожных просторах Сибири стал важнейшим политическим фактором. Часто состояние путей сообщения определяло «скорость продвижения» Советской власти, а значит, и судьбу революции в целом. Не ошиблись в Центросибири: Колосовский успешно справился со всеми заданиями.

В 1921 году, когда гражданская война в основном закончилась и страна приступила к выполнению ленинского плана ГОЭЛРО, глубокие знания Н. Н. Колосовского понадобились в Москве, в горном совете Высшего совета народного хозяйства и во вновь созданном Госплане.

«С высоким достоинством ученого, инженера-проектировщика, лектора и педагога Колосовский сочетал и высокое благородство человека».

Какие ассоциации могут возникнуть у человека при слове «комбинат»? Кто-то сразу представит себе здание с многочисленными ателье и мастерскими — комбинат бытового обслуживания; другому врезался в память целый «город» производственных корпусов и труб. Ну, а если представить себе комбинатом территорию в четверть всей нашей страны, от Волги до Енисея, от гор Северного Урала до отрогов Тянь-Шаня?

Главными условиями для правильного межрайонного сочетания Колосовский считал наличие крупного скопления энергетических ресурсов и определенную степень их транспортабельности, а также «достаточно широкий и разносторонний комплекс природных сырьевых фондов».

Территория будущего Урало-Кузнецкого комбината этими свойствами обладала.

На XXVI съезде партии говорилось о том, что у нас накоплен богатый опыт решения сложных проблем в короткие сроки. В качестве примера было названо и строительство Урало-Кузбасса. Красочный «портрет» этого первого советского проекта освоения восточных районов страны с его подробными характеристиками за подписью «Н. К.» можно найти в 56-м томе Большой Советской Энциклопедии издания 1936 года.

Колосовский еще в 1921 году ознакомился с проектом УКК¹, разработанным Томским обществом инженеров по заданию В. И. Ленина. Проект предусматривал строительство четырех новых металлургических заводов на кузнецком коксе: трех на Урале близ рудных место-

рождений и одного в Кузбассе на местных рудах. На первый взгляд, этот проект лучше других подхватывал идею комплексного освоения богатств Урала и Сибири, но у него оказалось немало противников даже среди тех, кто в принципе поддерживал концепцию «сдвига на Восток». И доводы их были достаточно серьезны: доставка угля на Урал обязательно вызовет поток порожняка в обратном направлении и поведет к убыточности всего предприятия. Сильны были голоса и сторонников дальнейшего развития металлургии преимущественно на Украине.

В соответствии с решением XV партийного съезда была начата работа по составлению первого пятилетнего плана. Требовалось либо переработать Урало-Кузнецкий проект, либо отказаться от него. Казалось, грозит последнее...

В 1928 году руководство Госплана поручает Колосовскому ознакомиться с положением дел на местах предполагавшегося строительства. В августе того же года был заслушан его доклад, в котором Николай Николаевич выдвинул предложение о загрузке угольного порожняка, следующего с Урала, магнитогорской рудой. В результате должен был образоваться двусторонний поток, своего рода «маятник» угля с востока и руды с запада. Что касается уральских углей и собственного железа в Кузбассе, то их ресурсы рассматривались в докладе как страховые и требовавшие дальнейшей разведки. Обслуживать этот поток должна была мощная железнодорожная линия на базе уже действовавшей, так что вместо строительства нескольких новых «выходов» требовалось лишь достроить небольшие участки, смягчить уклоны пути и выполнить ряд организационно-технических мероприятий. Полное использование грузоподъемности поездов и высокая скорость доставки грузов настолько удешевили проект, что его целесообразность становилась очевидной.

«Маятник Колосовского» был одобрен и включен в пятилетний план на 1928/29—1932/33 годы, а состоявшийся в июне-июле 1930 года XVI съезд ВКП(б) прямо указал на то, что страна больше не может опираться только на южную угольно-металлургическую базу и необходимо немедленно создавать вторую в виде Урало-Кузнецкого комбината.

Сразу после съезда председатель Госплана Глеб Максимилианович Кржижановский поручает Колосовскому, которого считал лучшим знатоком Урала, организацию комиссии по УКК. В январе 1931 года комиссия приступила к работе. «Когда удалось добиться,— писал Колосовский в автобиографии,— чтобы проблема Урало-Кузбасского

комбината вошла органически в работу всего аппарата Госплана... я мог считать, что моя миссия по этому делу закончена, и я мог начать свое второе дело — Ангарострой».

Добавим, что Колосовский оставил в наследство тысячам инженеров, проектировщиков и других непосредственных исполнителей проекта замечательную книгу «Будущее Урало-Кузнецкого комбината», изданную в 1932 году. Читая ее, поражаешься, как мог один человек, не превращая свой труд в справочник, ярко показать: как будет мужать Урал и расти Сибирь, как будут постепенно цивилизовываться бывшие колонии России, где будут жить люди и чем питаться. И еще сотни проблем в этой небольшой книжке...

Идея о необходимости планомерного освоения востока, сформулированная лучшими умами России — М. В. Ломоносовым, Д. И. Менделеевым, В. И. Лениным, — стала идеей его жизни и практической деятельностью.

В октябре 1933 года Г. К. Орджоникидзе временно отозвал Колосовского на южный фланг УКК — председателем комиссии по размещению и главным инженером по проекту медно-серного комбината около разреза Медный к западу от Орска. Медногорский комбинат станет одним из самых мощных в мире предприятий по выпуску меди и серы одновременно.

В 1936 году успешно защищен Ангарский проект. Комплексное освоение ресурсов Прибайкалья было включено в третий пятилетний план, оборванный войной...

«...на Урале мы победим», — писал Колосовский в 1930 году, имея в виду индустриализацию края. Его предвидение сбылось. Но мог ли он тогда предполагать, что тем самым будет заложена основа для другой, самой дорогой для нас победы — в Великой Отечественной войне!

Война застала профессора Московского университета и старшего научного сотрудника Института экономики Академии наук Колосовского за разработкой вопроса о специализации экономических районов СССР на этапе решения основной экономической задачи — в течение 10—15 лет догнать и перегнать развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Такую программу выдвинул XVIII съезд партии в 1939 году после анализа итогов двух пятилеток.

16 июля 1941 года Совет Народных Комиссаров принимает решение об эвакуации из Москвы АН СССР. И хотя президиум был размещен в Казани, президент АН В. Л. Комаров и группа видных уче-

¹ В литературе встречаются два варианта расщифровки — Урало-Кузнецкий комбинат и Урало-Кузбасский комбинат

ных останавливаются в Свердловске¹.

В материальном и организационном отношении УФАИ был базой для деятельности комиссии Комарова, и Колосовский, возглавив группу экономических исследований при президиуме УФАИ, фактически выполнял оборонные задания комиссии, точнее — ее транспортной группы, руководимой академиком В. Н. Образцовым. Транспорт по праву называли тогда «родным братом Красной Армии».

Великая Отечественная война вызвала невиданное напряжение в работе транспорта страны, особенно железнодорожного. Был резко нарушен и усложнен привычный ритм его работы, существенно изменились направления и содержание потоков грузов. Урал, Западная Сибирь и Казахстан приняли у себя свыше половины эвакуированных предприятий из западных районов. Они остро нуждались в большом количестве сырья, топлива, дополнительного оборудования и в других грузах, а также в бесперебойном вывозе готовой продукции. Увеличилась нагрузка на многих местных узлах и направлениях, игравших до войны второстепенную роль.

В общем работа ученых представляла большая.

Группе Колосовского поручили изучение железнодорожной сети на Урале, ее готовности к выполнению военных перевозок 1942 года. В частности, по станции Смычка.

Предложения ученых были согласованы с Управлением железной дороги, одобрены Госпланом, и началась их реализация. А Колосовский тем временем уже работал над новым, тоже неотложным вопросом — устранением затруднений при перевозках кузнецких углей на Урал и в западные районы СССР. Проходит год, и новая неотложная проблема — развитие транспорта Казахстана.

Чем дальше знакомишься с биографией Колосовского, тем больше убеждаешься: вся его трудовая жизнь состояла преимущественно из неотложных мероприятий. «Ныряя» в глубь проблемы, отступая порой, он всегда держал в поле зрения главную цель, как бы свой собственный неизменный азимут.

Помню Государственной премии Н. Н. Колосовскому было присвоено звание «Стахановец науки по городу Свердловску». Это необычно звучащее теперь словосочетание является для нас ключом к познанию одной из главных черт ученого.

13 марта 1943 года, после ряда

крупных успехов на фронтах, выходит постановление СНК «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии наук в Москву». Вскоре из Свердловска уезжает и профессор Колосовский.

На этом, пожалуй, можно было бы и закончить последнюю уральскую страницу его биографии, если бы не одно обстоятельство. И. П. Бардин, образовав в УФАИ группу экономических исследований, положил тем самым начало новому направлению в уральской академической науке. Работы, начатые двумя экономистами — Колосовским и Загряцким 12 сентября 1941 года, были продолжены. В 1947 году группа стала именоваться сектором, в 1951 году сектор вырос в Отдел экономических исследований. А спустя 20 лет в составе Уральского научного центра был образован столь долгожданный Институт экономики, где около четырехсот сотрудников ведут сейчас разработки по самым актуальным вопросам развития уральского края.

В жизни человека — гражданина и патриота — личное и общественное сливаются, становятся нераздельными. «Урало-Кузнецкий маятник» и оправдавший себя в условиях войны экономический подход к решению сложных транспортных проблем — важные победы на жизненном пути Колосовского — явились в то же время его вкладом в победу политики индустриализации, в победу над фашизмом.

Теперь, в 80-е годы перед нами стоит огромной важности задача — повышение эффективности во всех сферах общественного производства. Одним из условий этого является рациональная организация производительных сил по районам страны, формирование в этих целях крупных территориально-производственных комплексов², обеспечивающих рост производительности труда и экономное расходование ресурсов.

Теория ТПК была разработана Колосовским в конце 40-х годов, и сейчас она активно входит в нашу хозяйственную практику. Оренбуржье и КМА, северо-запад Сибири и Южный Таджикистан — дела сегодняшние. Не за горами формирование ТПК в зоне БАМа и других районах страны.

Стройное учение об экономическом районировании, продолжающее и развивающее лучшие традиции русской научной мысли, проверенное на опыте строительства и проектирования крупных комплексов, на практике мобилизации ресурсов в период войны, — это вклад Колосовского в нашу общую будущую и самую главную победу. Победу коммунизма.

Рождение песни

**Борис
ЗЕЛИЧЕНКО**

Когда писатель Юрий Хазанович и режиссер Иван Правов только начали работать над сценарием фильма «Во власти золота» (по мотивам произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка), они решили — картине нужна песня или романс.

Композитор Е. Родыгин был назван сразу, а вот кто напишет текст песни?.. Перебрали имена всех известных поэтов и наконец остановились на Михаиле Пилипенко.

Песню Василия поэт написал на готовую уже музыку, написал быстро и хорошо.

Блеснут ли росы под луною,
Сверкнет ли дальняя гроза,
А мне все кажется, что предо мною
Горят лучистые твои глаза.
Свистит синица под сосенкой,
Над речкой трели соловья,
А мне все кажется, что песней
звонкой
Ты на свидание зовешь меня.
Не для того ли в теплый вечер
Цветет черемуха бела,
Чтоб в ожидании заветной встречи
Ты в косу веточку себе вплела.

Эта песня еще не была опубликована, ни в один сборник поэта Михаила Пилипенко не вошла.

¹ Президиум АН СССР был переведен из Казани в Свердловск только в мае 1942 года.

² Общеупотребительное сокращение — ТПК.

ДОРОГА

ДЛЯ

ЭЛЕКТРИ-

ЧЕСТВА

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Сто лет назад в металлургии произошло большое событие — уральские инженеры впервые в мире осуществили бессемерование медных штейнов. Это был неслыханно выгодный способ получения черновой меди. Обжиг и восстановление меди до тех пор продолжался шесть суток, а бессемерование позволяло получить готовый продукт за полтора-два дня. Пуд меди стал стоить не шестьдесят, а около сорока копеек. С того времени черновую медь во всех странах стали выплавлять так, как придумали уральцы...

Неметаллургам заметим: бессемерование — способ получения стали из чугуна, продутого воздухом. Этот способ придумал английский металлург Г. Бессемер, и он распространился по металлургическим заводам в пятидесятые годы прошлого века. Тогда и появились в цехах маленькие грушевидные печи, словно бы кувшинны, в которые через отверстия в днище (фурмы) дувался воздух. Вскоре в России на Богословском заводе горный инженер В. Семенников попытался с помощью продувки выжечь из расплавленного штейна железо. Кстати, штейн — это расплав серы, железа и меди. Вслед за богословским инженером эти опыты повторили на Воткинском заводе два молодых инженера — А. Иосса и Н. Лалетин. Но в общем-то верная мысль этих изобретателей слишком обгоняла их умение, и получить медь не удалось. Они правильно установили два периода бессемерования. Сначала надо из штейна выжечь железо, а уж затем и серу. Только тогда останется одна медь. Второй период и стал туником. Потому что тяжелая медь опускалась на дно и, охлаждаясь воздухом, закупоривала фурмы. И путь воздуху перекрывался. И бессемерование прекращалось.

И все-таки бессемерование меди не умерло. Его оживил другой уральский инженер — Александр Ауэрбах.

Кто он? Семь лет управлял Богословским горным округом. Был у него заслуги и на научном поприще. Одним из первых в России изучал минералы с помощью микроскопа. Был избран адъюнкт-профессором Горного института. Его заслуга на «практическом поле»: основал первый в России ртутный завод, участвовал в поиске каменного угля на Самарской луке. Словом, это был многоопытный инженер, исследователь.

А каким был в начале восьмидесятых годов прошлого века Богословский завод? Там работало около 400 человек. Они выплавляли в год более тысячи тонн меди.

Что в то время значила медь? Она была в семь раз дороже железа. Попадались еще и самородная медь. Американские газеты писали в прошлом веке о двухсотпудовых медных самородках, найденных где-то около

Верхнего озера. А в Сибири встречались глыбы меди весом до 500 пудов. Разумеется, не из самородков выплавляется вся медь, а из руд — из малахита, из красной руды, из медной лазури. В меди была большая нужда. Ее сплавы, а насчитывали их до 500, применялись очень широко и не в одной лишь технике. Медь сто лет назад — это сосуды, трубы, проволока, колокола, монеты, посуда, гвозди и прочая, и прочая...

Однако хотя медь и применялась тогда всюду — от дверных ручек до колоколов, но век меди лишь начинался, ибо наступал век электричества. На Всемирной выставке в Вене (1873 г.) изобретатель Фонтэн потряс публику, продемонстрировав ей первую линию электропередачи. Осенью следующего года на Волковом поле в Петербурге А. Пиродкий провел опыты по передаче электроэнергии на расстояние в километр. Электротехника начинала потреблять много меди. Медь поистине стала дорогой для электричества.

Поэтому и вспомнился этот эпизод истории металлургии. Бессемерование штейнов, которое провел на уральском заводе Александр Ауэрбах, позволяло выплавлять медь в больших количествах, соответствующих потребностям электротехники. Но как же изобретатель вывел плавку из тупика? Помните, медь в экспериментах молодых инженеров Иоссы и Лалетина опускалась и закупоривала фурмы в днище и оттого воздух переставал проходить в расплав, и процесс угасал... Ауэрбах нашел выход: он расположил фурмы выше днища. И это вроде бы маленькое новшество решило все дело. Так новая техника получения черновой меди победила старую во всех странах мира. Медная дорога для электричества началась на Урале ровно сто лет назад — проволоку стали тянуть из уральской меди.

И ныне бессемерование меди живет, это по-прежнему основной метод получения черновой меди из штейновых расплавов, только его теперь называют иначе — конвертирование. Разумеется, теперь уральцы плавят меди в Кировграде, Ревде, Карабаше, Красноуральске и других местах во много раз больше, чем в прошлом веке. Главный потребитель меди — электротехника. Например, пермский завод Камкабель расходует тысячи тонн этого металла. Правда, кабели делают также и из алюминия, а из меди тянут все более тонкие провода, и, значит, она должна быть сверхчистой. А это уже проблема металлургическая. И, возможно, ее решат тоже уральцы, уральцы двадцатого века.

ТЮМЕНСКИЙ СЕКУНДОМЕР

**Михаил
АЗЕРНЫЙ**

*Рисунок
Б. Калинина*

Поначалу я подумал о нем: пижон. Серебряный браслет на запястье, сам затынут в джинсы, те самые, без которых иные молодые люди чувствуют себя «голыми королями». Познакомил нас Андрей Кумиров. Знаю его давно, работал он в Москве тренером по биатлону, а сейчас неожиданно в Тюмени встретились, на Спартакиаде ударных комсомольских строек Западной Сибири. Оказывается, Андрей уже год как приехал в Сургут, работает инструктором физкультуры в «Спецнефтегазстрое».

— Ну какой он пижон,— рассмеялся Кумиров.— Будылин кто? Будылин и есть настоящий лидер!

Да, я просил Андрея показать мне лидера команды. Хотелось понаблюдать со стороны, потом потолковать и написать: вот он, современный покоритель Севера, труженик и спортсмен, человек широких интересов и высоких идеалов.

...А пока начинались «Тюменские олимпийские игры» — Спартакиада ударных комсомольских строек.

На стадион ездили в одном автобусе с «олимпийцами». Неизменно на переднем сиденье располагалась Люба Волегова. Прическа у нее а ля Мирей Матье, зато очень русский нос, чуть вздернутый, естественно... Она здорово пробежала кросс, вышла в лидеры по комплексу ГТО. Парни из Сургута подбадривали ее, носились вдоль дистанции, размахивали руками, скандировали: «Весь Сургут сегодня тут!» (Кстати, сургутяне стали победителями).

— Вы знаете, какие у нас ребята! — говорила Люба.— Можно все бросить: работу, комнату в общежитии, зарплату хорошую, а друзей... Нет, мне очень повезло!

Сама она из Перми. Но твердо говорит: «Мой дом теперь — Сибирь. В Пермь только в гости. Будете в Сургуте, спросите, где нефтеперерабатывающая станция «Западный Сургут». Там я работаю. Оператором. Приезжайте. Нефти нальем вам в пробирочку — сувенир для редакции...»

...Когда этот очерк будет опубликован, Люба Волегова уже станет дипломированным специалистом — окончит Сургутский нефтяной техникум.

Несколько раньше в Уренгое, на крупнейшем газоконденсатном месторождении, познакомился еще с одним лидером — Александром Коршуновым, физоргом комсомольско-молодежного строительного отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ.

Высокий, штормовка ладно облегает фигуру. Попадись Коршунов в свое время на глаза кинорежиссеру — судьба парня, возможно, была бы иной. А пока он плотник и не собирается расставаться с этой специальностью, потому что, как сказал Саша, «делают они здесь нужное дело».

Коршунов — москвич. Окончил Московский политехникум имени В. И. Ленина, работал в столичном СГПТУ-50 мастером производственного обучения, был комиссаром комсомольского оперативного отряда имени Дзержинского в Черемушкинском районе — лучшего отряда столицы. Кандидат в мастера спорта по самбо. И когда МГК ВЛКСМ стал подбирать кандидатуры для работы в Уренгое, Коршунов был включен в список одним из первых.

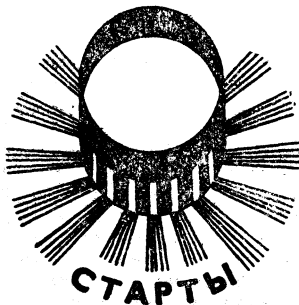
Рядом с общежитием, в которое вселили отряд, сразу же оборудовали волейбольную площадку. Здесь и состоялся летом первый волейбольный турнир покорителей Уренгоя. Провели первые соревнования по комплексу ГТО, отобрали команду и спецрейсом прилетели в Тюмень, на спартакиаду.

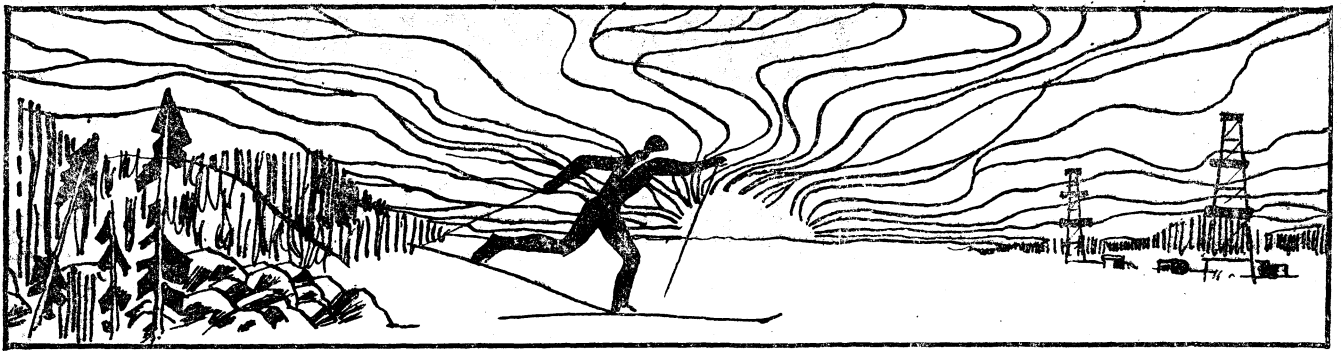
— Мир тесен! — воскликнул я, встретив Сашу.

— Мир широк! — парировал он с улыбкой.— Просто все дороги ведут в Тюмень, на Сибири нынче свет клином сошелся.

Ему надо успеть на стадион, в магазин спорттоваров, в обком комсомола, в облсовет «Труд». И все — за пять дней пребывания в Тюмени, больше никак нельзя задерживаться: в Уренгое его ждут с кедами и мячами.

— Слушай, прилетай еще раз,

лучше зимой — времени побольше будет, там поговорим, — кричит он мне на ходу и прыгает на подножку автобуса.

Я прилетел. Начальник «Главтюменьгеологии» Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Ф. К. Салманов держал сюда путь по своим служебным и депутатским делам, в его вертолете нашлось местечко и для корреспондента.

Ходили мы по майскому Уренгою. Многого изменилось за год, что я не был здесь: появилось несколько больших двухэтажных домов из соснового бруса, культурный центр начали возводить. А вот и спортзал, о котором говорил Коршунов. Работы здесь еще много, «начать да кончить», как сказал он.

Но Павел Баряев — командир комсомольско-молодежного строительного отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ, бригадир плотников, депутат Верховного Совета СССР (уже здесь, на Уренгое, был избран в парламент нашей страны), предложил интересное решение проблемы этой стройки:

— Давайте проведем поселковый конкурс по профессиям. Пусть соревнуются в своем искусстве монтажники, плотники, сантехники, каменщики, отделочники, маляры. Именно так мы и строили первый спортивный зал в Надыме.

А ведь идея!

Но все это было потом, после «Тюменских олимпийских игр». Какие люди приехали! Николай Кузьменко привез команду с Саяногорска; Иван Зеленко — «железный Изан» (по словам того же Кузьменко), тоже старожил Саяногорска, слесарем работал в нефтегазодобывающем управлении (НГДУ), заочно окончил Омский институт физкультуры; Василий Саломатов — краса и гордость команды, мастер спорта СССР по морскому многоборью и мастер слесарного дела из «Нижнеартовскнефтестроя»...

Кузьменко не скрывает: приехали они за первым местом, да, видно, трудноато придется.

— У Сургута тоже подобрались парни — один к одному, им, говорят, даже сборы устраивали перед спартакиадой.

У Кузьменко профессиональный взгляд на дело — не удивительно, Николаю окончил Киевский институт физкультуры.

— Как оказался на Саяногорске? О, это целая история. Роман!

Четыре года подряд Кузьменко ездил в составе киевского студенческого строительного отряда в Нижнеартовск. И встретился здесь с девушкой Светой, студенткой Томского инженерно-строительного института — она приехала на преддипломную практику. Так Саяногорск стал перекрестком судеб двух молодых людей. Встретились, полюбили друг друга, сюда и работать попросились. Роман!.. Сколько их зарегистрировано загсами Сибири в последние годы!

— Мы с этими романами не знаем куда деваться, — говорил мне как-то председатель Сургутского горисполкома А. Чинчевич (ныне работник Тюменского обкома партии). Не успеваем квартиры предоставлять молодежи. И не откажешь, Сибирь и Север — они для молодых!

— И для спортсменов, — добавляю.

— И для спортсменов! — согласился молодой мэр Сургута, возглавляющий еще и... городскую баскетбольную федерацию.

И как возглавляющий! Команда сургутского «Строителя» играет в чемпионате СССР по первой группе, участвует в международных турнирах.

Но дело не в общественной нагрузке А. Чинчевича, хотя факт этот уже сам по себе интересен (только в Сибири и можно встретить такие примеры). Александр Владимирович цифрами и фактами доказал прямую выгоду спортсменам для этого сурового края: они и лучше вживаются в новый коллектив, и успешней идет у них адаптация к трудным условиям работы, и сложное производ-

ственное задание им не страшно поручить.

Я тогда записал слова А. Чинчевича: «Человеческая надежность — вот что особо ценится в условиях Севера».

Люба Волегова, Саша Коршунов, Коля Назаров... В моих тюменских блокнотах накопилось полсотни фамилий, и каждая — иллюстрация на тему «человеческая надежность».

А что касается Сергея Будылина, которого поначалу посчитал пижоном, то, каюсь, ошибся в парне, я ему признался в этом.

У Сергея заработок не мал, но не легкий. Водит мощный «Урал-375» — плетевоз, как он назвал свою машину. Сам москвич, жил в Черемушках, работал в автокомбинате.

— Да я и не подходящий для вас герой. «Перекачи-поле» назвали меня в одном отделе кадров.

Там его не приняли на работу, сказали, что «теплых мест у нас нет».

— А зачем мне теплые места? Я от них уехал. Мне надо, чтоб трудно, красиво и, как говорится, выгодно мне и государству, — опять хохочет Сергей.

Конечно, трудовая книжка Будылина не может вызвать удивления у кадровика: в Новороссийске — машинист паровых котлов; в Каракумах — работа на бульдозере; учился в техникуме физкультуры в Душанбе, а по его окончании — инструктор спортивной команды на автопредприятии в городе Реже, что под Свердловском... Потом вернулся домой — в Москву. И думал, что больше нигде из столицы не сдвинется — хаатит, не мальчишка, чтоб искать романтику. Да вот что-то газеты, радио, телевизоры стали в последние годы неравнодушны к Тюмени.

— На юге был, в средней полосе был, на Урале был. Дай, думаю, и Север потрогаю руками. Поехал в райком комсомола, попросил путевку, и вот сейчас я — сургутянин. Он в общем-то никогда не чурался трудной работы, но то, что ему предложили в Сибири, никак не входило в его расчеты: водитель

трубовоза. Маршруты: Сургут — Уренгой, это 600 километров в один конец.

— Ходим в «связке» — по две, три, четыре машины. Зима — лучшее время работы...

Зима. О, эти сибирские зимы. Сколько раз случалось, что из-за сильных морозов утром машины не могут выйти на линию. Да и людям не прикажешь, если на термометре минус 41 — активированный день. Сиди дома, а зарплата идет...

Но вот спортсмен Сергей Будылин по зимнику, через болота, ведет свой плетевоз в Уренгой. В 50-градусный мороз.

«Хозяин дороги. Король Севера». Это Будылин говорит о своем «Урале». А ведь так с полным правом можно сказать и о самом Сергее. И все-таки подмыло меня спросить:

— Зачем же браслет?

Он протянул мне руку. На металле выгравированы его имя, фамилия, группа крови.

— Подарок от Николая Кузнецова, моего тренера. Все автогонщики носят — положено. Всякое бывает...

— Оказывается, ты еще и автогонщик?!

Николай Кузнецов, тренер из Режа, сразу увидел в Сергее толкового мотогонщика. С общефизической подготовкой у парня было в порядке — первые разряды по футболу и баскетболу, да и с техникой все же был знаком — работал на бульдозере, паровых котлах. Будылин быстро выполнил первый разряд по ипподромным гонкам, за сборную Режа выступил в областных соревнованиях. Уже вернувшись в Москву, участвовал в первенстве столицы. В российских авторалли выполнил норматив кандидата в мастера спорта.

А вот сейчас Сергей Будылин — участник Спартакиады ударных комсомольских строев Западной Сибири. Это первая его спартакиада на Тюменском Севере. В ней он к своим многочисленным спортивным «отметкам» прибавил еще одну. И тоже высокую: первый разряд по летнему многоборью ГТО.

Вот такие они, «короли Севера» с серебряными браслетами на запястье.

«Только не пиши о романтике. Ее в нашем крае вдоволь. Но мы-то зовем сюда молодежь не любоваться северным сиянием, не вдыхать запахи тайги, словом, не на экскурсию, а жить» — читаю я в блокноте «Салехард». Это мне говорил мой старый знакомый Валерий Бычек, морской инженер, мастер спорта по классической борьбе (тяжелый вес!), а ныне — первый заместитель председателя исполкома Ямало-Ненецкого автономного округа.

...Тюменский Север ведет строгий и беспристрастный отбор тех, кто ему полезен сегодня, кто ему нужен для атаки на завтрашние трудности. Слабые духом и телом здесь не продержатся и лета, а уж осенью и зимой их днем с огнем не найдешь.

Не удивительно, что Западная Сибирь — это и кладезь спортивных талантов.

Конькобежка Римма Жукова начинала путь к лавровым венкам чемпионки мира в Тюмени. Гимнаст Борис Шахлин, лыжник Николай Анкин — их первые спортивные пьедесталы тоже на земле тюменской, в Ишиме. Из Тюмени чемпион мира по классической борьбе Александр Чебоксаров. Скоростной Николай Кузьменко и Валентин Тимофеев в сборную команду страны были приняты «из рук» тюменского тренера Олега Шалыгина. Своими победами на чемпионатах СССР, в международных турнирах, на первенствах Европы и мира известны многие другие молодые сибиряки.

...Десять лет назад в свой первый тюменский блокнот я записал слова Б. Е. Щербинь, тогдашнего первого секретаря Тюменского обкома партии (ныне Борис Евдокимович — министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР): «Точка отсчета у них — здесь...» Он имел в виду «точку отсчета» жизни конкретных людей — группу демобилизованных моряков и пограничников, направляющихся в Нижневартовск и Надым; группу ткачих из Харькова — они приехали по комсомольским путевкам, хотя никаких текстильных предприятий на севере области, куда девушки держали путь, не было и в ближайшие годы не появится, — что ж, будут работать шуткатурами; группу буровиков из Куйбышевской области и Татарии, которые прилетели без никаких направлений, а только потому, что знают: самая большая нефть — здесь. С кем они будут, потянутся за кем? Или сами станут лидерами? Поведут за собой!

...Молодые спортивные парни Тюменщины как бы включили гигантский северный секундомер. Время — их соперник и друг. А время, как известно, работает на человека!

Путем Ермака

«Писал нам воевода из Перми, что послали вы из острогов... Ермака с товарищи воевать сибирские места сентября в первый день, а в тот же день сибирские люди к Чердыни приступали и наших людей побили и многие убытки нашим людям починили...»

Это послание-разнос Ивана Грозного солепромышленникам Строгановым, сохранившееся в подлиннике, точно датирует начало сибирской экспедиции Ермака — 1 сентября 1582 года.

Новейшие исторические данные позволили также полностью пересмотреть хронологию «сибирского взятия». Ставкой хана Кучума Ермак овладел 26 октября. Не было, как оказалось, многодневных битв, в которых кони бродили «по чрево» в крови — был стремительный набег. На своем пути к столице Кучума казаки Ермака имели только одну стычку с воинами хана.

В сентябре 1981 года часть этого пути повторила экспедиция — не на древних стругах, естественно, а на легких байдарках — организованная Свердловским обкомом комсомола, областным советом все-российского общества охраны природы и редакцией журнала «Уральский следопыт». В составе ее опытные туристы-водники, сотрудники Уральского научного центра Академии наук СССР, журналисты. На этот раз в роли Ермака, руководителем похода, был старший инструктор общества охраны природы Виктор Кузьмин.

Экспедиция по следам Ермака, в честь 400-летия со времени покорения Сибири, была спортивной и научной, агитационной и патриотической.

Первый на Урале завод

Ровно 350 лет назад начал выплавку чугуна и производство железных изделий первый на Урале завод — Ницинский. Руду для него добывали из Большого озера и на участках земли, где бурый железняк люди брали с давних пор и плавили железо в ручных печках. Первый уральский железоделательный завод помог уменьшить дорогостоящую доставку кованого инструмента для крестьян Сибири из центральных районов России. Завод на реке Нице был одним из крупных заводов Московского государства. За сезон он выдавал 400 пудов железа...

Ныне металлургическая промышленность Урала дает стране десятки миллионов тонн чугуна и стали.

А. КОПАЙСКИЙ

Гуляй-плотина

Какие бывали и бывают плотины? Их издавна строили из хвороста, бревен, камня, грунта, теперь — из железобетона. Все это, так сказать, глухие запруды, недвижные. А ведь сооружаются плотины и принципиально другого типа — с жалюзьями. Так, например, в Германии в XIX веке строили запруды с подпорной стенкой, свертывающейся и развертывающейся по мере надобности. Делали плотины и с подъемными щитами. Может быть, существовали в прошлом и вообще переносные запруды? Были же на Руси гуляй-города. Еще с 1550 г. при описании похода против Казани впер-

вые упоминались подвижные крепости, в которых воины укрывались меж двойных стен.

И Ермак с дружинниками тоже вез истинно хитроумное изобретение — тканевую плотину. Казаки повышали уровень в уральских речках с помощью растянутых парусов, снятых с мачт стругов. Эта остроумная идея, возникшая в нашем народе задолго до похода казаков в Сибирь, дает ответ на вопрос, как могли тяжелые струги пройти там, где, кажется, пройти невозможно.

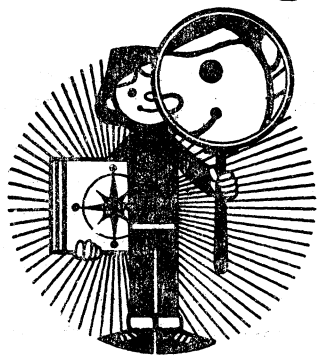
Ю. АЛАИ

Самая старая быль о Думной

Дед Слышко с горы Думной, что в уральском городе Полевском, оставил в книгах Павла Петровича Бажова много чудесных сказов о родных местах. Ни знаменитый уральский писатель, ни его дед Слышко не могли, однако, рассказать того, о чем говорят теперь археологи. В результате многолетних раскопок на горе Думной обнаружилось крупное металлургическое производство, которое существовало 2500 лет назад! Здесь, на Думной, древние люди добывали руду и плавил медь, причем делали это в нескольких печах. Достоверно выяснено, что полевская (точнее — гумешевская) руда использовалась также на Иткуле, где открыт первый металлургический центр Урала (этот памятник археологи также относят к VI—IV векам до нашей эры).

В. ДАНИЛОВ

МИР

НА ЛАДОНИ

Памятник над Белой

Утопающий в буйной зелени парк Победы — один из самых живописных уголков Уфы. Здесь, на берегу Белой, воздвигнут памятник Героям Советского Союза Александру Матросову и Миннигали Губайдуллину.

Имя уфимского комсомольца гвардии рядового А. Матросова знакомо каждому из нас со школьных лет.

...Шел трудный кровопролитный бой у деревни Чернушки близ города Великие Луки. Наступающие цепи наших бойцов залегли под кинжальным пулеметным огнем. Видя это, Александр Матросов вызвался уничтожить фашистский дзот, а когда кончились гранаты, он своим телом закрыл амбразуру.

Башкирский юноша из Миякинского района лейтенант М. Губайдуллин повторил под Херсоном подвиг Матросова.

Два молодых воина, два уральца едва ли знали друг друга при жизни. Но, совершив бессмертный подвиг, они встретились здесь, на родной земле, — два бронзовых солдата.

Фигура воина в каске с автоматом в руке, в плащ-палатке, взметнувшейся за спиной, будто пламя. А рядом на 24-метровом пилоне скульптурные изображения Матросова и Губайдуллина. Таков памятник над Белой. Его автор — народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий Лев Ефимович Кербель.

На снимке: памятник Героям Советского Союза Александру Матросову и Миннигали Губайдуллину.

В. ЧЕМЛЯКОВ

Фото Р. Кудоярова

Прыжок

Лидии Епишевой

На Центральном аэродроме в Москве, бывшей Ходынке, возле самолета ТБ-1 собралась большая группа людей. Настроение у всех — праздничное.

— Держись, Лидок! В случае чего — поймем, — весело говорит Валерий Чкалов.

И вот Лидок в самолете. На высоте 500 метров люлька, в которой она находилась, резко качнулась, и девушка провалилась в бездну... Потом все ее качали. Это было в 1931 году. Лидия Сергеевна Епишева первая в нашей стране совершила парашютный прыжок.

Г. АЛЕКСЕЕВ

Дизельная подводная лодка вынырнула из густо-зеленых глубин на... бетонный берег. Легендарная гвардейская краснознаменная подлодка С-56 стала мемориалом и встала на вечную стоянку на Корабельной набережной города Владивостока.

В начале Великой Отечественной войны была спущена на воду С-56. Командиром был Г. И. Щедрин, ныне вице-адмирал в отставке, Герой Советского Союза.

Осенью 1942-го С-56 в составе отряда из шести подлодок была направлена для усиления Северного флота.

В 1954 году гвардейская краснознаменная С-56 вернулась на Тихий океан. Еще два с лишним десятка лет она несла нелегкую службу на дальневосточных рубежах Отчизны, участвовала в различных войсковых учениях. Впоследствии лодка стала учебно-тренировочной.

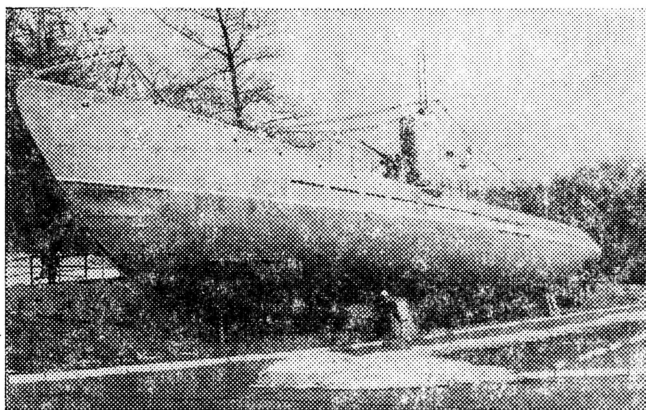
Сейчас корабль-музей Краснознаменного Тихоокеанского флота отдыхает на постаменте. Гости Владивостока, моряки, студенты и школьники знакомятся с боевой биографией С-56.

На снимке: мемориальная лодка-музей С-56.

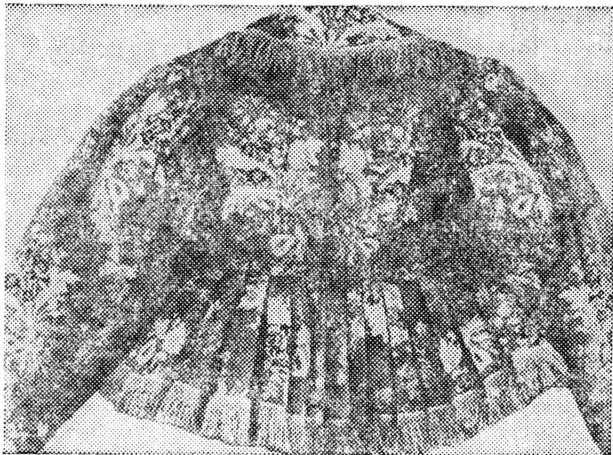
В. БЕРЕЗИН

Фото автора

Лодка-музей

Шита шелком и золотом...

В фондах Государственного Эрмитажа хранится несколько тысяч образцов старинного русского шитья и предметов, украшенных вышивками,—бытовых вещей, платьев, головных уборов...

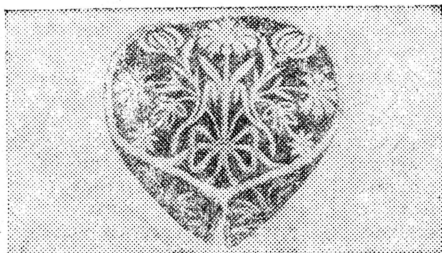
...«Золото волооченое», упоминаемое в древних письменных источниках,—это та самая позолоченная тончайшая проволока из серебра, которую наши предки использовали для вышивки. А «золотом пряденым» называли они шелковую или льняную нить, перевитую все той же тончайшей серебряной позолоченной проволокой. Делали волооченую и пряденую золотую нить на Руси еще в XVI веке.

Вышивка на рубахе от костюма уральской казачки относится ко второй половине XIX века: крупные по рисунку цветы на многолепестковых веточках, стилизованные растения, шишки хвойных деревьев отчетливо выделяются на фоне светлой ткани. Рубаха сшита из белого узорчатого шелка, голубого атласа, ситца и кисеи. Шитье золотыми прядеными нитями, выполненное тамбурным швом, дополняет вышивка битью и блестками в прикреп. Все части декора строго взаимосвязаны, образуя выразительную и очень нарядную композицию.

В уральских вышивках помимо пряденых нитей можно было встретить бить, имеющую форму плоской полосы, а также металлические блестки в виде плоских колец. Головные уборы модницы прошлых лет щедро украшали жемчугом, перламутром, стеклярусом, бисером.

На снимках: вышивка на рубахе от костюма уральской казачки и головной убор.

З. АФАНАСЬЕВА

Кижки лечатся

Многошатровому деревянному чуду на Онежском озере — Кижам пришло время лечиться. Главным врагом знаменитого ансамбля оказались жучки-древоточы, разрушавшие памятник. На помощь Кижам пришли ленинградские специалисты. Они предложили уникальный способ — обработку построек парами бромистого метила. Предварительно здания были укутаны в полиэтиленовые колпаки.

Исторический памятник деревянного зодчества был спасен всего за неделю.

Курьезные ордена

Начиная с XVI столетия во многих государствах появляются ордена — почетные награды. Среди огромного множества их было немало, с современной точки зрения, весьма курьезных. Впрочем один из них и того раньше появился: в XIV веке учредили в Великобритании орден Бани. Согласно легенде, таким несколько необычным способом была увековечена отзывчивость короля Генриха IV, превратившего однажды свое купание, чтобы выслушать пришедших к нему просителей. На русском языке этот орден именовался орденом мыльни.

В 1662 году набожная вдова австро-венгерского императора Элеонора Гонзага учредила орден Рабынь добродетели. Он представлял собой золотой знак с изображением солнца и четырех красных роз. Носили его на руке выше локтя.

В прошлом веке во всех мелких и мельчайших государствах Германской империи имелись собственные ордена, подчас с весьма мудренными названиями — Альберта Медведя, Золотого пламени, Родовой ордена Бдительности, или Белого сокола, Искренности, Лебедя... В Люксембурге имелся орден Древнего благородства.

Весьма звучные названия имели ордена на Востоке. Например, в Корее в 1900—1901 годах были учреждены ордена Сливового цветка, Золотого меррила, Восьми священных знаков стихий и Пурпурного сокола. В Японии для коронованных особ был учрежден орден Хризантемы, а в 1888 году в Японии появился орден Священного сокровища (Зеркала) восьми степеней.

После предательства Мазепы Петр I повелел изготовить орден Иуды — огромную 12-фунтовую медаль с цепью. На ней изображался повесившийся над рассыпанными серебряниками Иуда, были вычеканены слова: «Траеклят сын погибельный Иуда еже за сребролюбие давится». Во время Полтавской битвы Мазепе удалось бежать и тем самым ускользнуть от уготованной ему «награды». С орденом Иуды позже щеголял в царском дворце один из придворных шутов.

Некоторое время спустя племянница Петра Великого — императрица Анна Иоанновна учредила для поощрения своих придворных шутов и дураков орден Бенедикта — крестик на красной ленте.

В. ШУМОВ

$v = 4 \text{ км/час}$
 $t = 3 \text{ часа}$

$S = X$

ЗАДАЧА

Герман
ДРОБИЗ

Рассказ

Рисунки
А. Бантыш

1

Как всегда, ровно без пяти шесть солнце поднялось над дальними горами и осветило аккуратные кварталы города А. Лучи легли поперек широкого прямого шоссе, ведущего в город Б и обсаженного с обеих сторон тополями. Тени от тополей делили шоссе на равномерные отрезки, делая его похожим на школьную линейку. У начала шоссе, обозначая городскую черту, стояла высокая прямоугольная башня с циферблатами на всех ее сторонах. Вскоре шесть торжественных ударов проплыли над городом, и он ожил: на улицах появились участники задач и среди них пешеход.

Он с наслаждением вдохнул свежий утренний воздух, к которому примешивалась тончайшая водяная пыль. Бассейн уже действовал. Тротуар возле него вибрировал от работавших под землей насосов. Из двух широкогорлых труб обрушивались водопады, над ними в столбах водяной пыли блуждала радуга. В середине бассейна вода закручивалась воронкой, уходя в третью трубу. Пожалуй, это была самая красивая задача в городе. Где-то кому-то предстояло решать ее с помощью довольно хитрых вычислений, пешеход же мог воочию убедиться, что уровень воды неподвижен.

Бассейн, окруженный просторным газоном высокой травы, лежал у подножия холма, а вершину занимала центральная площадь, и с нее был виден весь город и окружающие его равнины. По заведенной привычке пешеход затратил некоторое время на круговой обзор. Он угваривал себя по-прежнему любить город А, хоть и давно убедился в его полной схожести с городом Б. И тут и там кварталы были нарезаны безупречными прямоугольниками. И тут и там вокруг центральной площади располагались жилые районы, а за ними теснились фабрики, заводы, электростанции, ремонтные мастерские, склады, гаражи; за городской чертой простирались поля, огороды и пастбища. В полях, в золоте спелого хлеба,

равномерно продвигались комбайны, выкрашенные в алые и кремновые тона; над темной зеленью огородов сверкали струи дождевальных установок; и только неровные в очертаниях и пестрые по цвету стада на пастбищах нарушали строгую геометрию всего видимого; однако и они, пешеход знал это, неукоснительно выполняли свою задачу, поедая траву на отведенных им участках в заданном раз и навсегда темпе. Бесперывная, слаженная работа шла всюду, никто не медлил и не торопился, никто не опаздывал, не делал более того, что полагалось, и менее того. Все было подчинено условиям задач, задачи же были заданы, и не стоило спрашивать, отчего именно такие, а не другие, и зачем они существуют вообще. Никто и не спрашивал...

Ровно в семь пешеход пересек тень башни и очутился на шоссе. Он участвовал в нескольких задачах. Эта, утренняя, заключалась в том, что, выйдя в семь утра из города А и двигаясь со средней скоростью четыре километра в час, следовало к десяти утра достигнуть города Б. Отсюда для сведущих в решении подобных задач возникала возможность вычислить расстояние между городами.

Шоссе шло строго по прямой, не имея ни одного поворота, и было плоским, как стол, за исключением того места, примерно в середине пути, где протекала спокойная, в отлогих песчаных берегах река, и через нее был переброшен красивый горбатый мост. Иногда пешеход сравнивал себя с маятником, который качается между городами А и Б. Когда он удалялся от А, то с сожалением расставался с ним, но по мере приближения к реке это чувство ослабевало, а когда он взбирался на мост и с его самой высокой точки открывался вид на оба города, он посылал мысленное прощание городу А и с на-

растающей симпатией к городу Б начинал спускаться к нему с вершины моста. На обратном пути все это повторялось в обратном порядке.

Неподалеку от моста всегда купались мальчишки, их голоса весело звенели над водной гладью. Впрочем неверно было говорить, что они купались: они участвовали в своей задаче и проплывали вдоль берега определенные расстояния, каждый раз за определенное время.

В городе и за городом не было ничего такого, что не выполняло задач, ничего, служившего каким-нибудь другим целям. Смысл жизни был столь очевиден и великолепен в своей определенности, особенно по утрам, на первых шагах по шоссе, когда прохладный воздух, напоенный ароматами полей, обвевал щеки, шею и грудь пешехода, идущего со скоростью четырех километров в час по огромной линейке, исчерченной тенями от тополей. Условие следует выполнять для того, чтобы задачу можно было правильно решить, задача же существует для того, чтобы ее решали, и делали это правильно. И точка.

Пешеход затруднялся припомнить, с каких пор эта очевидная точка начала превращаться в запятую, и вслед за двумя ясными утверждениями забрезжило нечто зыбкое, некое дополнительное изображение, а возможно, вопрос. Нельзя сказать, чтобы это ощущение занимало его надолго, но в последние дни оно приходило все чаще и уходило все медленнее. Особую тревогу вызывало такое, казалось бы, прямо не относящееся сюда обстоятельство, как его разочарование в городе А. Ему перестал нравиться облик родного города, а заодно и города Б, иных же городов не существовало. Неизвестно отчего, но это был очень тревожный знак, признак надвигающейся беды. Что-то должно случиться с ним или с городом, но с городом ничего не могло случиться, ибо случаи располагаются во времени произвольно, а в городе А властвовала точность. Значит, беда родилась и подрастала в нем, в пешеходе, и могла означать только одно: нарушение точности. Мрачность предчувствия, к счастью, сильно смягчалась сейчас знакомым видом пустынного шоссе, золотым сверканием колосьев по одну его сторону и сочностью оттенков, украшавших по другую сторону цветущий луг. «Нарушение точности?.. Как бы это могло выглядеть? Так, что ли: шел я, шел да вдруг и уселся прямо на обочине и никуда дальше не пошел. Или разлегся в траве и задремал?» Подтрунивая над собой, пешеход проанализировал это чуть ли не вслух и в ту же минуту так явственно увидел, как он именно «вдруг» садит-

ся на гравий, просыхающий на солнце, местами уже сухой; да, запросто, в непринужденной позе усаживается, оперевшись за спиной обеими руками и привольно раскинув ноги,—что, при всей дикости подобной картины, он невольно отдалился от обочины, ближе к осевой линии проезжей части, и поднял голову повыше, желая побыстрее заменить нелепое видение привычной красотой утренней равнины.

За спиной послышалось пение мотора. Он оглянулся, чтобы убедиться, что это, как всегда, старенький грузовик, чьим ежедневным утренним делом было перевозить груз из А в Б за пятнадцать минут. Да, это был он. Знакомый водитель высунул из окошка растопыренную пятерню—его обычный приветственный жест. Грузовик профырчал рядом, обдал сладковатым запахом отработанных газов и быстро удалился. Впереди, на асфальте, за сверкала точка. Пешеход поравнялся с ней и, не останавливаясь, косо, по-птичьи глянул: это была капля смазочного масла. Через десяток шагов он увидел следующую, затем еще и еще. Ощущение беды коротко всколыхнулось в нем; впрочем в каплях не было ничего зловещего и опасного; напротив, они были красивы, словно кто-то раскатил по асфальту пригоршню граненых бус, вспыхивающих под солнечными лучами. Нет сомнений, грузовичок благополучно докатит до Б.

Сзади раздался предостерегающий звонок: на этот раз его обогнал велосипедист. Они коротко кивнули друг другу. Все в тот же город Б велосипедисту следовало прибыть за тридцать минут ровно. Красивый рослый парень, он, как всегда, был одет нарядно и, пожалуй, даже щегольски. Широкие плечи были обтянуты белоснежной рубашкой с синим отложным воротником, трепетавшим на ветру. Вскоре он умчался далеко вперед, но все еще был виден, как яркое сине-белое пятнышко. Оно чуть покачивалось из стороны в сторону и при этом становилось все меньше, меньше, а затем—или показалось?—сдвинулось в сторону и перестало уменьшаться. Еще не ускорив шага, пешеход уже понял, что произошло с сине-белым пятном. Он удивился, что теперь, когда беда стала действительностью, это поразило его меньше, чем ожидание, когда она произойдет...

Велосипедист сидел на обочине и осторожно ощупывал голеностоп правой ноги. Колено левой было разбито в кровь. По рубашке шла широкая грязная полоса, словно лента победителя в гонке. Велосипед лежал на боку посередине шос-

се. Лужица масла, на которой подскользнулся гонщик, брызгами разлетелась по асфальту.

Увидев пешехода, велосипедист подмигнул ему, и это залихватское движение мало соответствовало потрясению и ужасу, читавшимся в его взгляде. Пешеход протянул руку и помог подняться. Велосипедист поставил машину, влез в седло, обращаясь с собственными ногами неуверенно и бережно, словно с только что выданным, а еще не опробованным инвентарем, а когда нажал на педали, не смог сдерживать стоны. В этом месте подъем, ведущий к мосту, только начинался, но машина сразу пошла тяжело, и вскоре велосипедист медленно-медленно покатиł обратно вниз, навстречу пешеходе. Они поравнялись, и пешеход придержал машину: ему показалось, велосипедист снова упадет. Тот тяжело дышал, из колена по-прежнему, и даже обильнее, сочилась кровь, он промакивал ее ладонью, той же ладонью утирал лоб, лицо было в крови и грязи. Солнце уже заметно поднялось над горизонтом. Начинало припекать. Над лугом плясали бабочки. Из-под моста доносились крики и визг купавшихся мальчишек.

Впервые за все время служения задаче среди таких же, служивших своим задачам, перед пешеходом находился человек, не имевший сил выполнить свою задачу. Никто никому не помогал в городе А, и он тоже, в этом не было нужды. До сих пор. Была ли запрещена помощь? Пожалуй, нет. Во всяком случае он никогда не слышал о таком запрещении. С другой стороны, в городе А никто не чувствовал общей ответственности за выполнение всех задач. Пешехода тоже не интересовали задачи, в которых он не участвовал. Он не считал, что они менее важны, чем его, но это были чужие задачи, и он за них не отвечал.

«Что ж,—подумал он,—в конце концов нам по пути...»

Обвиснув в седле, велосипедист смотрел на сочившуюся кровью коленку, он все еще не сказал ни слова с той минуты, как они встретились. Пешеход уперся левой рукой в седло, исподлобья взглянул на велосипедиста. Тот благодарно кивнул и нажал на педали. Поначалу дело оказалось нетрудным, подъем был пологим, но это было еще предместье. Но вот по обе стороны шоссе побежали столбики и перила ограды, и тягость сразу возросла, пришлось упереться в седло обеими руками и уменьшить угол между своим телом и дорогой. Гонщику тоже не мешало крепче нажимать на педали—он и старался, но быстро дошел до предела.

Краем глаза пешеход следил, как подымается мост, а вперед он

старался не глядеть. Мост превращался в бесконечность. Пешеход считал шаги, договариваясь сам с собой посмотреть вперед через пятьдесят, а потом еще через пятьдесят... Кроме того, что горели легкие, и сердце бухало, как колокол, и лился едкий пот, мешало нарастающее чувство страха, неизвестно перед чем, и злобы, неизвестно на что. Казалось, он не толкает гонщика и его машину перед собой, а тащит их, привязанными к своим ногам, и гонщик не только не берет на себя часть усилий, но и еще цепляется за столбики ограды непомерно разросшимися руками...

Наконец они перевалили верхнюю точку подъема, прошли — проехали, пробежали — короткую пологую часть, и начался спуск. Сердце продолжало возмущенно лупить по ребрам, и дыханию еще не скоро предстояло вернуться к обычной спокойной работе, и радужные круги текли и скользили в капле пота, застилавшей взор, а он вдруг почувствовал огромную, неведомую до сих пор радость победы; и с изумлением понял, что за все время подъема ни разу не подумал ни о своей задаче, ни о задаче велосипедиста, а был всецело поглощен задачей преодоления подъема. Он забыл о порученной ему задаче и поставил перед собой другую, не нужную никому, кроме него, и выполнил ее. Вот откуда была эта радость, разлившаяся во всех мускулах и клеточках его тела; взбудораженный ею, он в несколько шагов разогнал велосипедиста — словно раскрутил камень в праще — и тот, даже не успев поблагодарить, вскоре замелькал далеко внизу скачущей цветной горошинкой. Пешеход смотрел, как грязноватое синее пятнышко растворяется в солнечном мареве. Затем он сам бегом спустился с моста, влетел на хрустящий гравий обочины, затормозил на нем — камешки брызнули из-под ног и мелко простучали по

асфальту. Позади высился исполинский горб моста, великан, казалось, был обижен и озадачен своим поражением...

Густая, высокая трава начиналась сразу от обочины. Не веря тому, что делает, пешеход вошел в нее осторожно, словно в воду незнакомой реки, и, неловко повалившись боком, улегся на мягкую пружинистую подстилку, и стебли сомкнулись над его головой.

2.

Гром не грянул и земля не раскололась. Только потревоженный жук с лаковой черной спинкой упал откуда-то прямо на щеку пешехода, пробежал, щекоча мельчайшими лапками, соскользнул в ямку ключицы. Пешеход выгреб его оттуда и отбросил в сторону.

Ничего не случилось, а между тем он прекратил переход из города А в город Б со скоростью четыре километра в час, с непреложной обязанностью завершить путь к десяти часам. Он освободил себя от задачи и, так как никаких других обязательств у него не было, освободил себя от всего. Он был абсолютно свободен. Он мог пойти к реке и там купаться рядом с мальчишками. Мог пересечь луг и добраться до далекого леса. Мог уйти в поля, по которым плыли комбайны. Он представил, с каким ужасом смотрели бы комбайнеры на пешехода, бесцельно гуляющего среди полей.

Жук с лаковой черной спинкой — возможно, тот же самый — подымался по толстому стеблю цветка. Добравшись до соцветия, он начал переваливать через край лепестка, но лепесток не выдержал тяжести, и жук сорвался. Вскоре он снова полз по стеблю, снова сорвался и снова начал свое, видимо, бесконечное путешествие.

«Жук доползает от подножия стебля до его вершины за ...секунд.

Какова скорость жука, если высота стебля ...см?»

Он щелкнул ногтем в крепкую спинку, она раскололась и выпустила усеянные черными пятнышками крылья. Они помогли жуку превратить беспорядочное кувырканье в полет, он улетел и больше не появился.

«Нас двое. Двое, прекративших свои задачи, я и жук. Кто еще?»

Ему показалось, что на солнце набежало облако и на лицо его легла тень. Нет, небо оставалось чистым, это под порывом ветерка качнулось огромное соцветие перерезанной ромашки. Тень, однако, осталась — тень мысли, которую он медлил впустить в сознание, хоть и понимал, что она уже возникла и вошла, тогда он попытался помешать ей облечься в слова, но одно все-таки пробилось и прозвучало, одно-единственное, твердое, холодное, краткое: «Цель».

До сих пор его целью было выполнение задачи, и это были однообразные действия, иногда приносящие радость и покой, иногда раздражающие своей повторяемостью, а сегодня они показались ему унизительными. Он способен на большее, он, к примеру, одолел мост — впрочем и это не самое большое, на что он способен. Он чувствовал, что несет в себе предназначение к чему-то совсем иному. К чему? Выполнение задачи было скромной целью, а может, и ничтожной — он понятия не имел о значении своей задачи, знал лишь, что важно соблюсти ее условия, а важна ли она сама, просто не представлял. Но при всей ее скромности и ограниченности задача была понятна как цель и наполнена небольшим, строго очерченным смыслом. Каков же был смысл в его теперешней свободе? Какова цель того, что с ним произошло и будет отныне происходить? Где и как он собирается употребить эту свою свободу, когда все вокруг продолжают выполнять свои задачи? Кем он станет в их глазах — примером или вечным укором? В этом маленьком

мире, состоящем из двух городов, дороги между ними, полей, лугов и реки, нет ни единой щелочки, куда можно было бы протиснуться и попать в иные обстоятельства. Этот маленький мир создан для выполнения задач, и даже солнце, дающее ему тепло и жизнь, служит задаче и существует для нее. Освободить себя от задачи оказалось не сложно и не страшно, но в этом мире нет ничего, что заполнило бы образовавшуюся пустоту. Вполне возможно, пешеход из задачи — не единственное его предназначение и не самое главное, но иное надо искать в другом мире, под другим солнцем. Для этого следовало поверить в существование других миров и отправиться на их поиски. Он попробовал вообразить иные миры... Они начинались, возможно, там, за стеной леса, или там, за горами, или там, за бездонной чашей неба... Но, даже если они и существуют, иные миры, в них происходит то же самое, в них служат своим задачам, на том стоит все сущее. Правда, он, пешеход, только что выполнил личную, никем не заданную задачу — победил мост. Может быть, разгадка кроется здесь — мир может перемениться, задачи могут стать своими, личными, внутренне необходимыми? Это будет прекрасно для каждого в отдельности, но каким образом тогда усилятся, мечты и задачи каждого сольются в общую жизнь, которая сейчас так слитна и слаженна в этом тесном мире двух городов, дороги, лугов, полей и реки?

Эти новые для него и все более туманные и горькие мысли привели его наконец в полное отчаяние. Опомившись, он увидел себя стоящим на коленях, с крепко зажатой в кулаке горстью травяных и цветочных стеблей. Не понимая, зачем, он принялся выдирать их с корнями, словно в обнажавшейся земле скрывалась мучившая его разгадка, а потом ткнулся лбом в мягкую прохладную землю, в корни трав, в которых едва заметно пульсировала — неужели тоже выполнявшая задачу? — жизнь. Тихое ровное гудение пришло к нему. Сперва показалось — это гудят соки, выкачиваемые корнями из почвы, и он подивился тонкости своего слуха, но потом понял — и мгновенно взорвавшийся в нем страх подкинул его на ноги.

С моста скатывался еще один грузовик, обычно обгонявший его перед самой башней города Б, и это несоответствие лучше всяких часов показало ему, насколько он опаздывает. Он метнулся на обочину, и гравий захрустел под ногами, он побежал, а когда ление грузовика приблизилось, обернулся и вскинул руки

Ясно различимый за любовым

стеклом водитель бросил на него взгляд, полный изумления и сочувствия, но и не более того; пешеход тут же вспомнил, что этот водитель — из задачи, где предписана постоянная скорость, и, разумеется, он не мог уменьшить ее ни на ничтожную долю; а главное, по лицу водителя было видно — ясно понимаемая беда пешехода, он никак не представляет себе возможности участвовать в чужой задаче. Неучастие в чужих задачах — на этом стоял здешний мир! Когда он, пешеход, взялся помогать велосипедисту, он уже тогда совершил нечто неслыханное, неподобающее, вот отчего велосипедист не посмел заговорить с ним; а ведь тогда казалось, что он еще ничего не нарушает, главным его условием было время в пути, скорость предписывалась средняя — время же он не собирался нарушать, когда впервые уперся в седло велосипеда и зашагал к мосту; но теперь было ясно, что этого не следовало делать ни в коем случае, это уже было началом его бессмысленного бунта.

Борт грузовика пролетел рядом. Он прыгнул и вцепился в него, в следующее мгновение показалось, что руки оторвались и умчались, сомкнутые до судороги на жестком обресе борта. Затем резкая боль сменилась тягучей, пронизала все тело; все же он удержался благодаря тому, что нащупал ногами скобу под кузовом. Несколько раз от толчков он терял эту ненадежную опору, болтал ногами в воздухе, извивался, как червяк, снова находил ее и снова срывался, а ладони вспотели и начали съезжать с борта. За мгновение до того, как он понял, что силы кончились и пальцы разожмутся, он разжал их сам и, как мог, оттолкнулся от борта. Как ни странно, он даже удержался на ногах.

Не более чем в пятидесяти шагах высилась башня, и стрелки на часах показывали ровно десять. Первый удар тяжело проплыл в горячем воздухе. С последним, десятым, пешеход пересек тень башни и достиг города Б. Он прошел через его знакомую повседневную суету к центру, где так же, как в А, шумел бассейн. Он подошел к самому краю. Туча водяной пыли обдала его горящее лицо. Косые тени крыш лежали на газоне. Солнце стояло не так высоко, как казалось. День еще только начинался.

Активный

Алеша

- Все ответ задачи знают? (Руки тянутся... Как много!..)
- Пусть Алеша отвечает...
- Марь Иванн! Конец урока!

С. ВЛАДИМИРОВ

МУДРЯШКИ

Если не можете сдерживать свои обещания, то хотя бы сдерживайте мысль о них.

Рассчитывал не на свои силы, а на слабости окружающих.

В. СОЛОМИН

Неблагополучные дети очень часто вырастают на нервной почве родителей.

Какой разносторонний человек вырастает из ребенка, когда школа учит одному, а семья другому!

Одна голова — хорошо, а вместе с умом — лучше!

Е. ТАРАСОВ

Приписка к характеристике: «Извините, если что не так».

Походы отдалают туристов от инфаркта, но приближают к нему лесников.

Одни сворачивают горы, другие — при виде гор.

В. ВОРОНЦОВ

Средняя школа — тоже школа жизни.

Знание — сила, особенно если знаешь приемы самбо, дзю-до, каратэ.

Не консервируйте плоды просвещения.

Ю. РЫБНИКОВ

ДВА РАЗА ГРЕЕШЬСЯ...

Аждаут Найманов, ногайский писатель-сатирик, живет и работает в ауле Эркинхалка Карачаево-Черкесской автономной области. Персонажи некоторых его сатирических миниатюрных циклов сродни чем-то героям из известного болгарского города Габрово: они не боятся предстать сами в смешном виде или выставить смешное в других. Также, например, вообразивший себя поэтом студент Тангатар, другие персонажи.

Предлагаем вниманию читателя несколько миниатюр.

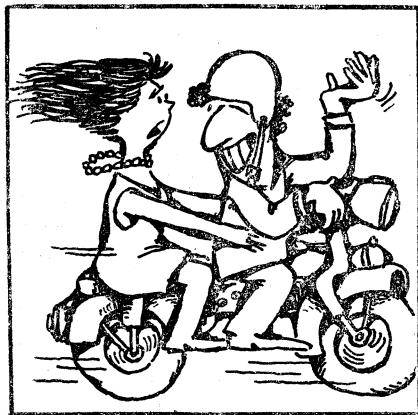
Зачем волноваться?

Отец на день рождения подарил Тангатару мотоцикл.

И вот Тангатар мчится по шоссе, а ветер жалуется, что он едет так быстро. Фатима, которая сидит за его спиной, согласна с ветром:

— Тангатар, поезжай осторожней! Мы можем разбиться!

— Не волнуйся! Мотоцикл застрахован!

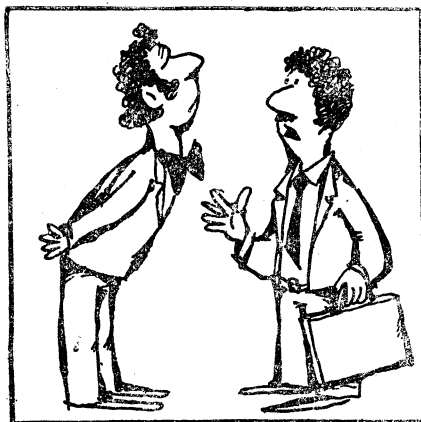
Серьезное предупреждение

— Не смейте таскать у меня карандаши, ручку, бумагу,— сказала Айсе сестрам.— Очень нехорошо так делать.

— Почему нехорошо? — спросила Маржан.

— Потому что я сама с большим трудом стащила их у дяди Тангатара.

Талантливый

Тангатар шел по улице, заложив руки за спину и гордо вскинув голову. Ему встретился институтский товарищ Ахмет.

— Тангатар! Что с тобой? Почему за спину держишься и шею тянешь? Заболел?

— Почему заболел? Так все талантливые поэты ходят.

— Ты стал поэтом?

— Пока нет. Знаешь, очень трудно так ходить. Но я каждый день тренируюсь.

Дела макулатурные

Рисунки
С. Ашмарина

Находчивый

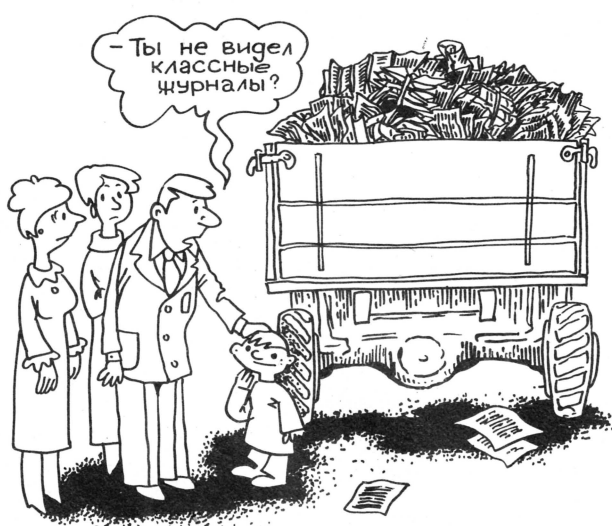
Куаная встретил человек, которому он привез дрова.

— Твое счастье, что не было тебя рядом, когда я колос дрова. Я бы вытащил все сучки и загнал в твой лживый язык, который говорил: бери, дрова хорошие.

— Они действительно хорошие. Два раза тепло дают. Один раз когда колешь, другой — когда топишь...

Перевел с ногайского
В. БЕЛОУСОВ

КРЕПКОЕ ЗЕРНЫШКО

Латинское «grahit» — значит зерно. И надо сказать, что гранит — крепкое зернышко, как и вся семья вулканических глубинных пород. Родословная его уходит в самую первозданность, в дожизненную эру. Граниты, которые «родились» в мезозое или в третичном периоде, — не просто молодые, а так, гранитишки-подростки...

Камень этот тверд, массивен, хорошо обтесывается. А полируется так, что в него можно смотреться, как в зеркало. Эти свойства обеспечили ему репутацию важного строительного материала, который используется для крупных сооружений, рассчитанных на века. Древние акведуки и современное метро, фундаменты для первых небоскребов, мосты, гавани, монументы — везде поработал гранит.

И только однажды случился с ним конфуз... Когда строился Петербург, привезли из Финляндии красный, пор-

фировидный, с красивыми узорами камень и стали строить из него здания. Вопреки всему, они начали разрушаться... Оказалось, что раппакиви — так называется разновидность гранита — на воздухе быстро выветривается. Вот гравий для дорожных покрытий получается из него прекрасный! Тем не менее слава за раппакиви осталась нелестная: «гнилой камень».

Граниты многоцветны и неожиданны. Всем известен пегматит, удивительные образцы которого есть в уральской Мурзинке: кристаллы кварца образуют древние письмены, отсюда другое его название — письменный гранит. В Книгу первооткрывателей нашей страны несколько лет назад внесена еще одна разновидность, открытая юными геологами Среднего Урала, — гранит «леопардовая шкура».

Фото А. Нагибина